«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИМПЕРИИ»

В. А. МАКЛАКОВ

М. А. АЛДАНОВ

ПЕРЕПИСКА 1929–1957 гг.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящем издании публикуется переписка Василия Маклакова (1869–1957), адвоката, члена ЦК партии кадетов, депутата 2-4-й Государственных дум, посла Временного правительства во Франции, а затем главы Офиса по делам русских беженцев в Париже, и Марка Алданова (1886–1957), одного из самых популярных писателей Русского зарубежья, за 1929–1957 годы. Переписка сохранилась в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете (Калифорния) и в Бахметевском архиве при Колумбийском университете (Нью-Йорк). Переписка содержит сведения о спорах в эмигрантской среде по вопросу об отношении к советской власти, к власовскому движению и к проблеме коллаборационизма в целом, о деятельности различных эмигрантских послевоенных политических организаций, о выдающихся деятелях эмиграции — И. А. Бунине, А. Ф. Керенском, С. П. Мельгунове, Б. И. Николаевском и многих других. Маклаков и Алданов обсуждали проблему соотношения прав личности и государства — «прав человека и империи», особенности жанра исторического романа, вопрос о случайности и закономерности в истории. Ценность переписки заключается не только в том, что это замечательный источник по истории русской политической мысли XX столетия, по истории и культуре русской эмиграции, истории русской литературы. Переписка — блестящий образец эпистолярного жанра.

Публикация может быть полезна преподавателям и исследователям русской истории и литературы XX столетия, студентам, а также интересна более широкому кругу читателей.

- В.А. Маклаков и М.А. Алданов: политика и литература
- Алданов: писатель как политик, 1918-1940
- Вторая мировая война и русская эмиграция
- Эмиграция и советская власть, 1945: Вокруг «визита»
- 1945–1957. Переписка
- НРЗБ
- Список сокращений
  - Архивы
  - Персоналии
  - Периодическая печать
  - Организации
- Письма
  - 1929

- 1931

- 1932

- 1933

- 1934

- 1935

- 1937

- 1938

- 1939

- 1940

- 1944

- 1945

- 1946

- 1947

- 1948

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86

- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130

- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174

- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218

- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262

- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306

- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350

- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394

- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438

- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482

- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487

В.А. Маклаков и М.А. Алданов: политика и литература

Василия Алексеевича Маклакова (1869–1957) и Марка Александровича Алданова (псевдоним, настоящая фамилия Ландау) (1886–1957) вряд ли нужно представлять специалистам. Впрочем, Алданов, один из лучших русских исторических романистов XX столетия, не нуждается как будто в специальном представлении и более широкой публике.

Маклаков стал заметной общественной фигурой еще в России — прославленный адвокат, один из лучших ораторов России, видный деятель партии кадетов, находившийся на ее правом фланге, депутат Государственной думы трех созывов, публицист. В 1917 г. он был назначен послом во Францию, прибыл в страну назначения на следующий день после большевистского переворота и в Россию уже больше не вернулся. Он не успел вручить верительные грамоты, но признавался послом де факто. В период Гражданской войны он занимался дипломатическим и материальным обеспечением Белого движения, а после ее окончания — преимущественно помощью русским беженцам. В связи с признанием Францией СССР в 1924 г. Маклаков был вынужден покинуть посольский особняк на улице Гренелль. Он стал главой Офиса по делам русских беженцев при французском МИДе и председателем Эмигрантского комитета. Был «парижским губернатором», по остроумному замечанию П.Н. Милюкова, до конца своих дней. Много писал: опубликовал четыре мемуарные книги, множество статей — на русском и французском языках{1}.

Алданов, химик по образованию и народный социалист по политической принадлежности, «состоялся» в эмиграции. Начинающий и практически неизвестный литератор в России, он стал одним из грандов эмигрантской литературы. Алданов принадлежал к немногим писателям «русского зарубежья», которые могли жить литературным трудом. Исторические романы Алданова пользовались огромной популярностью, были переведены на многие языки. Его близкий друг И.А. Бунин шесть раз выдвигал Алданова на Нобелевскую премию. Об Алданове-писателе существует довольно обширная литература{2}. Его художественные произведения, так же как очерки и портреты (лучшее, принадлежащее его перу), неоднократно переиздавались в постсоветской России; вышло по меньшей мере три собрания его сочинений{3}. Между тем мало кому известно, что Алданов до конца дней оставался верным «партийному знамени», участвовал

в политической жизни русской эмиграции и, во всяком случае, в обсуждении текущих политических проблем и эмигрантских начинаний. Делалось это непублично, при личных встречах и в переписке. Полагаю, что будет нелишним уделить внимание именно этой, остававшейся в тени, грани его жизни и деятельности.

Алданов: писатель как политик, 1918-1940

В исследовательской литературе Алданов, как правило, «проходит» «по ведомству» истории литературы. Между тем в эмиграции он оказался по причине политических, а не эстетических расхождений с советской властью, принимал довольно активное участие в политической деятельности и от своей партийной принадлежности — Алданов был народным социалистом — не отказывался. Собственно, профессиональным литератором он стал уже в эмиграции.

В России Алданов был заметным деятелем Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). В январе 1918 г. в Петрограде по инициативе известного юриста А.С. Зарудного, в недавнем прошлом министра юстиции Временного правительства, состоялось собрание ЦК и Петроградского комитета ТНСП. Зарудный выступил с докладом, в котором обосновывал необходимость признания советской власти. С содокладом выступил Алданов; он был категорически против признания. Подавляющее большинство собравшихся разделяли взгляды Алданова. Оставшись практически в одиночестве, Зарудный вышел из партии[{4}].

Осенью 1918 г. Алданов выезжал за границу в качестве секретаря делегации Союза возрождения России[{5}], антибольшевистской организации, объединявшей в основном представителей социалистических партий. Окончательно (как выяснилось впоследствии) Алданов покинул Россию вместе со своей будущей женой Татьяной Зайцевой 4 апреля 1919 г. на пароходе, шедшем из Одессы в Константинополь. В Константинополе они пробыли около пяти недель в ожидании французской визы, затем направились в Марсель, а оттуда — в Париж. В Париже, за исключением берлинского периода 1922–1924 гг., Алданов прожил до 1940 г. Несмотря на то что литература стала его основным занятием, Алданов «не терял связи с партией». Когда в мае 1920 г. в Париже был создан Заграничный комитет ТНСП, он вошел в состав его Исполнительного бюро вместе с Л.М. Брамсоном и А.А. Титовым. Председателем Заграничного комитета был избран знаменитый в прошлом революционер-народник, а в годы Гражданской войны глава антибольшевистского архангельского правительства Н.В. Чайковский. Алданов регулярно принимал участие в заседаниях Заграничного комитета, затем Парижского комитета ТНСП. В

феврале 1927 г. он был избран в состав Заграничного партийного бюро, причем если председатели Парижского комитета и Пражской группы партии вошли в состав бюро по должности, то третий член бюро избирался голосованием пражской, берлинской и парижской групп энесов. Алданов получил большинство голосов{6}.

Группы энесов за границей были немногочисленны, общая численность сравнительно активных членов партии не превышала трех десятков человек. К 1940 г. функционировала только парижская группа, прекратившая свою и без того едва заметную деятельность в связи с оккупацией нацистами Франции. В то же время некоторые энесы играли довольно заметную роль в политической, общественной, литературной и научной жизни эмиграции. Кроме упомянутых выше назову А.С. Альперина, Р.М. Бланка, А.Ф. Изюмова, Е.А. Ляцкого, СП. Мельгунова, В.А. Мякотина, Д.М. Одинца, А.Б. Петрищева, Т.И. Полнера, Е.А. Фальковского. Объяснялось это, впрочем, не их партийной принадлежностью, а профессиональными и личными качествами.

В 1920-1930-е гг. круг общения, круг дружеских и профессиональных связей Алданова существенно расширяется. Он работал в «Днях» при редакторе А.Ф. Керенском, постоянно сотрудничал в «Последних новостях» и «Современных записках». Главным его делом, конечно, была литература; не будем забывать, однако, что Алданов был не только романистом — он был политическим писателем. Его очерки и портреты, регулярно печатавшиеся на страницах периодики и выходившие затем отдельными книгами, нередко были посвящены весьма актуальным политическим проблемам (даже если носили исторический характер), а его характеристики современных политических деятелей, от Сталина до Гитлера, отличались не только точностью, но и проницательностью. Перечитайте сейчас «портреты» Сталина (1927), Гитлера (1932) или Черчилля (1932) и сравните с последующей карьерой этих деятелей. Нетрудно заметить, сколь многое и сколь точно предсказано Алдановым.

Не вдаваясь в анализ литературных и личных отношений Алданова с писателями, что выходит за пределы нашей задачи, отметим, сколь широки и разнообразны его политические связи и дружбы. По четвергам Алданов завтракает у Эжена и Софьи Григорьевны Пети. С.Г. Пети — урожденная Балаховская, киевлянка, как и Алданов. Муж Софьи Григорьевны, Эжен Пети, — французский дипломат и политический деятель, русофил, именуемый в русских кругах Евгением Юльевичем. Среди постоянных участников завтраков — А.Ф. Керенский, А.И. Гучков, М.В. Бернацкий, И.П. Демидов, В.А. Маклаков, В.М.

Зензинов, И.И. Фондаминский, во время наездов в Париж бывают И.А. Бунин, П.Б. Струве, В.В. Набоков-Сирин{7}.

Особенно сближается Алданов с одним из участников завтраков — «московским златоустом» В.А. Маклаковым. Иногда, о чем-то не доспорив, Маклаков и Алданов, хотя и живут в одном городе, обмениваются письмами, чтобы разъяснить друг другу свою позицию.

Еще одна линия сближения Маклакова и Алданова — масонская. Оба входили в русские ложи «Свободная Россия» и «Северная Звезда», причем были их членами-основателями, и в «Державный капитул Северная Звезда», в который входили русские масоны 18-й степени «Великого Востока Франции»{8}. Масонские ложи, влияние которых на судьбоносные события российской истории иногда усматривали даже серьезные исследователи, были не более чем клубами, где можно было поговорить без лишних глаз и ушей," иногда чем-то вроде обществ взаимопомощи. Во всяком случае, если речь идет о масонских ложах эмигрантского периода.

Вторая мировая война и русская эмиграция

Вторая мировая война нанесла тяжелый удар по русской эмиграции, включая ее неофициальную политическую и культурную столицу — Париж. После оккупации Франции в 1940–1941 гг. за океан выехала значительная часть эмигрантской либерально-демократической интеллектуальной элиты, имевшей реальные основания опасаться за свою жизнь и свободу. Эмиграция, и ранее не отличавшаяся единством, оказалась в годы войны расколота еще в большей степени — значительная ее часть поддержала нацистов, рассматривая Гитлера как освободителя России от большевистского ига. Среди тех, кто в той или иной форме сотрудничал с нацистами или открыто высказывался в их поддержку, оказались не только крайне правые политики и публицисты, но и вполне респектабельные фигуры русского Парижа, такие как танцовщик и коллекционер Серж Лифарь, писатели Иван Шмелев, Илья Сургучев и Зинаида Гиппиус, художник и историк искусства Александр Бенуа, философ Борис Вышеславцев. Список далеко не исчерпывающий. Другая часть политически активной эмиграции стояла на оборонческих позициях, если не позабыв, то на время спрятав свои разногласия с советской властью. Немало эмигрантов приняли участие в движении Сопротивления. Однако на виду были коллаборационисты, и для многих французов белый эмигрант (ибо для обычных французов, не слишком разбиравшихся в тонкостях эмигрантской политики, все эмигранты были белыми) и коллаборационист стали едва ли не синонимами.

Принято считать, что германскую ориентацию приняла правая, реакционная, часть эмиграции; в основном это верно, однако определенные колебания проявляли и некоторые из эмигрантов, которых принято относить к либерально-демократическому спектру сообщества русских изгнанников.

Во Франции руководителем русских воинских объединений нацистами был назначен генерал Н.Н. Головин, видный военный историк и теоретик, возглавлявший высшие военные курсы РОВС в Париже. После нападения Германии на СССР митрополит Серафим обратился ко всем «верным сынам России» с тем, чтобы «верные сыны» помогли германским войскам очистить русскую землю от «масонской звезды и серпа и молота». Не удивительно, что оккупационные власти объявили о признании только администрации Серафима, специально оговорив, что не признают

«промосковского» митрополита Евлогия[9].

Многие видные деятели эмиграции успели бежать из Парижа накануне его захвата немцами и обосновались на юге Франции, в зоне, контролируемой правительством Виши. Среди них были П.Н. Милюков, А.В. Тыркова вместе с семьей ее сына А.А. Бормана; некоторым счастливцам удалось получить американские визы и уехать в США, в том числе тем, с кем Маклаков постоянно общался в Париже, — М.А. Алданову, А.И. Коновалову, В.М. Зензинову, А.Ф. Керенскому и другим.

В июне 1940 г. Маклаков отказался покинуть Париж; как глава Офиса по делам русских беженцев, он счел необходимым остаться на посту[10].

Однако, как нетрудно было представить заранее, оккупационные власти отнеслись к либералу и масону Маклакову с подозрением. Впрочем, руки до него у властей дошли не сразу. 28 августа 1940 г. были распущены все иностранные организации в оккупированной зоне. Среди них — около 800 русских культурных, образовательных и иных организаций. Офиса Маклакова это не коснулось, однако оккупанты его просто игнорировали. Конечно, проблема русских эмигрантов во Франции волновала их далеко не в первую очередь, что позволило Маклакову продолжить свою, в данных условиях почти совершенно неэффективную, деятельность. Он пытался искать защиты интересов русских изгнанников у правительства Виши и даже обратился с личным письмом к его главе маршалу Ф. Петену. Ответа не последовало.

Тем временем у него появился «конкурент», князь Михаил Горчаков, внук канцлера А.М. Горчакова, предложивший Маклакову разделить функции таким образом, чтобы князь ведал сношениями с немцами, а бывший посол — всем остальным. Горчаков ссылался на желание оккупантов иметь дело именно с ним, но, возможно, это была его собственная инициатива. Горчаков, первый претендент на роль фюрера русской эмиграции, монархист и человек крайне правых убеждений, заявил, что он организовал новый «комитет» по своей собственной инициативе; по его словам, он платил за наем помещения для комитета, в котором он восседал под портретами Николая II и Гитлера, из своих собственных средств. Поверить в «самочинность» возникновения его комитета трудно. Несомненно, что до определенного времени он устраивал германские оккупационные власти; и если его прямая связь с гестапо и не прослеживается, то тесное взаимодействие с немецкой организацией, занимавшейся вербовкой рабочей силы в Германию, очевидна. Собственно, «трудоустройство» эмигрантов, многие из которых действительно

оказались без работы, было, похоже, главной задачей горчаковской организации. Правда, князь также старался вызволять из беды соотечественников, попавших по той или иной причине в руки немецкой или французской полиции. Через несколько месяцев князь был немцами смещен, скорее всего, по причине своей эксцентричности, граничившей с ненормальностью. Даже если сделать скидку на ангажированность мемуаристов-«возвращенцев» Л.Д. Любимова и Б.Н. Александровского, общавшихся с Горчаковым, особенности поведения князя, которые они рисуют, наводят на мысли о неадекватном восприятии им окружающего мира{11}.

В апреле 1941 г. гитлеровцы поручили некоему полковнику Владимиру Карловичу Модраху, ничем особенным себя ранее на политической арене не проявившему, за исключением пронацистских симпатий, организовать комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции. Задачей комитета была, разумеется, не помощь, а прежде всего контроль и привлечение, если потребуется, эмигрантов на службу германским властям. Все эмигранты должны были пройти регистрацию в комитете, причем регистрирующимся после начала войны Германии против СССР предлагали заполнить анкету, завершавшуюся следующим примечательным текстом: «Я, нижеподписавшийся, изъявляю свое добровольное желание принять действенное участие в борьбе, начатой Германской империей в СССР против жидовскокоммунистической власти. Я заявляю, что готов вести эту борьбу в любой ее отрасли и на любом посту, указанном мне представителями национал-социалистической Германии»{12}. Желающих, несмотря на недвусмысленные угрозы, нашлось немного.

Однако уже в июле Модрах был сменен его заместителем, неким Юрием (Георгием) Сергеевичем Жеребковым. Это был относительно молодой человек, в 1941 г. ему исполнилось 33 года. Он был внуком одного из флигель-адъютантов Николая II, натурализованным германским гражданином. По слухам, ранее он был профессиональным танцором. Своим назначением Жеребков был обязан тесным связям с гестапо и, возможно, дружбе с Альфредом Розенбергом.

25 июля 1941 г. около 250 видных эмигрантов были собраны для того, чтобы, не выражая одобрения или тем более несогласия, выслушать декларацию новоявленного «гаулейтера». Жеребков заявил, что будущее принадлежит Германии, а с большевизмом, несомненно, будет покончено. Он сказал также, что знает немцев, что особенно важно, так как они теперь будут определять судьбу России. Выступление Жеребкова, названное «официальным

сообщением», было выпущено в виде листовки и распространено среди эмигрантов. Среди прочего «гаулейтер» говорил: «Я молю Господа, чтобы он дал сил и здоровья тому человеку, который поднял крестовый поход против поработителей нашей Родины. Боже, спаси и сохрани Фюрера Адольфа Хитлера, Вождя не только немецкого народа, но и всех тех, кто отдали и отдают себя на борьбу за новую счастливую Европу!…Я лично молю Всевышнего о даровании победы немецким войскам…»{13}

Теперь эмигранты должны были пройти новую регистрацию в жеребковском комитете, причем их лояльность должны были засвидетельствовать два поручителя. Такое же требование было предъявлено Маклакову. Его Офис в сложившейся ситуации начинал играть все более декоративную роль, а в январе 1942 г. правительство Виши формально упразднило представительские функции Маклакова. Тем не менее Маклаков Офиса не закрыл, а некоторые эмигранты предпочитали иметь дело с ним, а не с нацистскими ставленниками.

Как впоследствии признавался сам Маклаков, поначалу он верил в победу Германии. Разгром Польши и Франции, слабость, проявленная СССР в войне с Финляндией, «чудодейственное» усиление Германии с 1918 г. привели его к мысли, что и Англия, и Советский Союз не устоят. Однако он не сделался «германофилом», как кое-кто из эмигрантов. Маклаков начал сближаться с людьми, которые, как и он, желали поражения Германии; многие из них все же верили в победу Советской России; во всяком случае, все они делали ставку на ее победу. «Это тогда вовсе не предрешало отношения к ней; помню, — вспоминал впоследствии Маклаков, — я полушутя сказал, что если теперь приедет сюда их посол, то я завезу ему карточку; но это была только шутка, на которую так и посмотрели». Шутка оказалась пророческой. Пока же Маклаков счел необходимым зафиксировать на бумаге суждение членов постепенно образовавшейся вокруг него группы о том, что победа СССР для России предпочтительнее победы Германии и что эмигранты должны Советской России в этом содействовать, «нисколько не меняя своего отношения к советской власти». Маклаковым эти рассуждения были оформлены в семи пунктах{14}.

28 апреля 1942 г. Маклаков был арестован; были арестованы и сотрудники его Офиса. Оккупанты хотели продемонстрировать, «кто в Париже хозяин», и пресечь не санкционированную ими деятельность маклаковского Офиса. После девяти с половиной недель заключения в парижской тюрьме Санте в июле 1942 г. Маклаков и его сотрудники были освобождены{15}. Бумага с «семью тезисами» Маклакова осталась лежать в шкафу. На

следующий день после ареста кто-то из его окружения, знавший об их существовании, отыскал и уничтожил листок[16]. Нацисты и их русские и французские прислужники хотели продемонстрировать, «кто есть кто» и подчеркнуть, что недавний председатель Эмигрантского комитета и глава Офиса по делам русских беженцев в глазах новых властей фигура подозрительная и что эмигрантская иерархия изменилась окончательно. Возможно, одной из дополнительных причин ареста послужило масонство Маклакова; во всяком случае, о принадлежности к масонству его допрашивали в тюрьме французские следователи (по словам Маклакова, с немцами в тюрьме он не сталкивался, только с коллаборационистами). После освобождения нацисты взяли у Маклакова подписку, что он прекратит выполнять функции главы Эмигрантского комитета, а также не будет заниматься какой-либо политической деятельностью[17]. Ему предписали уехать на несколько месяцев из Парижа. Маклаков провел их в деревне у барона Б.Э. Нольде; здесь он написал обдуманную в тюрьме книгу о Второй думе[18].

Впоследствии он писал Алданову, что эта книга — его слабость, и он ею очень дорожит. «Я ее сочинял, т. е. обдумывал, когда сидел в тюрьме и не знал, выйду ли оттуда живым. Было много времени думать, было полезно сосредотачивать мысль, чтобы чем-нибудь ее занимать, и, наконец, в этих условиях мысль работает честнее»[19].

В годы войны Маклаков не только был «оборонцем», готовым в условиях войны с нацистской Германией закрыть глаза на прежние прегрешения советской власти, точнее, поверить в ее эволюцию. Кроме того, он требовал от эмигрантов соблюдения лояльности Франции, которая давала им приют на протяжении двух десятилетий. Лояльности в отношении Франции Маклаков, по словам Г.В. Адамовича, «требовал категорически, и резко разрывал с людьми, которые были, по его мнению, в этом смысле не на высоте, — особенно, если это были люди известные, просвещенные, а не сбитые с толку эмигранты. В те времена такие разрывы, — публичные, у всех на виду, доходившие до отказа подать руку, — бывали далеко не безопасны, но Маклакова это не останавливало»[20]. Разумеется, речь шла не о той Франции, которая «коллаборировала» с нацистами.

Вряд ли сопротивление Маклакова и его «группы» нацистам и их пособникам выходило за пределы идейного противостояния. Ему ведь было уже за семьдесят, и он почти ничего не слышал. Американский слуховой аппарат появился у Маклакова только после окончания войны. Но, во всяком случае, после освобождения Маклакова из тюрьмы он и его единомышленники

связались с силами Сопротивления и, вероятно, оказывали его участникам определенное содействие. Но главным их делом, несомненно, была антинацистская пропаганда в эмигрантской среде. По свидетельству П.А. Берлина, «они делали все, что от них зависит, чтобы противодействовать прогитлеровским настроениям в русской эмиграции и оказывать поддержку жертвам немецких преследований». С двумя членами группы, А.С. Альпериным и Н.А. Кривошеиным, Берлин был связан общей работой по укрывательству евреев{21}. Деятельность группы не осталась незамеченной. Один из ее членов, Н.А. Кривошеин, сын бывшего царского министра А.В. Кривошеина, был арестован. Маклаков значился в списке подлежащих увозу в Германию в случае приближения войск союзников. Однако наступление союзников было столь стремительным, что до престарелого либерала руки у нацистов не дошли{22}.

Маклаков, который всегда отказывался от роли «вождя» эмиграции, ссылаясь на свое особое положение ходатая по делам всех эмигрантов, независимо от их политических взглядов, едва ли не впервые попытался сформулировать программу, вокруг которой могла объединиться патриотически настроенная часть эмиграции. Эта программа, напечатанная в виде листовки в июне 1944 г. от имени «группы действия» русских эмигрантов, судя по основным мыслям и стилю, написана им самим или при его ближайшем участии. Вероятно, она во многом повторяла семь пунктов, сформулированных Маклаковым весной 1942 г., запись которых была уничтожена после его ареста.

В листовке эмиграция призывалась «определить свое отношение к происходящему» и «продумать до конца смысл событий, не смущаясь тем, что это должно привести к пересмотру позиций, ранее занятых ею в отношении советской власти и революции». «Новый курс» Маклакова и его единомышленников был сформулирован в виде восьми тезисов, жестко увязанных друг с другом. Эти тезисы важны для понимания логики последующих поступков Маклакова и его взглядов послевоенного времени.

1. В первом пункте четко определялось, что, «когда в 1941 году обнаружилось, что Германия вторглась в Россию для захвата у нее лучших пространств по праву "избранной расы", для патриотически настроенной эмиграции содействие Германии становилось изменой России». Отношение к войне раскололо эмиграцию на две непримиримые части. Одна пошла с Германией и, в силу того что могла проявить себя открыто, создала иллюзию своей многочисленности. Это незаслуженно бросало «позорную тень» на всю эмиграцию, ибо «большая ее часть, несмотря ни на

что, оставалась с Россией». Она понимала, что победа в войне «может укрепить советскую власть, но сознательно предпочитала это успеху Германии», так как «владычество большевиков за 26 лет не уничтожило Великой России, как это могла бы надолго сделать победа Германии».

Однако такой выбор поставил патриотически настроенных эмигрантов «по одну сторону баррикады с советской властью».

2. «Эмиграция должна признать ошибочность своих опасений, что советский режим убьет в народе патриотизм и гражданственность и этим подготовит его к добровольному подчинению иностранцам. Война опровергла эти опасения: Россия оказалась жива и национально здорова. Русский народ поднялся на защиту своей родины и своей обороной напомнил лучшие страницы русской истории. Иностранным завоевателям он предпочел свою, фактически управляющую Россией, власть. Вместе с нею он отстоял свою родину против ее внешних врагов». Правда, после этих слов, казалось бы, означавших капитуляцию перед советской властью и признание ее исторической правоты, следовала фраза, четко демонстрировавшая отличие маклаковской группы от «союза русских патриотов», вскоре переименованного в «союз советских патриотов»: «Он (народ. — *О.Б.)* этим заслужил свое право сам собой управлять».

3. В третьем тезисе отдавалось должное советской власти, которая «проявила себя иной, чем была раньше, когда приносила Россию в жертву мировой революции. Война не захватила ее врасплох. К защите России против врагов она оказалась готовой; она пошла вместе с народом; еще раньше войны она разорвала с прежним своим отношением к его старине; уступки, которые она сделала во время войны, были не только очень реальны, но имели еще большее значение символа. А сама она не пала духом перед опасностью, не предала ради своего самосохранения Россию в руки врагов. Она неразрывно связала свою судьбу с Россией и сумела ее защитить. В отстаивании России в этот момент советская власть показала себя достойной народа. После всего происшедшего, — провозглашался едва ли не центральный тезис программы, — эмиграция не может не признать ее русской властью».

4. По-иному теперь оценивалась и Октябрьская революция — не как «местный эпизод», а в качестве начала «мирового социального сдвига к более полному пониманию задач и обязанностей государства в устроении жизни людей». Резкое столкновение старого с новым, как теперь обтекаемо характеризовались кровавые события революции и Гражданской войны, не может быть вечным. «Революция, поэтому, всегда —

явление временное. Она кончается по осуществлении тех заданий истории, которые были тогда достижимы, возвращением к правовому порядку на новых началах… Изживание революции началось в России еще перед войной, вопреки убеждению, что в советской власти не может быть эволюции, — выдавал желаемое за действительное Маклаков. — Есть идейная пропасть между революционной программой 1918 года с ее призывами к истреблению классов — и конституцией 1936 года, несмотря на ее недостатки. Национальная война за спасение Родины должна углубить и ускорить этот здоровый процесс; мы уже видим признаки этого».

Законнику Маклакову, несмотря ни на что, все-таки трудно было представить, что конституция 1936 года была не более чем клочком бумаги.

5. Однако признание заслуг советской власти в деле защиты отечества совсем не означало покаяния перед ней. «Эмиграция от своего прошлого не отрекается, — подчеркивалось в 5-м тезисе. — Непризнание ею советской власти было основано не на личных или партийных мотивах; она защищала не отжившие привилегии старого, а основы здорового государства, восставала не против начал нового социально го строя, а против приемов и методов их проведения в жизнь в таких размерах и темпах, что ими попирались вечные ценности общежития: законность, уважение к человеку, право населения управляться по своему пониманию».

Следовательно, речь шла не только о том, что эмигранты признали кое в чем правоту советской власти; ход событий подвел советскую власть к проведению в жизнь тех начал, которые отстаивала эмиграция и к которым, по мнению Маклакова, стремилось население России. Теперь начала законности, уважения к человеку, самоуправления «будут особенно нужны; население будет стремиться отдохнуть от революции и войн, и залечивать нанесенные раны». «Власть не должна идти наперекор этим общим желаниям, если не захочет потерять положения, которое было ею завоевано в этой войне». Меньше всего это «предупреждение» было похоже на капитуляцию. Эмиграция была готова примириться с существующей в России властью; но она не собиралась отказываться от своих основополагающих ценностей.

6. Маклаков остался на своей прежней позиции неприятия новой революции, даже если она приведет к падению большевиков. Любая революция ведет к страданиям людей и ослаблению страны. А ведь восстановление международного престижа и мощи России в его глазах было, несомненно, главной

заслугой советской власти. Кто, как не бывший посол бывшей великой державы, толкавшийся в передней ее бывших союзников после окончания Первой мировой войны, мог эту заслугу оценить.

«Эмиграция понимала, что всякое колебание власти во время войны для страны было опасно. Но она не может не видеть, что интересы России и после войны требуют не падения власти, а только ее эволюции. Ни у кого сейчас не может быть большего авторитета при заключении мира, чем у тех, кто управлял страной во время войны и привел ее к победе. Падение власти в этот момент может лишь ослабить Россию. Это понимание должно определять отношение эмиграции, пока власть защищает интересы России».

7. Отношение эмиграции к советской власти переменила война, говорилось в 7-м тезисе, оказавшиеся во время войны «с этой властью на одной стороне, могут и в дальнейшем найти с нею общий язык и общее дело». «Потому возвращение на родину может стать для них отрадной и желанной возможностью». Особенно подчеркивалось значение роли, которую сыграла Россия в войне, для младшего поколения «апатридов», которое своей родины не видело и не знало: «Отпор, который оказала Россия Германии, исполнил их национальною гордостью и готовностью посвятить свои силы служению ей. Этому молодому поколению место только в России».

«Таким образом, — подводился итог документа, — эмиграция будет, естественно, думать о возвращении на родину после войны. Не от нее, а от теперешней власти зависят условия, на которых это будет возможно. По ним тоже можно будет судить, в какой мере власть стала на уровень задач, которые перед Россией раскрылись, и освободилась от приемов и заветов революционного гнета. Это позволит каждому эмигранту видеть, в чем состоит его долг перед родиной. Но для этого ему необходимо будет преодолеть и в себе наследие нашего прошлого, без задних мыслей подчиниться истории и суметь без пристрастия оценить все стороны деятельности своих прежних противников. Возможность искреннего их примирения стала бы символом окончания революционной эпохи и восстановления внутреннего мира в России. Работать над этим, какие бы это ни встретило трудности от предвзятого недоверия и подозрения с обеих сторон, значит сейчас служить истинным интересам России»{23}.

Относительно недоверия и подозрения с обеих сторон Маклаков оказался абсолютно прав. Впрочем, что касается советской власти в лице ее посла в Париже А.Е. Богомолова, прибывшего в город после освобождения, то она не собиралась

рассматривать эмигрантов как «сторону». Она была готова лишь принять их безоговорочную капитуляцию. Что, впрочем, не исключало заигрывания с отдельными эмигрантами, возвращение которых могло послужить для укрепления престижа власти — речь шла, в частности, о живом классике, единственном российском Нобелевском лауреате И.А. Бунине. Что же касается тех лиц, которые, по мнению органов контрразведки, могли представлять потенциальную опасность или должны были быть наказаны за прежние грехи, то их просто насильственно вывозили в СССР. Это происходило в тех странах, которые были освобождены или оккупированы Красной армией. Так, в Югославии арестовали и вывезли на родину приятеля Маклакова В.В. Шульгина; массовые аресты прошли в Праге. Речь идет не о коллаборационистах, сотрудничавших с нацистами, вроде генералов П.Н. Краснова или А.Г. Шкуро, а о тех людях, которые активной роли в политике давно уже не играли, подобно Шульгину, приговоренному советским судом к 25-летнему тюремному заключению, или литературоведу А.Л. Бему, арестованному в Праге и покончившему в тюрьме жизнь самоубийством. В Праге же был арестован и увезен в СССР почти 80-летний князь Петр Д. Долгоруков, некогда товарищ Маклакова по партии кадетов. На родине Долгорукова по слухам, дошедшим до эмиграции, судили во Львове военным судом и приговорили к 10-летнему заключению в лагере{24}. В действительности Долгорукова приговорили, как мы теперь знаем, к пяти годам заключения в тюрьме (из которой он, впрочем, не вышел и после отбытия срока). Но дела это не меняло.

Однако все эти «детали» стали ясны позднее, так же как и то, что советская власть ничем из «революционных завоеваний» поступаться не собирается, более того, распространит их на освобожденные от нацистов страны Восточной Европы и попытается экспортировать через своих сторонников и в Европу Западную. Неизвестно было еще и то, что никакой либерализации режима после войны не произойдет, более того, что начнется его ужесточение и закручивание гаек. Но это все потом. Пока же эмигранты, наблюдавшие возрождение и победы русской армии, правда, называвшейся теперь советской, восстановление патриаршества, патриотическую риторику и обращение к славному историческому прошлому, наконец, восстановление территории бывшей Российской империи, имели некоторые основания надеяться, что «Термидор» под давлением жизни проведут сами большевики.

На этой почве было вполне возможно примирение и участие эмигрантов, если, конечно, этого захочет советская власть,

ставшая, по мнению многих из них, национальной, в возрождении России.

Алданов, в отличие от многих других эмигрантов, и подавляющего большинства французов, смотрел весьма скептически на военные перспективы Франции. Не следует списывать его воззрения на счет присущего ему пессимизма: на сей раз это было результатом небольшого, но показательного личного опыта. Будучи химиком по образованию, Алданов в начале войны «ходил по разным французским военным и невоенным учреждениями — с просьбою использовать его знания, его желание служить французской обороне. И обнаружил, что всюду такой беспорядок, такая неорганизованность, что он… вынес впечатление: больший удар немцев и все повалится»[{25}].

Больший удар последовал в мае 1940 г. Все в самом деле повалилось. 14 июня 1940 г. Париж был объявлен «открытым городом»; случилось еще недавно казавшееся немыслимым: немецкие войска вступили в Париж, а Гитлер фотографировался на фоне Эйфелевой башни.

Алданов уехал в Ниццу, оттуда — в Португалию, ставшую для некоторой части российских эмигрантов «пересадочной станцией» по дороге в США. Отправились туда и Алдановы; пароход, вышедший из Лиссабона во второй половине декабря 1940 г., прибыл в Нью-Йорк 9 января 1941 г.

К русскому Нью-Йорку в годы войны перешла роль столицы русской эмиграции. Русская колония в США, за небольшими исключениями не отличавшаяся особыми интеллектуальными претензиями, получила мощную подпитку из Европы. В США, преимущественно в Нью-Йорк, во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. перебрались многие русские эмигранты — писатели, издатели, политические деятели, предприниматели, юристы, ученые… Приезжали не только из Франции: ехали из Германии, Прибалтики, Польши. Однако наиболее многочисленная группа интеллектуалов прибыла из Парижа. В Нью-Йорке в годы войны стал выходить новый толстый журнал, как бы сменивший знаменитые парижские «Современные записки». Он так и назывался — «Новый журнал». Одновременно стал выходить литературно-художественный журнал «Новоселье» (в четверть объема своего конкурента, издатель и редактор СЮ. Прегель). «Новый журнал» выходил ежеквартально, «Новоселье» был объявлен ежемесячным, но графика не выдерживал, хоть и выходил в два раза чаще своего толстого собрата. Эсеры начали издавать в Нью-Йорке в 1941 г. журнал «За свободу» (с 1942 под ред. Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и В.М. Чернова); меньшевики возобновили в 1940 г. издание «Социалистического

вестника» (редактор в 1940–1945 Р.А. Абрамович, в 1945–1954 — Р.А. Абрамович и СМ. Шварц). Наконец, нью-йоркская ежедневная газета «Новое русское слово», производившая довольно провинциальное впечатление, резко улучшила качество, став надолго главной газетой «русского зарубежья».

В Нью-Йорке возникли многочисленные общества, клубы, фонды, происходили публичные дискуссии, организовывались лекции, читались доклады. Эмигранты с трудом приспосабливались к новой стране, ее странным и столь не похожим на европейские обычаям, языку. Тем более что многие из «аргонавтов» были людьми немолодыми. Однако Америка, казавшаяся временным пристанищем, стала для подавляющего большинства из них новым домом. Поначалу нерегулярная связь с Францией поддерживалась. Но после вступления США в войну 7 декабря 1941 г., а затем оккупации нацистами «свободной зоны», контролируемой правительством Виши, в ноябре 1942 г. какие-либо контакты с соотечественниками на территории Франции прервались.

«Увы, многих близких друзей и родных приходится оплакивать, как заживо похороненных, — констатировал А.А. Гольденвейзер в марте 1943 г. — Не знаю, кого из них нам доведется еще увидеть, когда, наконец, откроется "железный занавес", окончательно отрезавший Европу после оккупации Юга Франции»[26].

Алданов не собирался прозябать в Америке, хотя поначалу, по его собственным словам, сомневался, стоит ли туда отправляться без денег и ясных перспектив заработка. Даже столь неглупому человеку как Алданов в конце 1940 г. было не вполне ясно, какую угрозу представляет — для него лично, еврея и либерала, — нацизм. Еще будучи в Европе он планирует создание в США газеты и толстого журнала. 1 декабря 1940 г. Алданов сообщал Керенскому о предложении некоего А.И. Коппа дать от 10 до 15 тыс. долларов на создание в США русской еженедельной газеты. Алданов отнесся к этому предложению с энтузиазмом, так определив свое видение направления будущей газеты: «Во внешней политике я представляю себе лишь ставку и надежду на победу Англии, а во внутренней — идеи "Новой России"». Напомню, что Англия была в тот момент единственной страной, ведущей войну с Германией. Алданов предлагал Керенскому взяться за редактирование газеты совместно с А.И. Коноваловым, согласием которого он как будто заручился[27].

Сам Алданов был готов взяться за редактирование литературного отдела и за техническую работу — «как в "Последних новостях"». Предполагая, что суммы, предложенной

Коппом, может не хватить для создания газеты, Алданов предлагал другой вариант — взять в аренду «Новое русское слово». Уговаривая Керенского согласиться, Алданов писал: «Помимо нашего личного интереса, тут ведь есть большой общий политический интерес. Помните, что это была бы **единственная** русская газета в мире, — "Посл[едние] новости" навсегда кончились»[28].

«Что касается меня, — писал Алданов, — то я, кроме этого, надеюсь еще на создание толстого журнала, в котором я был бы одним из редакторов (просто в сотрудники я теперь не пошел бы)». В этом заявлении чувствуется осознание своего изменившегося места в эмигрантской табели о рангах — роль «просто сотрудника» Алданов явно перерос, а в русском Париже все редакторские места были заняты. С другой стороны, претензии Алданова кажутся смешными: ведь несколькими фразами ниже он интересуется, не поможет ли ему с жильем Марья Абрамовна Вишняк, ибо Алдановы слышали, что Вишняки «дешево сняли одну комнату с ванной и кухней. Это именно то, что нам теперь нужно»[29].

Газету ни учредить, ни арендовать не удалось. А вот планы с журналом осуществились полностью: в 1942 г. вышел первый номер «Нового журнала», ставшего на последующие полвека главным толстым эмигрантским журналом. Продолжает он выходить и до сего дня; однако после 1991 г. существование подобного рода зарубежных изданий утратило актуальность. Алданов сыграл, бесспорно, ключевую роль в создании журнала: разумеется, он мало что смог бы сделать без Марии Самойловны Цетлиной, взявшей на себя в значительной степени финансирование издания (часть денег дал Б.А. Бахметев) и организационные хлопоты, и без своего соредактора Михаила Осиповича Цетлина. Но все же, когда он писал, что «журнал был создан мною»[30], в этом была значительная доля истины[31].

В Америке Алданову сопутствовал немалый — для писателя-эмигранта — успех: его роман «Начало конца» был выпущен в переводе на английский одним из лучших американских издательств — издательством Чарльза Скрибнера, и очень неплохо расходился[32]. К апрелю 1945 г. было продано уже 314 000 экземпляров. Скрибнер, воодушевленный этим успехом, приобрел права на издание всех остальных книг Алданова[33]. Беженец, приехавший в Нью-Йорк практически без копейки (точнее, без цента) за душой и мечтавший снять подешевле комнату с ванной, стал теперь вполне обеспеченным человеком.

Один из «молодых» эмигрантских писателей межвоенного поколения, Василий Яновский, писал в своих воспоминаниях: «На

Монпарнасе шутя утверждали, что после смерти Алданова в зарубежной прессе станет просторно»[34]. «Молодые» досадовали, что им не находится места на страницах немногочисленных эмигрантских журналов. С их точки зрения, проза Алданова была старомодна. «Алданов, талантливейший, культурнейший публицист, почему-то задумал писать бесконечные романы. И это была роковая ошибка», — припечатал Яновский[35]. Портреты и очерки Алданова в самом деле выигрывают по сравнению с его романами. Но вот кто помнит и читает, кроме десятка специалистов, прозу Яновского и прочих бывших «молодых», оставшихся в истории литературы по разряду «подававших надежды»?

Алданов принадлежал к «ордену» русской интеллигенции и был «общественником». Выйдя формально из редакции «Нового журнала» в связи с загруженностью литературной работой, он продолжал, как свидетельствует его переписка, принимать самое живое участие в делах журнала и быть де-факто «теневым редактором». В Нью-Йорке Алданов стал членом правления Литературного фонда. Это опять-таки была не формальная почетная должность: он принимал активное участие в помощи собратьям-литераторам (и не только), в особенности после освобождения Франции.

Со временем круг российских эмигрантских политиков сужался, а партийные разногласия и оттенки, казавшиеся столь существенными в России, стирались. Конфигурация эмигрантских политических группировок менялась, притяжения и отталкивания шли по другим линиям. Ближайшими единомышленниками Алданова в «американский» период были А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский и М.М. Карпович, профессор Гарвардского университета, сменивший его на посту соредактора «Нового журнала», а после смерти М.О. Цетлина в 1945 г. ставший единоличным редактором журнала. Хотя, подчеркивал Алданов, «я все-таки во многом не согласен с Александром Федоровичем [Керенским]»[36].

Современники, писавшие об Алданове, неизменно отмечали его «джентльменство», корректность, дипломатичность. Алданов умело лавировал в не отличавшемся чрезмерной доброжелательностью литературном мире эмиграции и умудрился «прожить жизнь» в литературе практически без отрицательных рецензий. Однако его дипломатичность не исключала твердости политических убеждений. Алданов был и до конца жизни оставался принципиальным противником большевиков. Хотя он и не отрицал изменений, происходивших в Советском Союзе, и статьи М.В. Вишняка и Г.П. Федотова,

стоявших на «твердокаменных» позициях и считавших, что в СССР «все — зло», вызывали у него скорее раздражение. А некоторые тексты Федотова Алданов и вовсе считал «русофобскими»[37].

Эмиграция и советская власть, 1945: Вокруг «визита»

Эмигрантский «пейзаж» после освобождения Франции выглядел не слишком радостно: численность эмиграции существенно сократилась, а моральный кредит заметно упал. В нацистских лагерях погибли сотни русских евреев-эмигрантов; сотни эмигрантов покинули страну. Немало видных деятелей эмиграции разной политической ориентации умерли в годы войны по естественным причинам, в том числе лидер либералов П.Н. Милюков, председатель адвокатского союза Н.В. Тесленко, бывший царский премьер В.Н. Коковцов и бывший министр финансов Временного правительства М.В. Бернацкий, писатель Д.С. Мережковский и многие другие. В 1945 г. перед русскими изгнанниками-«оборонцами» встал вопрос о смысле существования эмиграции: если они оказались по одну сторону с советской властью, не пора ли если не признать ее правоту, то поискать точки соприкосновения?

Спор о смысле изменений, происшедших в России, и о роли эмигра-ции в новых условиях развернулся между людьми во многом сходных воззрений, много лет лично знавших друг друга, но оказавшихся в годы войны по разные стороны океана. Что означало — в свободной стране или в оккупации, в безопасности или под угрозой тюрьмы, а то и смертной казни. Иначе говоря: между русскими ньюйоркцами и русскими парижанами.

Алданов, как и многие другие русские американцы, был неприятно удивлен, если не сказать поражен, известиями из Парижа о том, что некоторые хорошо ему знакомые русские эмигранты ищут сближения с советскими представителями, а то и просто пошли к «советам» на поклон. Об этом (как и о сотрудничестве с нацистами других — а то и тех же самых русских эмигрантов) писал в Нью-Йорк свояк Алданова Я.Б. Полонский, доходила отрывочная и не всегда достоверная информация и по другим каналам. 6 марта 1945 г. Алданов писал Керенскому: «В Париже, по-моему, происходит, и с каждым днем будет усиливаться развал политической эмиграции. Ее в самом деле уже больше нет: осталась только колония. За успех люди всегда всем прощали все. А теперь, по-видимому, и Бильянкур, и идейные вожди вроде Одинца… окрылены надеждами: амнистия, служба, места, милости, тридцать пять тысяч курьеров в полпредство и обратно. Думаю, что для громадного большинства ни одна из этих надежд не оправдается, и корыто будет разбито

во второй раз, — "красная мечта" вслед за "белой мечтой". Кроме того, отношения между де Голлем и коммунистами портятся. Идейные вожди могут немного испугаться: они ссориться с властями не любят»{38}.

Относительно судьбы Франции, ставшей его второй родиной, Алданов был умеренно оптимистичен:

«Коммунисты были бы во Франции всемогущи, если бы Сталин хотел и мог им помогать по-настоящему. Но в Ялте как будто принято решение, что западную Германию будут занимать английские и американские войска. Если так, то "сосредоточение войск на границе" для подкрепления политических требований в данном случае в ближайшие годы окажется невозможным. Своими же силами французские коммунисты едва ли придут к власти. Это подает мне надежду, что, быть может, удастся закончить свои дни в Париже: на Петербург я больше, к большому своему горю, ни малейшей надежды не имею»{39}.

Буквально на следующий день после написания этого письма, 7 марта 1945 г., в «Новом русском слове» появилась корреспонденция из Парижа, повергшая Алданова и его единомышленников в шок.

В ней сообщалось, что группа русских эмигрантов посетила советское посольство в Париже. Дело было не столько в самом факте «визита», сколько в составе группы: половина людей, поднявших в советском посольстве бокалы за здоровье маршала Сталина, были друзьями или однопартийцами Алданова.

12 февраля 1945 г. посольство посетили девять человек. Двое — адмиралы — бывший командующий Балтийским флотом и военно-морской министр Временного правительства Д.Н. Вердеревский и М.А. Кедров, в 1920 г. командующий флотом и начальник морского управления в правительстве П.Н. Врангеля, были приглашены по настоянию посла. Остальными были В.А. Маклаков, А.С. Альперин, А.А. Титов, М.М. Тер-Погосян, Е.Ф. Роговский, В.Е. Татаринов и А.Ф. Ступницкий{40}. Альперин и Титов были, как и Алданов, народными социалистами. С Маклаковым он был «на дружеской ноге». В число достаточно близких к нему людей входил Тер-Погосян. Почти все «штатские» были масонами, входившими в те же ложи, что и Алданов. Возможно, по совокупности этих обстоятельств, а также по свойственной ему дипломатичности Алданову пришлось сыграть, пожалуй, ключевую роль в «выяснении отношений» с участниками визита. Заметим, что эмигрантская политика далеко не всегда была публичной, отчасти ввиду отсутствия печатных «площадей» для обсуждения тех или иных насущных вопросов, отчасти в связи с нежеланием предавать огласке существующие

разногласия или, по выражению Маклакова, «еретические» мысли. Переписка играла огромную роль в жизни российских интеллектуалов, в архивах сохранились многие тысячи писем; некоторые из них скорее напоминают политические или историософские трактаты, а по откровенности и литературной отточенности нередко превосходят опубликованные ими же тексты на те же темы. Исследователи творчества Алданова, вероятно, были бы удивлены, узнав, какие тонкости эмигрантской и «общей» политики обсуждал автор «Истоков» в своей обширной переписке с Маклаковым, и насколько он был информированным в этом отношении человеком. Впрочем, это в большей степени относится ко времени холодной войны. Пока же вернемся в 1945 г.

Эффект, произведенный визитом в среде русской эмиграции, трудно переоценить. Под свежим впечатлением от сообщения о визите В.В. Набоков отправил В.М. Зензинову текст, который тот не без оснований назвал стихотворением в прозе. «Стихотворение в прозе» оказалось, правда, совсем не лирическим:

«В историческом смысле это явление очаровательное, в человеческом же отношении оно позывает на рвоту. Я говорю об этом завтраке а ля фуршет в Париже.

Я могу понять отказ от принципов в одном исключительном случае: если бы мне сказали, что самых мне близких людей замучат или пощадят в зависимости от моего ответа, я бы немедленно пошел на все, на идейное предательство, на подлость, и стал бы любовно прижиматься к пробору на сталинской заднице. Был ли Маклаков поставлен в такое положение? По-видимому, нет.

И вот, выслушав ответную речь, в которой нам сказали, что вас-де, плюгавых подлюг, Советский Союз знать не знает (и поучитесь-ка у Киргизов — а там видно будет), мы закусили грибками в сметане.

Остается набросать квалификацию эмиграции.

Я различаю пять главных разрядов.

1. Люди обывательского толка, которые невзлюбили большевиков за то, что те у них отобрали землицу, денежки, двенадцать ильфпетровских стульев.

2. Люди, мечтающие о погромах и румяном царе. Эти обретаются теперь с советами, считаю, что чуют в советском союзе Советский союз русского народа.

3. Дураки.

4. Люди, которые попали за границу по инерции, пошляки и карьеристы, которые преследуют только свою выгоду и служат с легким сердцем любым господам.

5. Люди порядочные и свободолюбивые, старая гвардия русской интеллигенции, которая непоколебимо презирает насилие над словом, над мыслью, над правдой»{41}.

«Как можно не видеть того, — с гневом писал Борису Николаевскому самый "твердокаменный" из эсеров, Марк Вишняк, — что ДО визита Маклакова… русская эмиграция, плохо ли, хорошо, существовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие их кучки — "тройки" и "десятки", — которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают. Нет сейчас наглеца и профитера, который не мог бы оспорить Вас, опершись на авторитет Маклакова»{42}.

Визит, так же как вопрос об отношении к Советскому Союзу в свете той роли, которую он сыграл в разгроме нацизма, и тех изменений, которые произошли в стране в годы войны, породил ряд статей на страницах эмигрантской печати и необыкновенно интенсивную переписку. Переписка по этому поводу могла бы составить объемистый том. В письмах эмигранты были нередко более откровенны, нежели в публичных выступлениях или публикациях в прессе. Среди тех, кто активно участвовал в эпистолярной дискуссии, были А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, М.В. Вишняк, Б.И. Николаевский, Б.И. Элькин, А.А. Гольденвейзер, Е.В. Саблин, Н.А. Саблина, А.А. Титов, СП. Мельгунов и другие. В общем, едва ли не вся пишущая элита либерально-демократического крыла русской эмиграции.

Алданов, в отличие от Маклакова, ни на какой компромисс с советской властью идти не собирался. Обсуждение этой проблемы в переписке является одним из интереснейших ее сюжетов. Столь серьезное расхождение не привело к разрыву. Впрочем, надежды Маклакова на примирение с советской властью быстро рассеялись: в СССР произошла не либерализация, а ужесточение режима. С эмигрантами не собирались обсуждать условия примирения — от них требовали безоговорочной капитуляции. Маклаков, этот защитник «прав империи», не смог «переступить» через проблему прав человека. Уже в мае 1945 г. он опубликовал статью «Советская власть и эмиграция»{43}, в которой выставил свое традиционное и основополагающее требование: соблюдение прав человека, защиту личности, без которой невозможно никакое сближение с правящим в СССР режимом. После публикации этой статьи в посольстве к нему охладели; политические и личные друзья Маклакова посчитали инцидент исчерпанным, хотя переписка между ними по этому поводу могла бы составить целую книгу{44}.

Собственно, пора перейти от истории русской эмиграции, в

контексте которой развивались отношения Маклакова и Алданова, к характеристике их переписки, приобретшей систематический и временами необычайно интенсивный характер с 1945 г.

1945–1957. Переписка

Еще в 1930-е гг. Маклаков и Алданов иногда обменивались письмами. Однако происходило это нечасто, что не удивительно — ведь они жили в одном городе и встречались как минимум раз в неделю на «четвергах» в доме Пети. Систематический характер переписка приобретает с 1945 г. Маклаков по-прежнему жил в Париже, Алданов после войны не спешил покидать Нью-Йорк. Вернулся он во Францию в 1947 г., однако поселился не в Париже, а в Ницце. Этим мы, собственно, обязаны самому существованию обширного корпуса писем.

Переписка, что является не слишком частым случаем, сохранилась практически полностью — в фонде Маклакова в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Стэнфорд, Калифорния) и в фонде Алданова в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (Нью-Йорк). «Практически полностью» не означает, к сожалению, все-таки полностью: часть рукописных писем Маклакова утрачена. Тем не менее по отношению к общему объему переписки число утраченных писем незначительно, и нить переписки, суть обсуждаемых проблем нигде не теряется. В фонде Маклакова в Гуверовском архиве его переписка с Алдановым занимает целую коробку (20 объемистых папок), здесь хранятся оригиналы писем Алданова и машинописные отпуски писем Маклакова{45}. В Бахметевском архиве, соответственно, находятся оригиналы писем Маклакова и машинописные отпуски Алданова. В общей сложности они занимают 41 папку.

Переписка Алданова и Маклакова богата как мыслями, так и сведениями. Размышляли они, к примеру, о том, как соотносятся «права человека и империи» (выражение Алданова). Маклаков всегда сознавал «необходимость обоих принципов, которые составляют государственную антиномию»: «Они противоречивы, но оба необходимы. Мы все достаточно видели, к чему приводит империя, которая пренебрегает правами человека; таков был наш старый режим, теперь фашизмы разного рода». Однако, подчеркивал Маклаков, «нет спасительной формулы к примирению обоих начал; нет универсального компромисса; грань между обоими принципами постоянно передвигается, как в зависимости от внешней обстановки (мир, опасность войны, война), так и степени общественной культуры. Потому можно иметь далекие идеалы, но вопрос о том, что нужно и почему нужно сейчас, решается не благородством наших идей, а грубыми

фактами жизни. Тут политические деятели невольно уподобляются докторам»{46}.

«Доктора» в российском случае оказались не самыми квалифицированными. Впрочем, существовало ли «лекарство», способное предотвратить катаклизм, потрясший страну в 1917 г.? Это один из вопросов, на который пытались ответить самим себе корреспонденты — как в опубликованных произведениях, так и в личной переписке. Письмам они доверяли больше — поскольку позволяли себе высказывать в них различные «еретические мысли», обнародование которых считали преждевременным.

Настроения русских эмигрантов по обе стороны океана были далеки от оптимизма. Многие эмигранты, оказавшиеся в советской зоне оккупации, были арестованы и депортированы в СССР, несмотря на преклонный возраст. Маклаков опасался установления коммунистического режима во Франции. Вскоре после войны агенты НКВД чувствовали себя в Париже, по крайней мере по мнению эмигрантов, как у себя дома. Алданова поразила фраза Маклакова в его письме Б.И. Николаевскому: «Для меня нет сомнения, что мы здесь не избежим катастрофы и что здесь до нас доберутся, как добрались до П.Д. Долгорукова». «Меня трудно превзойти пессимизмом, — констатировал Алданов, — но Вы превзошли»{47}. Однако писатель не считал возможность похищения и принудительной доставки на родину совершенно исключенной и в связи с этим поставил вопрос о том, чтобы выхлопотать американские визы человек для десяти. Разумеется, он предупредил Маклакова о строгой конфиденциальности этого предложения. Маклаков от визы отказался: «За предложение искренне благодарю, как [и] за дружбу; но что бы здесь ни было, я никуда не уеду. Не только я чувствую себя в положении капитана, который с корабля слезает последним, но, главное, в мои годы прятаться, чтобы спасти свою уже ни на что не нужную жизнь, — ридикюльно. А я под конец смешным быть не хочу»{48}.

Алданов, впрочем, также был настроен не слишком оптимистично:

«Я моложе Вас, но ей-Богу иногда радуюсь, что тоже уже очень немолод и не увижу следующих глав трагикомедии, — писал он Маклакову всего лишь несколько месяцев спустя после окончания Второй мировой войны. — Т. е., увидеть их, пожалуй, и было бы интересно — вот как интересно читать Гиббона. Но переживать их — нет, с меня достаточно. Не думаю, чтобы еще было какое-либо поколение с сотворения мира, которое видело бы и пережило бы столько сколько мы. Читаю старых второстепенных романистов, живших в ту эпоху, которую я пытаюсь описать в романе "Истоки". Право, смешно и стыдно. Это

Хвощинская написала: "Бывали времена хуже, но подлее не было" (Некрасов взял у нее). А жили они в лучшее (не говорю: в очень хорошее, но в лучшее) время и русской и мировой истории. А вот наше время — действительно, пока не было ни хуже, ни подлее»{49}.

Обстановка на «второй родине», во Франции, казалась полностью аналогичной ситуации на родине первой в 1917 г. Коммунисты в правительстве, шаткость власти… Все это наводило на мрачные размышления.

Отставку генерала де Голля в начале 1946 г. Алданов воспринял как большое горе. «В случае чего, за ним пошли бы, — писал он Маклакову. — Пойдут ли за его преемником — это вопрос. Вообще все идет к черту. Очень горжусь, что в 1937 году начал печатать, а в 1939 году выпустил книгу под названием "Начало Конца". И еще больше огорчаюсь, что оказался прав. В "Истоках" же меня только и интересует: откуда пошло все то, что теперь происходит в мире? Ведь и народовольцы, и Бисмарк, и Вагнер, и Гладстон, и Маркс, и Бакунин были именно истоками — от них пошло и хорошее…»{50}

Более всего корреспонденты опасались войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции: «Не дай Господи! Как физико-химик, я понимаю, что такое атомная бомба»{51}. Опасность представлялась им вполне реальной, по крайней мере до смерти Сталина. Проблема выбора, определения собственной позиции в случае конфликта вновь, как и десять лет назад, была «на повестке дня». Только на этот раз она была гораздо более мучительной. Ведь, по большому счету, у либерально-демократического крыла русской эмиграции не было особенных сомнений, кого поддерживать — Сталина или Гитлера. Труднее было определиться в случае возможного столкновения между СССР и США.

«Конечно, молчать во время войны — это не "позиция", — размышлял Алданов в конце 1940-х гг., в период "пика" холодной войны. — Но беда ведь именно в том, что в случае войны между СССР и демократиями у нас не может быть никакой приемлемой позиции. В здравом уме мы не можем желать победы Сталину по тысяче причин, одна из которых заключалась бы просто в том, что такая победа означала бы гибель всех близких нам людей на европейском континенте, всех тех, кому не удастся бежать и кто немедленно не перекрасится (ведь весь континент будет захвачен в 3–4 недели). Мы не можем, с другой стороны, приходить в восторг от того, что атомными бомбами будут уничтожаться Петербург, Москва, Киев, все культурные сокровища России и миллионы людей, что затем, в случае победы Америки, Россия

(или то, что от России останется) будет сведена к границам 17-го столетия. Поэтому, думаю, пока войны нет, мы должны всячески желать, чтобы ее и не было. А если она начнется, я не вижу ничего другого, кроме молчания, как ни плох этот "выход"»{52}.

Историю первой волны русской эмиграции в литературе ограничивают обычно 1918–1940 гг. Конечным рубежом здесь служит оккупация нацистской Германией большей части Франции, включая «столицу» русской эмиграции — Париж. Это привело в конечном счете к гибели многих эмигрантов. К упоминавшимся выше именам погибших добавим сгинувших в немецких лагерях редактора «Современных записок» И.И. Фондаминского, поэтов Е.Ю. Кузьмину-Караваеву (Мать Марию), Ю.В. Мандельштама, Р.Н. Блох, М.Г. Горлина. Список далеко не исчерпывающий. Реэмиграция части эмигрантской политической и интеллектуальной элиты в США, прекращение выхода крупнейших эмигрантских периодических изданий — «Последних новостей» и «Современных записок», казалось, превратили Париж в эмигрантскую провинцию. Вторая мировая война положила начало истории «второй волны» эмиграции, резко отличавшейся от первой по составу, культуре, прошлому.

Очевидно, однако, что общепринятая периодизация достаточно условна. В годы Второй мировой войны ряды послереволюционной эмиграции поредели, ее деятели не стали моложе, но, тем не менее, не собирались сходить со сцены. Холодная война неожиданно привела к реанимации интереса к русской эмиграции, к попыткам создать эмигрантские организации, способные вести пропагандистскую работу на СССР и, кто знает, может быть, в случае падения советского режима сыграть на родине политическую роль. Так, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. русская эмиграция, прозябавшая в полном забвении и политическом небрежении, вдруг оказалась востребованной великими державами, прежде всего США. Был извлечен из политического небытия А.Ф. Керенский, наряду с новыми эмигрантами активную роль в попытках объединения эмиграции играли С.П. Мельгунов и Б.И. Николаевский и некоторые другие видные деятели «первой волны». В условиях холодной войны представители российских противников коммунистического режима оказались как нельзя кстати. При политической и финансовой поддержке американских государственных структур и частных фондов один за другим стали возникать различные эмигрантские комитеты и центры, долженствовавшие символизировать свободную Россию и способные — хотя бы теоретически — установить связь с противниками большевиков внутри СССР.

В Нью-Йорке все еще существовали постоянно ссорящиеся между собой и раскалывающиеся на различные группы меньшевики и эсеры. Однако главным фактором внутренней эмигрантской жизни стало появление эмигрантов «второй волны», в основном находившихся на территории Западной Германии в лагерях для перемещенных лиц (Displaced persons, ди-пи). Как относиться к этим «новым русским», многие из которых служили в армии генерала А.А. Власова или в других формированиях, созданных под эгидой нацистов, было одним из главных вопросов, ставших камнем преткновения для эмигрантов пер вой, послереволюционной, «волны». Однако этого было мало. «Вторая волна» состояла по большей части не из русских, а из украинцев, белорусов, грузин и других представителей «народов СССР», вовсе не мечтавших о восстановлении великой и свободной России в границах бывшей Российской империи. Напротив — они стремились к созданию на развалинах СССР собственных национальных государств.

В послевоенный период возникает множество эмигрантских объединений, созданных как «старыми», так и новыми эмигрантами. Вскоре после окончания войны «народный социалист», историк и публицист СП. Мельгунов создает в Париже «Союз борьбы за свободу России», в 1948 г. там же писатель Р.Б. Гуль основывает «Российское народное движение». В 1948 г. в Германии возникает созданный бывшими участниками власовского движения «Союз борьбы за освобождение народов России» (СБОНР) (у его истоков стояли К.Г. Кромиади и Б. Яковлев [Н.А.Троицкий]). В 1948 г. в Нью-Йорке меньшевиками, эсерами и остатками группы «Крестьянская Россия» была учреждена «Лига борьбы за народную свободу». Лидирующую роль в Лиге оспаривали историк Б.И. Николаевский и А.Ф. Керенский. Перечень носит далеко не исчерпывающий характер.

В самом конце 1940-х — начале 1950-х гг. различные эмигрантские группы, отчасти в связи с пониманием необходимости объединения сил, но преимущественно под давлением американцев (в 1951 г. в Нью-Йорке был создан Американский комитет друзей русского народа, занимавшийся взаимодействием с эмигрантскими организациями), пытаются создать некую единую структуру. В 1951 г. в результате ряда совещаний в Германии был создан Совет освобождения народов России (СОНР), объединивший 11 эмигрантских организаций разного толка. Однако СОНР раскололся по национальному вопросу, и после выхода из него некоторых национальных организаций оставшимися организациями в октябре 1952 г. в Мюнхене был создан Координационный центр

антибольшевистской борьбы.

В задачу настоящей статьи не входит анализ деятельности эмигрантских организаций послевоенного времени и роли в них эмигрантов послереволюционных. Мы упоминаем об этом, чтобы, во-первых, показать, что история «первой волны» имела довольно продолжительный эпилог, во-вторых, чтобы дать представление о том фоне, на котором проходил эпистолярный диалог Маклакова и Алданова.

В переписке Маклакова и Алданова содержатся уникальные сведения о деятельности различных эмигрантских антисоветских организаций, созданных в послевоенный период (Координационный центр антибольшевистской борьбы, Лига борьбы за народную свободу, Союз борьбы за освобождение народов России и др.), о политической работе видных деятелей эмиграции — А.Ф. Керенского, Б.И. Николаевского, С.П. Мельгунова и др. Ни Маклаков, ни Алданов не принимали личного участия в работе послевоенных эмигрантских политических организаций, однако хорошо знали их ведущих деятелей, переписывались и встречались с ними и в Париже, и в Нью-Йорке, куда время от времени наезжал Алданов. Это обусловило осведомленность корреспондентов во внутренней кухне эмигрантской политики и высокую информативность их переписки.

В переписке затрагиваются также такие проблемы, как отношение к власовскому движению, возможность сотрудничества с его участниками. Алданов был непримирим по отношению к бывшим власовцам, во всяком случае до той поры, пока они публично не отрекутся от своего прошлого, Маклаков был более снисходителен, полагая, что многие участники власовского движения «добросовестно заблуждались». Весьма интересен спор по вопросу о юридической и политической оценке Нюрнбергского процесса, моральной и политической оценке деятельности некоторых коллаборационистов — французских и русских. Любопытно, что «законник» Маклаков, отсидевший при нацистах два с половиной месяца в тюрьме и постоянно живший в период оккупации под угрозой нового ареста в связи с его антифашистской деятельностью, считал Нюрнбергский процесс, со строго юридической точки зрения, нонсенсом: победители судили побежденных по специально подготовленным для этого случая законам. Алданов соглашался, что с юридической точки зрения процесс и в самом деле небезупречен, но это не отменяло того, что подсудимых следовало повесить. С чем, в конечном счете, был согласен и Маклаков{53}.

Содержание переписки не сводится исключительно к

политике.

Одна из самых интересных проблем, обсуждавшихся корреспондентами, — вопрос о случайности и закономерности в истории, о неизбежности тех или иных исторических событий. Как известно, проблема случайности — одна из центральных в исторической прозе Алданова, так же как в философском трактате «Ульмская ночь». Переписка позволяет лучше понять как концепцию Алданова, так и трактовку обоими корреспондентами проблемы альтернативности в российской истории. Тем более что один из них — Маклаков — был не только свидетелем, но и участником некоторых ключевых исторических событий.

Чрезвычайно интересно обсуждение особенностей жанра исторического романа и пределов допустимого «вмешательства» романиста в биографии исторических деятелей. В переписке нашла отражение история некоторых публикаций на страницах нью-йоркского «Нового журнала», сменившего в качестве главного эмигрантского «толстого журнала» парижские «Современные записки». Алданов был одним из основателей и редакторов «Нового журнала», Маклаков публиковался на его страницах. Среди уникальных сведений, содержащихся в пере писке, отмечу воспоминания Маклакова о Л.Н. Толстом и А.П. Чехове, сюжеты, связанные с историей русского масонства. Вопреки распространенному мнению, говоря о масонстве, корреспонденты не прибегали к иносказаниям, а «называли вещи своими именами».

Переписка содержит немало бытовых моментов. Корреспонденты в начале 1950-х гг. — уже немолодые люди (эмигрантская колония в 1949 г. отметила 80-летний юбилей Маклакова), к тому же тяжко болеет сестра Маклакова, Мария Алексеевна, поэтому не удивительно, что тема болезней, докторов и прочего занимает определенное место в переписке. Удивительно другое — это в особенности относится к Маклакову — до последних дней он работает, ходит в «присутствие», Офис по делам русских беженцев. И не теряет интерес к происходящему в мире. В начале 1957 г. Маклаков пишет о Суэцком кризисе, роли ООН и прочих политических вопросах.

И Маклаков, и Алданов в годы эмиграции вели обширную переписку: среди корреспондентов обоих — Е.Д. Кускова, Б.И. Элькин, А.Ф. Керенский, М.М. Карпович, некоторые другие. Ближайшим другом и конфидентом Маклакова в 1920-е — начале 1930-х гг. был Б.А. Бахметев; переписка с ним по объему превосходит его переписку с любым из других корреспондентов. Близким другом, предметом восхищения и заботы Алданова был И.А. Бунин; их переписка продолжалась многие годы, вплоть до

смерти нобелевского лауреата. Несомненно, однако, что в послевоенный период наибольшее число писем Маклаков и Алданов адресовали друг другу. Они не просто единомышленники (что не исключало расхождений и споров по тем или иным вопросам) — они друзья. Алданов искренне восхищался Маклаковым — ему импонировал его уникальный ораторский дар, феноменальная память, поразительный интеллект. Кроме всего прочего, для Алданова Маклаков был свидетелем и участником истории, он лично и близко знал Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, общался с С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным и многими другими людьми, которые для Алданова были историческими персонажами — и персонажами его романов. В одном из писем Алданов делился своими впечатлениями о советском документальном фильме о новом здании Московского университета; в числе прочего упоминалась аллея, вдоль которой были поставлены памятники известным ученым — преподавателям университета. Как оказалось, Маклаков у некоторых из них учился, кому-то сдавал экзамены… Ведь он успел поучиться и на естественном, и на историко-филологическом, и на юридическом факультетах Московского университета. Маклаков, в свою очередь, восторгался творчеством Алданова. Несомненно, как и многим другим современникам, лично знакомым с писателем, ему импонировали алдановская принципиальность, сочетавшаяся с порядочностью, умением себя вести в непростых ситуациях, «джентльменство».

Маклаков в середине 1950-х гг. по-прежнему окружен людьми — сотрудниками, друзьями и почитателями, и в то же время очень одинок. Он признается Алданову, ставшему, наряду с сестрой, самым близким ему человеком: «Мой почерк лишает меня общения на письмах, а моя глухота (особенно разговоры [по] телефону) — возможности обменяться словами. Так постепенно слабеют связи между людьми»{54}. Чудовищный почерк Маклакова (о чем пойдет речь ниже) разбирал мало кто из его корреспондентов, и это в самом деле серьезно затрудняло общение.

Переписка с Алдановым идет временами едва ли не в ежедневном режиме, а перерыв в две недели воспринимается как признак серьезного неблагополучия. 13 января 1955 г. встревоженный длительным, по его представлениям, отсутствием писем, Маклаков пишет своему другу:

«Не хочу этого письма давать сестре переписывать (имеется в виду перепечатка на машинке. — *О.Б.)* и потому пишу его от руки. Я так давно не получал от Вас писем (последнее было 30 Дек[абря] прошлого года), что себя спрашиваю: что с Вами?

Здоровы ли Вы? Или я чем-нибудь Вам досадил? Или и Вы на меня махнули рукой, как сам с собой делаю.

Если нам и не придется более встретиться, хочу Вам сказать, в каком восхищении перед Вашим талантом, и с какой дружбой… я буду всегда помнить о Вас»{55}.

Последняя фраза, нечастая в текстах сдержанного в выражении эмоций и нередко ироничного Маклакова, лучше всего определяет его отношение к Алданову. Тревога на сей раз оказалась неоправданной.

Переписка продолжалась до последних дней жизни Алданова. Последнее письмо Алданова датировано 15 февраля 1957 г., Маклаков ответил на следующий день. Алданов строил творческие планы, видимо, хотел развить или уточнить какие-то линии, намеченные в романе «Самоубийство»: в последнем письме он задает уточняющие вопросы о последней встрече Маклакова с Саввой Морозовым. Писателя интересовали обстоятельства и причины самоубийства спонсора большевиков. Планы осуществить не удалось: как оказалось, Алданову было отмерено всего 10 дней жизни. Алданов, младший из корреспондентов, скончался 25 февраля 1957 г.; четыре с лишним месяца спустя, 15 июля, ушел из жизни Маклаков.

Ценность публикуемой в настоящем томе переписки заключается не только в том, что это замечательный источник по истории русской политической мысли XX столетия, по истории и культуре русской эмиграции, по истории русской литературы. Это — блестящий образец эпистолярного жанра, искусства, которое, кажется, уже ушло в прошлое. Но не стало от этого менее замечательным.

Историку невозможно без «скрежета зубовного» читать в одном из писем Алданова: «Я к 1940 году скопил огромное число писем ко мне, в том числе письма чуть ли не от всех известных людей эмиграции, от многих знатных иностранцев, как Ром[ен] Роллан, Томас Манн и др., -и все либо было уничтожено, либо лежит где-нибудь с миллионами других бумаг в Германии»{56}. Однако как раз к переписке Алданова с Маклаковым это относится в незначительной степени; оригиналы писем Алданова к Маклакову за 1929–1940 гг. сохранились в фонде последнего в архиве Гуверовского института; здесь же находятся машинописные отпуски писем Маклакова. В основном письма этого периода невелики по объему, затрагивают текущие проблемы жизни эмигрантской колонии, к примеру организацию вечеров с целью сбора средств в пользу И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, иногда обмен мнениями (скорее репликами) по «горячим» политическим вопросам. Основной массив переписки относится к периоду 1945–1957 гг., и она сохранилась практические полностью.

Первое, во всяком случае, первое дошедшее до нас, письмо Алданова к Маклакову датировано 22 апреля 1929 г. Это, собственно, короткая благодарственная записка по случаю присланной Маклаковым статьи. И в первых же строках сформулирована, пожалуй, самая сложная проблема корреспондентов Маклакова и будущих публикаторов его эпистолярного наследия:

«Искренно Вас благодарю за присылку Вашей блестящей статьи и за надпись, в которой, впрочем, я не разобрал ни слова, несмотря на долгие усилия»{57}.

27 лет спустя Алданов писал:

«Получил почти одновременно два Ваши письма. Не сердитесь на меня, но как же мне этого не сказать? Ни утром в пасмурную ноябрьскую погоду, ни при самой сильной, во сто свечей, нашей электрической лампе, я больше почти ничего не разбираю! Такая радость — получать от Вас письма, и такая досада, когда, прочитав первые десять строчек (первые почти всегда разбираю), перестаю понимать, стараюсь, по отдельным строчкам или даже словам, понять хоть о чем идет речь!»{58}

Подобными сетованиями постоянно сопровождается переписка «рукописного периода». Приведем некоторые типичные образцы:

«Не буду повторять свой вечный "рефрэн": не разобрал. Кое-

что все-таки прочел, и то хорошо»{59}.

«Мы очень встревожены Вашим сообщением на второй странице о Марье Алексеевне. Оно неразборчиво, я, в частности, плохо разобрал слова "все потеряли голову" и следующие за ними. Но не трудитесь отвечать, — Вам, разумеется, не до того, — напишу сейчас Титову и попрошу его сообщить мне, как Марья Алексеевна и что именно сказал Зёрнов»{60}.

Характерно, что Алданов за разъяснениями собирается обратиться не к Маклакову, а к другим людям, — и дело здесь, очевидно, не только в нежелании тревожить своего друга: ведь письмо будет написано тем же почерком! Правда, в этом случае Маклаков поспешил продиктовать разъяснения машинистке:

«Сегодня утром из офиса послал Вам письмо, торопился, чтобы не поддерживать Вашего напрасного беспокойства, вызванного в конце концов моим почерком, надеялся, что Вы разберете в этом письме по крайней мере самое главное, т. е. "потерю голоса", а не головы»{61}.

Алданов, при всей его корректности, почти в каждом письме продолжает сетовать на то, что не разобрал в письме Маклакова значительной части, а то и вовсе не понял его смысла:

«На этот раз многого не разобрал в Вашем письме, — извините, что не отвечаю, если в нем были вопросы? По-видимому, их не было, оно главным образом о Керенском?»{62}

«На этот раз» можно было бы назвать преуменьшением года, ибо эти «разы» продолжали повторяться с завидной регулярностью — а именно с той, с какой приходили рукописные послания Маклакова:

«Я в Вашем письме, несмотря на все старания, не разобрал, что именно Вы в его книге прочли "с ужасом" ("рассказ о последних годах"… Чего? Или кого?)»{63}.

«Я Ваши письма всегда читаю три раза: в первый раз "начерно", пытаюсь разобрать основное содержание, а дальше уже разбираю, как могу и далеко не всегда удачно, каждую строку. Теперь при первом чтении взволновался: Вы пишете в 5 часов утра и говорите, что письмо "довольно неожиданное по содержанию"? Потом долго разбирал, большую часть разобрал, но не совсем понял. Вы приводите в порядок бумаги, но ч т о Вы хотите с ними делать? И почему это Вас тревожит? И могу ли я чем-либо тут Вам помочь? Я с радостью сделаю все возможное. Тронут тем, что Вы обратились ко мне. Кое-что все-таки не разобрал, — не главное ли? Это меня немного беспокоит. Пожалуйста, если я главного не понял, напишите только одну страницу, — пока у Вас рука не устает, я кое-как разбираю»{64}.

Наконец, в одном из последних писем:

«Вы правильно угадали причину того, что я не писал Вам со дня Ваших именин: действительно, я ничего не разобрал в предпоследнем Вашем письме и почти ничего, кроме 3–4 строк, в только что полученном. Просто не знаю, что делать: как отвечать, когда не знаешь, на что?»[65]

Иногда Алданов возвращал письма Маклакову, чтобы тот отдал перепечатать или переписал, предположительно более разборчиво, ту или иную страницу. После получения одного из таких возвращенных текстов, Маклаков признался: «Теперь почерк так испортился, что я сам не разбираю, что написал»[66].

Алданов среди корреспондентов Маклакова был, разумеется, не одинок. Ариадна Тыркова сетовала, что ей трудно разбирать маклаковские «мушиные лапки»[67] и нередко отвечала на его письма, уловив лишь их общий смысл[68]. Роман Гуль сравнивал почерк Маклакова с иероглифами[69]. Подобные высказывания и сравнения можно найти у любого из корреспондентов Маклакова.

Да что корреспонденты! Сам Василий Алексеевич частенько не мог разобрать им написанное. Он признавался: «Первого почерка своего я сам не разбираю и должен сначала с него сам для переписывания переписывать»[70].

Однажды Маклаков пытался «для работы» найти какие-то сведения в своем дневнике, который он вел в бытность послом с июля 1917 по ноябрь 1924 г., и пришел к выводу, «что и сам плохо в нем разбираюсь, и что надо бы его переписать»[71]. Н.Н. Берберова, пытавшаяся читать дневник Маклакова в Гуверовском архиве, писала, что он «неразборчив на 80 %, иногда непонятно даже, на каком языке написаны отдельные страницы — на русском или французском». Это, пожалуй, едва ли не единственное утверждение, с которым можно согласиться в ее состоящей из ошибок, а местами намеренно лживой книге[72].

Более чем прав был Алданов, когда писал:

«Ох, много будет трудиться Ваш биограф, "читая" Ваши письма в архивах. Вы оказываете ему плохую услугу, — я помню, как интересны и ценны были Ваши письма, переписанные на машинке»[73].

«Расшифровка» (впрочем, это слово в данном случае можно употребить и без кавычек) собственноручных писем Маклакова являлась, пожалуй, наиболее сложной задачей при подготовке данной публикации. По счастью для его корреспондентов — и для историков — большинство писем Маклакова — диктовки секретарю или его сестре Марии Алексеевне, или же перепечатки с автографов, выполненные лицами, научившимися за десятилетия разбирать его почерк и имевшими возможность обратиться к нему самому за разъяснениями. В частности,

сотрудницей Офиса по делам русских беженцев Е.Н. Штром. Однако временами, когда «переписчица» (как тогда называли машинистку) была в отпуске или болела сестра, Маклаков писал письма от руки. В 1950-е гг. эти ситуации возникали все чаще, сестра тяжко болела, неоднократно попадала в больницу или находилась в доме отдыха. В результате — большая часть писем Маклакова 1950-х гг. написана от руки.

Должен признаться: поначалу я недооценил «масштаб бедствия», т. е. объем рукописных текстов Маклакова. В основу публикации я собирался положить тексты, находящиеся в фонде Маклакова в Гуверовском архиве: здесь практически полностью сохранились письма Алданова и машинописные отпуски писем Маклакова. Было понятно, что некоторая часть писем написана Маклаковым от руки, но их, рассуждая логически, должно было быть приблизительно столько же, сколько писем Алданова за определенный период, по принципу: письмо — ответ. Кроме того, физически писем Маклакова в Бахметевском архиве, судя по описи, должно было быть существенно меньше. Если в фонде Маклакова в Гуверовском архиве переписка с Алдановым занимает целую коробку, то в Бахметевском только часть стандартной архивной коробки, наряду с письмами 11 других корреспондентов. При этом в той же коробке находятся письма Е.Д. Кусковой, с которой Алданов вел довольно интенсивную переписку. Было как будто очевидным (да и помнилось по одному из «набегов» на Бахметевский архив), что существенная часть текстов — это машинописные оригиналы писем Маклакова.

Однако когда автор этих строк занялся подготовкой публикации вплотную, он горько пожалел о собственном легкомыслии. Среди моих бумаг сохранился листок с панической записью, сделанной в читальном зале Бахметевского архива: «письма Маклакова — 30 тонких папок, 90 % — рукописные, чудовищные». В смысле — написанные рукою Маклакова, его чудовищным почерком. Кроме того, оригиналы его машинописных писем (сохранившиеся в фонде Алданова далеко не полностью) были испещрены рукописными дополнениями, иногда довольно существенными по объему. Но это был не конец истории: в описи фонда Алданова почему-то не значилось, что письма Маклакова имеются не только в 5-й, но и в 6-й коробке! А там обнаружилось еще 11 папок, из которых, правда, в 5 папках находились отпуски писем Алданова, в том числе нескольких отсутствовавших в Гуверовском архиве. «Зато» среди 6 папок писем Маклакова две содержали только фрагменты писем; некоторые фрагменты удалось «склеить» и восстановить тексты полностью, большинство восстановлению не поддаются. Наиболее

содержательные фрагменты, тем не менее, включены в настоящую публикацию. Кроме, того, при сплошном просмотре фонда Алданова мною были обнаружены еще несколько рукописных писем Маклакова, находившихся в ранее закрытой части собрания Алданова. Добавлю, что подавляющее большинство рукописных писем не датированы, а конверты не сохранились.

Письма Маклакова Алданову выходили за пределы «обмена мнениями». Для Маклакова это была своеобразная форма дневника, способ как-то зафиксировать свои «труды и дни», от размышлений о следе, который он оставил в истории (самооценка Маклакова невысока, но это как раз случай «уничижения паче гордости»; типично для него сравнение своей жизни с «фейерверком»: если это и так, то фейерверк был более чем ярок и, рискуя впасть в литературщину, замечу, что его искры долетели до наших дней) до рассказа о флирте со случайными знакомыми на курорте. Алданов в последние годы был для него душевно самым близким человеком, и с ним он не стеснялся делиться самыми сокровенными мыслями, так же как бытовыми деталями. Делился — без особой надежды, что корреспондент разберет его текст.

Как бы то ни было, отступать было некуда: надо было как-то расшифровывать маклаковскую «клинопись». Теоретически ничего невозможного в этом не было: помню, как на мои сетования на маклаковский почерк «на заре» моих занятий его биографией в середине 1990-х гг. СВ. Утехин во время одной из наших прогулок по Менло-парку (городок, соседствующий со Стэнфордским университетом), заметил: «Ничего страшного, расшифровали же египетские иероглифы». В принципе верно, но посвятить себя полностью дешифровке этих «новых иероглифов» мешали разного рода обязанности.

Попытки найти специалистов по сложным почеркам успехом не увенчались: точнее, специалисты находились, и даже брались за работу по переводу писем с маклаковского на русский, но во всех случаях финал был одним и тем же: тексты возвращались со словами «жизнь у меня одна». Оставалась последняя надежда; надежду звали Лизой. Лиза — моя жена; она врач, и на первый взгляд далека от предмета моих занятий. Однако же надежду вселяли следующие обстоятельства: Лиза собственноручно набрала большую часть опубликованных мною ранее текстов Маклакова и его корреспондентов, и иногда разбирала встречавшиеся в машинописных текстах рукописные дополнения и пометки Маклакова; это включало и год работы в Гуверовском архиве в период нашего пребывания в Стэнфорде по стипендии Фонда Фулбрайта. А также опыт работы в других заграничных

архивах — в Оксфорде, Париже и, конечно, в Бахметевском архиве в Нью-Йорке. Лиза вполне ориентировалась в теме, что было важно для понимания смысла писем. Наконец, моя жена (возможно, это синдром отличницы, окончившей школу с золотой медалью в те времена, когда не только деревья были большими, но и медали настоящими) не понимает, как можно не решить поставленную задачу: касается ли это в прямом смысле высшей математики или же чего-либо другого, не столь возвышенного. У этой черты характера есть и оборотные стороны, но в данном случае это к делу не относится.

Конечно, поначалу мне пришлось выслушать от жены много интересного о моей идее привлечь ее к реализации публикаторского проекта, так же как о почерке нашего героя. Возможно, именно потому, что герой в самом деле был «наш» — ибо «Вася» за 20 лет занятий его биографией и подготовки к публикации его литературного, преимущественно эпистолярного, наследия стал едва ли не членом семьи, Лиза постепенно начала расшифровывать его тексты. Это происходило урывками, в зависимости от ситуации на работе, в самолете, на пляже, на кухне. Вряд ли кому-нибудь на пляже, скажем, в Будве могло прийти в голову, что девушка, что-то черкающая на бумажке в перерывах между купаниями, занимается не решением кроссворда, а расшифровкой архивного документа! Разумеется, работа велась с ксерокопией, а не оригиналом. Работа заняла несколько лет. Чтобы дать представление о некоторых особенностях почерка Маклакова: он нередко не дописывал слова, видимо, полагаясь на сообразительность собеседника; одни и те же знаки обозначали у него разные буквы. С годами, видимо, вследствие артроза, почерк становился хуже. Теперь Лиза читает эти немыслимые тексты «с листа», хотя, увы, некоторые слова так и не удалось одолеть.

Так что наиболее распространенным сокращением в публикуемом тексте будет нрзб. Мы не можем похвалиться тем, что разобрали все в рукописных письмах Маклакова. Однако, несомненно, читатели этой книги будут знать о содержании писем Маклакова существенно больше, чем их адресат.

Все письма печатаются полностью, без каких-либо изъятий и сокращений. С этической точки зрения право на такую публикацию сомнений не вызывает. Сошлюсь на Алданова: «Всю нашу с Вами переписку я, согласно Вашему разрешению, передал в запечатанном конверте в Бахметевский архив, с указанием, что она может быть использована для печати либо с нашего разрешения, либо после нашей смерти»[74]. Таким образом, корреспонденты, сдавая переписку в архивы, предполагали — и,

смею предположить, рассчитывали, — что ею воспользуются будущие историки.

Тексты писем приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, однако публикатор стремился в то же время сохранить «аромат эпохи» и своеобразие авторского стиля и поэтому оставил некоторые «неправильности» с точки зрения современного русского языка, вроде написания названий месяцев с прописной буквы, названий газет и журналов без кавычек, написания некоторых фамилий и т. п.

Очевидные описки исправлены без специальных оговорок. В тех случаях, когда в тексте встречаются явные смысловые противоречия или очевидные погрешности стиля, в квадратных скобках указывается «так!» или «так в тексте». Воспроизведенные публикатором отдельные слова, части слов, сокращения, имена, фамилии заключены в квадратные скобки. Слова, выделенные корреспондентами, подчеркнуты в тексте; вписанные от руки выделены курсивом. Дабы не загромождать текст обилием скобок, часто встречающиеся сокращения имен, фамилий, названий органов периодической печати, организаций раскрываются только при первом упоминании. Все они включены в список сокрашений. Не раскрываются также общепринятые (во всяком случае, понятные любому грамотному читателю) сокращения.

В настоящую публикацию нами включены некоторые письма друзей и постоянных корреспондентов Маклакова и Алданова, им адресованные, а также их письма другим лицам, позволяющие лучше понять контекст и смысл их переписки друг с другом. Это относится прежде всего к 1945 г. — письма Алданова и Маклакова к Б.И. Элькину, обмен письмами между Маклаковым и А.Ф. Керенским, «циркулярное» письмо Алданова А.А. Титову относительно посещения «группой Маклакова» советского посольства. Иногда Маклаков и Алданов пересылали друг другу копии своих писем к другим лицам или выписки из писем других лиц к ним. Эти тексты также публикуются в настоящем томе.

Тексты писем снабжены комментариями. При комментировании публикатор руководствовался принципом: подробнее о малоизвестных событиях или малоизвестных персоналиях, минимально — о достаточно известных. При подготовке комментария нами использовались, наряду с исследовательской литературой, различные справочные издания, среди которых особенно полезными (можно сказать, незаменимыми) были «Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской» (М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010) и подготовленные под руководством Олега

Коростелева сайты, содержащие сведения об эмигрантских периодических изданиях, а также оцифрованные полнотекстовые версии некоторых из них: www.emigrantica.ru и www.emigrantika.ru

В заключение считаю приятной обязанностью выразить благодарность людям и организациям, без содействия которых данная публикация была бы невозможной, — прежде всего сотруднику архива Гуверовского института Анатолию Шмелеву и куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой.

Моя искренняя признательность Валери Познер (Париж), сумевшей разобрать франкоязычные фразы и отдельные слова в письмах Маклакова. Ей принадлежит большинство переводов французских текстов на русский язык.

Я искренне благодарен Мартину Байссвенгеру (Москва) выполнившему переводы немецкоязычных фраз и оборотов или указавшему на существующие переводы немецких классиков, цитируемых в переписке.

Моя искренняя благодарность коллегам, оказавшим разного рода содействие, в том числе предоставление разного рода материалов и наведение библиографических справок: Ирине Альтер (Мюнхен), Татьяне Ворониной, Владиславе Гайдук (Москва), Ричарду Дэвису (Лидс), Олегу Коростелеву, Елене Кривцовой (Москва), Ирине Махаловой (Берлин), Альберту Ненарокову (Москва), Ивану Толстому (Прага), Манфреду Шрубе (Бохум).

Публикатор признателен Российскому гуманитарному научному фонду и Научному фонду Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», чья финансовая поддержка позволила подготовить книгу к печати.

Наконец, моя неизменная благодарность Лизе Будницкой, без помощи которой эта публикация не могла бы состояться.

О.В. Будницкий

Список сокращений

Архивы

BAR — Mark Aldanov Collection, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (фонд М. Алданова, Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет)

HIA — Vasily Maklakov Collection, Hoover Institution Archives, Stanford University (фонд В. Маклакова, архив Гуверовского института, Стэнфордский университет)

Во всех случаях первая цифра обозначает коробку, вторая — папку, в которой хранится то или иное письмо, например, BAR. 5-11 или HIA. 2-12.

Сокращения, используемые авторами, раскрываются, как правило, при их первом появлении в переписке. Чтобы не загромождать тексты писем квадратными скобками и не затруднять его восприятие, далее сокращения имен, фамилий, названий организаций и органов периодической печати при каждом случае не раскрываются. О ком или о чем идет речь, практически во всех случаях понятно без пояснений. Тем не менее ниже мы приводим список сокращений, постоянно встречающихся в переписке.

Персоналии

Татьяна Марковна, Т.М. — Т.М. Алданова-Ландау

А.С., А.С.А., Абр. Сам., Абрам Самойлович — А.С. Альперин

И.А., Ив. Ал., Иван Алексеевич, Б. — И.А. Бунин

В. В. — В. В. Вырубов

В.Н., В.Н.Б., Вера Ник., Вера Николаевна — В.Н. Муромцева-Бунина

М.М., Мих. Мих., Михаил Михайлович — М.М. Карпович

А.Ф., А.Ф.К., А.Ф. Кер., А. Ф-ч, Ал. Ф-ч., А. Фед., Адр. Фед., Кер., К-й, Керен., К., Александр Федорович — А.Ф. Керенский

А.И., А. Ив., Ал. Ив., А.И.К. — А.И. Коновалов

Е.Д., Ек. Дм., Екат. Дмит., Екатерина Дмитриевна, Е.Д.К., Кус. — Е.Д. Кускова-Прокопович

В.А., Василий Алексеевич — В.А. Маклаков

М.А., Марья Алексеевна, Мария Алексеевна — М.А. Маклакова

Мельг., М., СП., С. П-ч, Серг. Петр., Сергей Петрович — СП. Мельгунов

П.Н., Павел Николаевич — П.Н. Милюков

Б.И., Б.И.Н., Б.И. Ник., Бор. Ив., Н., Никол., Борис Иванович, Бор. Иванович — Б.И. Николаевский

С.Г., С. Гр., С.Г.П., С. Григорьевна, Софья Григорьевна — СГ. Пети (Пти) (Petit)

С.Н., СН. П-ч, С.Н.П., Сергей Николаевич — С.Н. Прокопович

Тер, М.М., М.М.Т., Т.П., Т., Мих. М., Михаил Матвеевич — М.М. Тер-Погосян

А.А., А.Ан., Ал. А., А.А.Т., А.А. Тит., А. А-ч, Ал. Андр., Ал. Андреевич, Алекс. Андреевич, Александр Андреевич — А.А. Титов

А.Л., Ал. Льв. — А.Л. Толстая

Б.И., Борис Исаакович — Б.И. Элькин

Периодическая печать

Нов. Жур., Н. Журнал — Новый журнал

НРС, Н.Р.С, Н.Р. Слово, Нов. Рус. Сл., Нов. Рус. Слово, Русс. Слово, Рус. Слово — Новое русское слово

РМ, Рус. Мыс, Р. Мысль, Рус. Мысль, Русск. Мысль — Русская мысль

Организации

Американский комитет — Американский комитет освобождения народов России

КОВ — Комитет объединенных власовцев

КЦАБ, Коорд. Центр, КЦ, К.Ц., К. Центр, Координационный центр — Координационный центр антибольшевистской борьбы

КЦОНВ — Координационный центр освобождения народов России

НТС — Народно-трудовой союз

РИД — Российское народное движение

МАКЦ — Международный антибольшевистский координационный центр

СБОНР — Союз борьбы за освобождение народов России

СОНР — Совет освобождения народов России

ЦОПЭ — Центральное объединение послевоенных эмигрантов

Государственные учреждения

Мин. Ин. Дел, М.И.Д. — Министерство иностранных дел Мин. Вн. Дел — Министерство внутренних дел

Письма

1929

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 22 апреля 1929

156 Avenue de Versailles XVIe

22. IV.29

Дорогой Василий Алексеевич.

Искренно Вас благодарю за присылку Вашей блестящей статьи{75} и за надпись, в которой, впрочем, я не разобрал ни слова, несмотря на долгие усилия.

Шлю Вам сердечный привет.

Глубоко уважающий Вас

М. Ландау-Алданов.

Автограф. HIA.2-11.

1931

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 27 января 1931

Париж, 27-го Января 1931 г.

Дорогой Марк Александрович.

Я невольно вспоминаю о нашем последнем разговоре и о том плане, о котором Вы мне говорили. В сущности, у меня не осталось в памяти, насколько он у Вас созрел и есть ли это серьезный план или только мечта. Но если это серьезный план, то имею Вам два observations{76}:

1) Я не могу помириться с тем, что, говоря о государственных людях России, Вы упустите Столыпина{77}; то, что Вы его не знаете, конечно, не аргумент, ибо Вы не могли знать Победоносцева{78} и, думаю, что не знали и Дурново{79}. Столыпинская деятельность продолжалась недолго, но была настолько яркой, запечатлелась в стольких поступках, речах, что Вам совсем было бы нетрудно составить о нем определенное представление; а мало что было бы так интересно, как сопоставление его с Витте{80}. Вот два человека, резко друг другу противоположных и друг друга ненавидевших и на которых, тем не менее, отразилось влияние тех же самых сил, которые погубили обоих. Затем здесь, в Париже, находится много людей, которые Столыпина хорошо знали и могли бы помочь Вам своими воспоминаниями; такие люди находятся даже среди Ваших знакомых; что отзывы их были бы очень друг на друга не похожи, нисколько не беда, а дали бы Вам неистощимый материал для Ваших парадоксов и тонкой иронии. Словом, если только Ваш план не мечта, а серьезный, мой искренний совет Вам не осуществлять его в куцом [так!] виде; Столыпин, конечно, заслуживает того, чтобы говорили о нем там, где говорят о Победоносцеве. Столыпин — это целая политическая идея, которая попробовала осуществить себя на практике.

Теперь вторая обсервация, характера несколько личного, и я говорю о ней только кстати. Дело в том, что я сам имею в виду в моих мемуарах{81} говорить и о Витте, и о Столыпине. О Столыпине — это музыка будущего, и я, может быть, до него и не дойду. О Витте же дело близкого будущего, и если бы «Современные Записки»{82} не вычеркнули меня из ближайшей книжки (как мне пишет Фундаминский{83} [так!], немножко из-за Вас, из-за Вашего романа{84}), то первая статья о Витте была бы в апреле. Конечно, у меня подход совершенно иной, чем у Вас; меня всегда больше интересует политическое место человека, та роль, которую он мог сыграть и на самом деле сыграл, а не сложности

его личной психологии. Между прочим, глава, которая пойдет за Витте, будет посвящена Плеве{85} и, отчасти, Дурново; опять-таки только с этой точки зрения. Если только Ваш план есть серьезный план, то я был бы очень рад, если бы он не предшествовал моим статьям на ту же тему; дело не личного соревнования с Вами и авторского самолюбия, а самой простой логики: все, что я могу написать, — только лишний материал для Вашего безжалостного скептицизма, то, что напишете Вы, — только воздушная тромба, которая налетела на невысохшую еще картину. И потому у меня есть затаенная мысль, что если Вас засадить за Столыпина, то это не только будет интересней для Ваших читателей и вообще интересней для Вашей книги, но и даст мне шанс: я-то смогу мою картину кончить, не бросить ее прежде времени. Все это я хотел сказать Вам в ближайший четверг, но, по-видимому, в этот день я буду в Женеве и потому все это Вам написал и даже на машинке.

Машинопись. Копия. HIA.2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 11 мая 1931

156 Avenue de Versailles XVIe

11. V.31 Дорогой Василий Алексеевич.

Вы любезно согласились подписать (вместе с Милюковым{86}, Кульманом{87} и мною) приглашение на вечер в пользу Бунина{88}, который состоится у М.С. Цетлиной{89} в начале июня (в программе танцы Спесивцевой{90} — Лифаря{91}, Кедровы{92} и кто-то еще{93}). Г-жа Цетлина просит меня показать Вам текст этого приглашения, — нет ли у Вас каких-либо воз ражений против текста? Если нет, он будет в таком виде ею и напечатан. Подписи будут тоже печататься.

Пожалуйста, ответьте либо мне, либо прямо Марье Самойловне Цетлиной (59, rue Nicolo).

Искренний привет Марии Алексеевне{94} и Вам.

Ваш М. Алданов

Автограф. HIA. 2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 22 мая 1931

156 Avenue de Versailles XVIe

22. V.31

Дорогой Василий Алексеевич.

М.С. Цетлина прислала мне для передачи Вам почетный (само собой разумеется, бесплатный) билет на вечер Бунина. При сем его прилагаю.

Ваши поправки я тотчас передал д[он] Аминадо{95}, который писал текст воззвания о Бунине. Он сейчас же все эти поправки внес в набор (равно и выпуски).

Я сообщил также и ему, и г-же Цетлиной, что список подписавших не должен появиться в печати. Они обещали это

исполнить безусловно.

Шлю Вам искренний привет.

Преданный Вам М. Алданов

Автограф. HIA.2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову[{96}], 2 декабря 1931

2. XII.31

Дорогой Василий Алексеевич.

Большая просьба к Вам, — и от меня, и от Д.С. Мережковского[{97}]. Он находится в очень тяжелом материальном положении. Хочет устроить вечер, и для этого, естественно, нужен «Комитет». Очень Вас просим согласиться на включение Вашего имени в состав Комитета (как Вы согласились сделать для Бунина). Разумеется, делать Вам ничего не надо, и список в газетах опубликован не будет. Войдут Манухин[{98}], Махонин[{99}], Кульман, я. Предполагается просить еще Милюкова.

Жаль старика, хотелось бы ему помочь. Он знаменит на весь мир, а жить ему нечем.

Сердечный привет Марье Алексеевне.

Глубоко уважающий Вас М. Алданов

Пожалуйста, извините эту carte-lettre[{100}]: пишу [два слова нрзб.]

Автограф. HIA.2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 16 апреля 1932

16. IV.32

Дорогой Василий Алексеевич.

Я не знаю адреса В.Г. Колокольцова{101}. Поэтому разрешите Вас попросить передать ему мои самые сердечные поздравления и самые лучшие пожелания, — очень сожалею, что никак не могу быть на его празднике и лично его поздравить.

Заранее очень благодарю.

Глубоко уважающий Вас М. Алданов

Автограф. HIA. 2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 22 сентября 1932

156 Avenue de Versailles XVIe

22. IX.32

Дорогой Василий Алексеевич.

Я навел (от себя) справки у редакторов «Совр[еменных] Зап[исок]». Как я и думал, это просто вышла задержка в высылке Вам корректуры из-за отъезда М.В. Вишняка{102}. Она на днях будет Вам выслана, — статья Ваша, разумеется, идет как они Вам и сказали: в ближайшей книге.

Жму руку и прошу передать искренний привет Марии Алексеевне.

Ваш М. Ландау-Алданов Автограф. HIA.2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 23 ноября 1932

156 Avenue de Versailles XVIe

23. XI.32

Дорогой Василий Алексеевич.

Искренно Вас благодарю за любезное письмо с согласием выступить на банкете «Совр[еменных] Записок»{103}. Разумеется, дело идет о выступлении ради них, — Вам ораторская реклама, слава Богу, не нужна.

Я действительно думал, что вечер землячества был только, или главным образом, для москвичей и что петербуржцы допускаются только в виде исключения, — поэтому и ходатайствовал за Елизавету Акимовну. Очень сожалею, что Вас не слышал, — говорят, было чрезвычайно интересно.

За «старание» в сборе редакция, наверное, Вам будет весьма признательна; годовая подписка — 100 франков, пожизненная — 500. Я им достал лишь двух подписчиков.

Шлю Вам сердечный привет.

Глубоко уважающий Вас М. Алданов

Последней фразы в Вашем постскриптуме я не разобрал,

несмотря на все старания и мои, и моей жены.

Автограф. НІА.2-11.

1933

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 19 января 1933

156 Avenue de Versailles XVIe

19 Января 1933 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Искренно Вас благодарю, — Вы сама любезность. Рад, что Шаляпин{104} уже поправляется, а обойтись без гриппа теперь в Париже никому нельзя.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш М. Ландау-Алданов

Автограф. HIA.2-11.

1934

М.А. Алданов — В.А. Маклакову[105], 12 июня 1934

12. VI.34

Дорогой Василий Алексеевич.

Вчера вечером получил Ваше письмо, сегодня побывал у Мережковского. Оказалось — недоразумение. Д. Серг[еевич] [Мережковский] сегодня же Вам напишет о нем, а Злобин[106] (его секретарь) заедет к Вам за деньгами. Детердингам[107] напишет благодарственное письмо М. Цетлина. (Я — первый подписавшийся только по алфавиту). Пишу Вам с почты — поэтому [два слова нрзб.] и неразборчиво.

Кстати (или некстати) Ел[изавета] Аким[овна] мне сказала, что Миронов Вам не послал билета на свой вечер[108]. Неужели не послал Марье Алексеевне?!! Все билеты рассылал, естественно, он. Но Вам — какой же билет? Ведь Вы предназначались председателем и, если я правильно Вас понял (тогда, у Альперина[109]), Вы, скрепя сердце, согласились. Председателям и докладчикам Миронов билетов не посылал. Мы Вас ждали, — очень жаль было, что Вы не пришли и что не было председателя. Моро говорил прекрасно.

Сердечный привет Марье Алексеевне и Вам.

Ваш М. Алданов

Автограф. HIA.2-11.

1935

М.А. Алданов — В.А. Маклакову{110}, 14 сентября 1935

14. IX.35

Дорогой Василий Алексеевич.

К сожалению, я не все разобрал в Вашем письме. Но главное разобрал. Искренно Вам благодарен. Если разрешите, при встрече попрошу у Вас уточнения Вашей поправки. Мне казалось, что Вы и самый эпизод с Карабчевским{111} рассказали нам для характеристики его отношения к делу защиты и к роли адвоката?

Шлю Вам самый искренний привет. Еще раз очень благодарю.

Глубоко уважающий Вас М. Алданов

Автограф. HIA.2-11.

1937

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 2 мая 1937

11 rue Gudin, XVI 2 мая 1937

Дорогой Василий Алексеевич.

Я сейчас пишу для «Сегодня» статью о Ваших воспоминаниях{112}. Пожалуйста, сообщите мне, можно ли упомянуть в ней о Вашем рассказе, — как Вы беседовали в 1917 году с генералом Алексеевым{113}. Помнится, он признал невозможным сотрудничество с Романовыми (с кем именно?), ссылаясь на то, что «лучше их знает», чем Вы, и предпочитает работать с общественностью; а Вы ответили, что общественность Вы лучше знаете и боитесь, что и с ней будет трудно. Так?

Разумеется, если Вы найдете, что печатать это неудобно, то я ни одним словом об этом и не упомяну{114}. В противном же случае, пожалуйста, напишите мне, верно ли я излагаю эту интереснейшую беседу, и когда именно, где и по какому в точности поводу она происходила. Заранее искренно Вас благодарю и прошу простить, что отнимаю у Вас время.

У меня почерк не намного лучше Вашего, и я теперь все письма пишу на машинке, — не удивляйтесь. Шлю Вам сердечный привет.

Глубоко уважающий Вас М. Ландау-Алданов

Машинопись. Подлинник. HIA.2-11.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 22 мая 1937

Париж, 22 Мая 1937 г.

Дорогой Марк Александрович,

Боюсь, что у Пти{115} разговаривать неудобно; а мне хотелось Вам кое-что высказать. Не по первой части, здесь я поневоле безмолвствую. Если бы я соглашался, я бы уподобился Грузенбергу{116}, если бы я стал спорить, я бы вспомнил изречение Ларошефуко{117} [так!]: «le refus des louanges est le désir d'être loué deux fois»{118}. Но по второй части мне хочется кое-что уяснить. Конечно, не для печати, а для Вас самих, во-первых; во-вторых, отчасти, и для меня самого, ибо если «мысль изреченная есть ложь»{119}, то мысль невысказанная есть ровно ничего; а в-третьих, то, что я Вам скажу, может быть, для Вас будет интересно, если Вы когда-нибудь будете писать мой настоящий некролог.

Вы предполагаете, что я переменился, и интересуетесь знать, до какой степени. За это предположение говорит и видимость, и, если позволите сказать, общее мнение. Но я по совести думаю, что это ошибка и что Вы были гораздо ближе к истине, когда в

первой половине обмолвились фразой «да и принадлежал ли он к левому лагерю». Я всегда сознавал необходимость обоих принципов, которые составляют государственную антиномию, и которые для краткости обозначу Вашими терминами «права человека и империи». Они противоречивы, но оба необходимы. Мы все достаточно видели, к чему приводит империя, которая пренебрегает правами человека; таков был наш старый режим, теперь фашизмы разного рода. Но я отлично понимал, и очень давно, к чему приводят одни права человека; я был близок к толстовцам, а студентом целое лето к анархисту Реклю{120}. Я инстинктом понимал, в чем они не правы. Освободительное Движение, I-ая Дума, 17-ый год — это все примеры того, что делают права человека, если они забудут об империи. Но нет спасительной формулы к примирению обоих начал; нет универсального компромисса; грань между обоими принципами постоянно передвигается как в зависимости от внешней обстановки (мир, опасность, войны, война), так и от степени общественной культуры, потому что можно иметь далекие идеалы, но вопрос о том, что нужно и почему нужно сейчас, решается не благородством наших идей, а грубыми фактами жизни. Тут политические деятели поневоле уподобляются докторам.

А отсюда и вопрос тактики. Если все дело в степени культуры в широком смысле этого слова, то она достигается только медленным воспитанием, известными навыками, а не насилиями и приказами. Тут еще больше нужно знать, что возможно, а не только то, что нужно и что желательно. Вы, который знаете французских ораторов, может быть, припомните пассаж Гамбетты{121} об оппортунизме, не помню, в какой речи, который кончается словами: «Vous pouvez tant que vous voules appliquer à cette politique une épithète malsonnante et même initelligible, je vous dirai que je n'en connais pas d'autre: car c'est la politique de la raison, j'ajouterai même la politique du succès»{122}.

Эти несложные мысли составляют то, что Вы называете «золотым фондом»; они у меня остались и теперь, как были тогда, даже в студенческую пору. Меняться, пожалуй, могло только одно: понимание фактической обстановки [и] степени нашей некультурности и неподготовленности. Но можете ли Вы сказать, что доктор изменил свои взгляды и понимания, если он считает организм больного более слабым, чем считал его раньше. Все мои нападки на общественных деятелей либо характера тактического, ибо они преследовали не la politique du succès, или иногда программного, ибо в защите прав человека они доходили до забвения прав империи. И в моей книге{123} напрасно было бы

искать чего-нибудь другого; принципиального характера она поэтому не носит.

А теперь два слова о частностях. Я уже заговорил с Вами о четырехвостке{124}, которую Вы напрасно смешали с всеобщим избирательным правом. Впрочем, именно в этом пункте, если хотите, с моей стороны некоторые перемены. Прежде я считал только Россию не готовой для четырехвостки; а сейчас я считаю ее одним из заблуждений всякой демократии. Отрицаю я только прямые выборы, сохраняя их многостепенными по образцу Советов. Не каждый человек может судить о нуждах государства, но почти каждый о нуждах своего дома или своей улицы. Я бы открыл всеобщее избирательное право для самой мелкой самоуправляющейся единицы. Люди, которые будучи так выбраны надо считать доступными не только их уму [так!], но и уму их избирателей, опытом жизни покажут способнейших. Им и предоставлено будет право выбирать и в более крупную единицу, уезд, потом губернию, область и, наконец, имперский парламент. Таким образом, чтобы быть депутатом, нужно пройти через целую школу и ряд выдвижений. Не будет возможно то, что происходит сейчас, что вчерашнее ничтожество возносится до вершин политической лестницы. Конечно, это многим закроет дорогу, но это зло бесконечно меньшее, чем то, которое происходит от быстрых политических карьер. Ведь раньше чем командовать армией, всякий военный командует взводом, ротой, полком и т. д.; это необходимая для него подготовка; почему же для политика это считается ненужным. Быстрых карьер вообще не делают честными путями; всякий нувориш в лучшем случае только спекулянт, удачно сыгравший на бирже, в худшем же — вор и обманщик. Так и политик, который сразу попал к верху, попал, наверное, за то, что он лгал своим избирателям, льстил их страстям и т. д. Когда говорят о необходимости подготовки, возражают насмешкой: «вы считаете, что человеку нельзя позволять купаться, покуда он не научится плавать; это остроумно, но раньше, чем купаться в океане, можно учиться плавать в купальных и других безопасных учреждениях»; это нужно было бы сделать с политикой, она была бы менее эффектна, менее завлекательна для честолюбцев, менее эстетична, если Вы хотите, но гораздо более серьезна и прочна. Но обратите внимание, что в моей книге этого вопроса я совсем не касаюсь, потому что для нас он решался еще проще.

Еще два коротких замечания. Вы неправильно свели мои упреки к общественным деятелям, не поддержавшим Витте, потому что они не пошли в его кабинет. Дело было тогда совсем не в этом; я нисколько не настаивал, чтобы они шли в его

кабинет; более того — я согласен и с Вами, и с Милюковым, что это было и невозможно, да и не нужно. Упрекаю я их за другое; Витте, очутившийся в несвойственной ему роли созидателя конституции, просил их совета, что ему делать, и просил их помощи, которая могла быть гораздо разнообразней, чем вступление в кабинет. И в совете, и в помощи ему отказали, требование Учредилки и опубликование всех деталей их разговоров было именно отказом в такой помощи{125}. Если хотите, тут и обнаружилось лишний раз, что либералы думали только о правах человека, а не об империи.

И последнее. Вы вслед за Керенским{126} меня упрекнули, будто я нашел, что конституция пришла слишком рано{127}. Такое слово у меня действительно имеется в 3-м томе, поэтому формально Вы правы; и все-таки это недоразумение, в самом этом месте 3-го тома я смягчаю эту мысль оговоркой — «как это ни парадоксально сказать»; значит, я сам это считаю не утверждением, а парадоксом; конечно, конституция запоздала. Моя идея в том, что, несмотря на такое запоздание, она застала нас, русское общество, неподготовленным; мы требовали конституции, а когда она пришла, у нас не было даже политических партий. Единственно в этом смысле я и сказал, что она пришла слишком рано. Представьте, что гости пришли с опозданием к назначенному часу, а хозяйка все-таки оказалась не готова, повар тоже; я бы сказал, как это ни парадоксально, гости пришли слишком рано.

Вот Вам несколько главных замечаний; остальных писать не стоит, да их и немного.

Машинопись. Копия. НІА. 2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 21 декабря 1937

11 rue Gudin, XVI

21. XII.37

Дорогой Василий Алексеевич.

Сердечно Вас благодарю за такую любезность, — за особое сообщение об этой встрече, при этом столь интересное. Я, кажется, разобрал почти все, но, к сожалению, кроме одной из наиболее существенных строк — в конце. Спрошу у Вас о ней разъяснений при встрече. В будущем году? Не будете ли на воскресном балу?

Шлю Вам самый искренний привет. Кланяйтесь Марье Алексеевне.

Ваш М. Ландау-Алданов

Автограф. НІА.2-11.

1938

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 23 октября 1938

23 октября 1938

Дорогой Василий Алексеевич.

С большим интересом прочитал Ваше любезное письмо. Вижу, что Вы в общем согласны с прогнозом автора статьи «Голова Газдрубала». Вы пишете, что не согласны лишь с его мнением о «темпах». Однако в статье, кажется, о сроках ничего не сказано. Я склонен думать, что дело идет не более чем о двух-трех годах. Но в этом, разумеется, легко ошибиться.

Сепаратисты — факт, и с ними надо считаться, как с фактом. Они пойдут на что угодно — таково мое от них впечатление. К несчастью, здесь не только идеи (идеи даже преимущественно — красивая ширма), а министерские *(точнее, «гаулейтерские»)* посты, множество выгодных и приятных должностей, деньги — все, о чем, по своему весу, почти никто из них в общероссийском масштабе и мечтать не мог бы. Я это, как умел, изобразил в происходящих на Украине главах романа «Бегство»{129}. Думаю, что на сепаратистов и в будущем в смысле «воссоединения» никаких надежд возлагать нельзя. Вообще не вижу решительно ничего такого, на что можно было бы возлагать надежды. Лично для себя я ориентируюсь на Пэр-Лашэз{130}.

Шлю Вам самый сердечный привет.

Глубоко уважающий Вас М. Ландау-Алданов

Машинопись. Подлинник. HIA.2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 28 октября 1938

28 октября 1938

Дорогой Василий Алексеевич.

Еще раз Вас сердечно благодарю за добрые слова, очень меня тронувшие. Вам (совершенно конфиденциально) скажу, что статья «Гол[ова] Гасдрубала», действительно, написана мною{131}.

Катастрофа европейской культуры почти одинаково касается всех нас, людей либерального, в широком смысле, образа мыслей, независимо от оттенков. Помните, Нехлюдов, кажется, удивлялся, что его называют либералом за то, что он высказывает, казалось бы, элементарные и для всех обязательные истины. Именно эти азбучные истины и переживают катастрофу, а с ними все их защитники, какова бы ни была разница между ними во всем остальном. Вы склонны говорить преимущественно об ответственности. Если так, то разница между Вашим поколением и моим весьма незначительна, — она лишь в том, что Вы и люди Вашего поколения занимали гораздо более видное место. Но, по-

моему, ответственность наша отходит теперь на второй, если не на десятый план: все нынешние несчастья имеют основной причиной войну 1914 года, а в ней ни «Вы», ни «мы» никак не виноваты.

Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш М. Алданов

Демидов{132}, Фондаминский, Зензинов{133} очень приветствуют Вашу мысль возобновления наших завтраков в ресторане, — пока их не возобновит у себя Софья Григорьевна{134}.

Машинопись. Подлинник. НІА. 2-11.

1939

М.А. Алданов — В.А. Маклакову[{135}], 28 октября 1939

28. X.39

Дорогой Василий Алексеевич.

Искренно Вас благодарю за любезные слова, — простите, что отвечаю с опозданием. Надеюсь обо всем этом поговорить с Вами, — в письме не напишешь.

Пользуюсь случаем, чтобы послать Марии Алексеевне и Вам самый искренний привет.

Ваш М. Ландау-Алданов

Автограф. HIA.2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 2 апреля 1940

2 апреля 1940 года

Дорогой Василий Алексеевич.

С большим интересом прочитал Ваше письмо от 30-го, полученное мною почему-то только сегодня. Ошибки в этом вопросе я не сделал и действительно не мог сделать: как Вы сами пишете, не стал же бы я без документов приводить столь длинную цитату. Фраза эта *(«Un jour» и пр.)* находится в самом конце декларации Клемансо, прочитанной им на заседании 20 ноября 1917 года{137}. Вы ее можете найти в номере «Тан» от 22-го{138}, а также в воспоминаниях ген. Мордака, том I, где она приведена целиком{139}.

Об «огромном успехе» я писал по следующим данным: 1) при общей ненависти к Клемансо почти всего парламента (о ней он сам говорил и Марте{140}, и другим лицам неоднократно), он получил большинство в 418 гол[осов] против 65 (среди них — 65 — было 63 социалиста); 2) я это слышал от двух человек: от Лебэ{141} и Альбера Тома{142}. Оба они, как Вы знаете, были членами палаты. Неприятно ссылаться на двух покойников, но Тома это рассказывал (в 1919 году?) в салоне Пети, — быть может, Софья Григорьевна это вспомнит; кажется, был при этом рассказе и А.А. Титов{143}. Добавлю, что Тома ненавидел Клемансо. Впрочем, понятие огромного успеха растяжимо.

Что касается Варенна{144}, то газетный отчет дает его и Лебэ *возгласы* с мест. Они заключали в себе явное порицание партийному большинству. То же *(«были потрясены»)* рассказывал мне Лебэ. Вы говорите, что была речь Варенна. По-моему, «Тан» в том же номере 22 ноября 1917 года речи Варенна не дает{145}. Но тут Вы, быть может, правы: 1) «Тан» мог, при сокращенном все же размере газеты того времени, вообще не поместить этой речи, 2) возможно также, что в «Тан» эта речь есть, и я ее не заметил: она к моей теме прямо не относилась. Национальная Библиотека вчера закрылась на две недели; как только она снова откроется, я справлюсь об этом.

Ваш столь интересный рассказ о речи Клемансо в 1918 году я хорошо помню, но в этой статье я писал о 1917 годе.

Читаете ли Вы «Новую Россию»{146} и как относитесь к ее расхождению с «Посл[едними] Новостями» и вообще к спору, расколовшему русскую эмиграцию?{147} Надеюсь, при встрече с Вами побеседовать об этом.

Шлю Вам самый искренний привет.

Преданный Вам М. Алданов

Я теперь все письма пишу на машине, — извините. В Вашем письме я не разобрал только одной строки.

Машинопись. Подлинник. HIA. 2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову{148}, 8 апреля 1940

8. IV.40

Дорогой Василий Алексеевич.

Еще раз очень Вас благодарю за внимание к моей статье. Поговорим об этом при встрече.

А насчет entweder — oder{149} не совсем с Вами согласен. Вы пишете: «самое главное — настроение России». Я думаю, в России, как везде, одни настроены так, другие — иначе. Но, как бы они настроены ни были, это для нас решающего значения иметь не может. О чем тоже поговорим, если разрешите.

Искренне преданный Вам М. Ландау-Алданов

Автограф. HIA.2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 4 мая 1940

4 мая 1940

Дорогой Василий Алексеевич.

Я послал Вам вырезки из дневника Бриана{150} в связи с нашим спором, но не для доказательства своей «правоты». Конечно, оценка речи всегда очень субъективна. Вы — лучший оратор России, но я отлично помню со времен юности, что расходились оценки Ваших речей под свежим их впечатлением, — говорю о молодых посетителях трибуны Государственной Думы: «Маклаков превзошел сам себя»… — «Нет, он иногда говорит еще лучше…». Как сейчас помню один такой спор, — Вами особенно восторгался мой гимназический товарищ, тогда уже студент, СП. Матюшенко (брат будущего украинского министра{151}). Кажется, это было после той дискуссии Вашей со Столыпиным, при которой он очень лестно о Вас отозвался («трудно спорить с тонким юристом, талантливо отстаивающим»{152} и т. д. — так?). Похвала Бриана, действительно, не столь уж восторженна, однако надо сделать и контрпоправку на личную его антипатию (чтобы не сказать «ненависть») к Клемансо. Вероятно, после очень хорошей речи, скажем, Винавера{153} — Грузенберг отозвался бы о ней именно так. В этом смысле меня в этом отрывке из дневника особенно заинтересовала оценка Пуанкаре{154}, - каких только комплиментов Бриан не говорил ему публично!

Фондаминский хочет возобновить наши завтраки приблизительно в том же составе — у Керенского, который, по его словам, будет очень рад. Я предпочел бы ресторан. Не думаете ли Вы, что теперь было бы интересно приглашать кое-кого из французов? Я поговорю об этом с Александром

Федоровичем.

Шлю искренний привет Ваш М. Ландау

Машинопись. Подлинник.

НІА. 2-11.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 26 мая 1940

26 мая 1940

Дорогой Василий Алексеевич.

Поверьте, что мне этот столь своевременный «юбилей»{155} так же мало приятен, как и Вам. М.С. Цетлина ко мне обратилась: «надо что-то сделать для Мережковских, они погибают» и т. д. Тогда события еще не были такими, как теперь{156}, я, по ее настойчивой просьбе, согласился совместно с ней написать Вам. Ответа Вашего я не видел *(вернее, видел у М.С., но не читал)*. Мне сказали, что Вы согласились подписать воззвание совместно с Милюковым, Буниным и мной. Тем самым *(так, по крайней мере, мы поняли)* Вы вошли и в «комитет», поскольку воззвания рассылались от имени Комитета, который, кстати сказать, никакого другого назначения не имеет. С неделю тому назад секретарь Мережковского Злобин позвонил в редакцию с просьбой поместить сообщение о юбилее и о «комитете». — «Но, может быть, это неудобно, особенно с именами?» — спросил я. — «Нет, мы берем на себя», — ответил он. Редакция оттянула заметку на несколько дней, он позвонил опять с тем же. Они и поместили. Вероятно, и Милюков будет недоволен. Нужно это Мережковскому для того, чтобы люди жертвовали деньги. Отказать трудно. Повторяю, мне тоже это очень неприятно, — что же я могу сделать! Если он попросит повторить заметку, я ему скажу, что Вы не согласны и что, по-моему, Вы правы. Во всяком случае, никакого «чествования» «Комитет» устраивать не будет, все ограничится сбором денег — в самый неподходящий момент. Шлю Вам искренний привет.

Преданный Вам М. Алданов

Машинопись. Подлинник. НІА.2-11.

1944

В.А. Маклаков, А.С. Альперин, А.А. Титов, М.М. Тер-Погосян — СВ. Паниной, М.А. Алданову, А.Ф. Керенскому[157], 8 декабря 1944

Париж, 8 декабря 1944 г.

Госпоже Софии Паниной[158]

Господину М. Алданову

Господину А. Керенскому

Дорогие друзья.

Мы недавно получили письма от всех вас, и мы очень тронуты вашим вопросом о том, чем вы могли бы нам помочь. Как мы уже писали Ал. Ф., Центральный офис по делам русских беженцев был восстановлен под руководством В.А. Маклакова при содействии Альперина, Ступницкого[159], Тер-Погосяна[160] и Титова. Недавно состоялось собрание, организованное нашим Комитетом.

Присутствовали представители всех прежних организаций (за исключением тех, которые сотрудничали с немцами). Они приветствовали деятельность нашего Офиса, которая состоит в различных формах содействия русским беженцам. Офис признан французскими властями и Управлением Верховного комиссара Лиги Наций. В.А. Маклаков будет назначен директором Офиса. К сожалению, исчезли все лица, управлявшие национальным фондом[161], на средства которого прежде содержался Офис. Бернацкий[162] и К.К. Миллер[163] умерли, а их преемник пропал (он жил в Нормандии и не вернулся в Париж после освобождения). Таким образом, мы вынуждены собирать средства среди здешних русских. Это довольно затруднительно, так как мы не можем принимать деньги от дельцов, наживших состояния на сотрудничестве с немцами. Мы были бы очень вам обязаны, если вы могли бы организовать комитет и собрать средства для финансирования деятельности Центрального офиса по делам русских беженцев во Франции. Средства, собранные вами, должны быть помещены на особый счет и размещены в США до окончания войны. Нам нетрудно будет найти здесь лиц, которые смогут авансировать нам эквивалентную сумму, как только вы сообщите нам о количестве собранных средств и имена попечителей.

Что касается помощи интеллигенции и детям, доктор Долгополов[164] (Земгор) занимается самой важной работой. Он находится в тесном контакте с нашим Офисом. То же относится и к госпоже Софии Зёрновой[165], одной из наших сотрудниц.

Господин Роговский[166] является нашим представителем в Ницце. Мы надеемся иметь возможность регулярно сообщать вам о нашей деятельности. Мы надеемся на ваш скорейший ответ. Пожалуйста, пришлите его авиапочтой на имя господина Б. Элькина[167] по адресу 21 Grove End Gardens, London N.W.S. С сердечнейшим приветом вам всем

Подписи: В. Маклаков

А. Альперин

А. Титов

М. Тер-Погосян[168]

Машинопись. Копия.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Paris, 8 Dec. 1944 — 27 Aug.

1945. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову[169], 15 декабря 1944

15 Дек[абря][1944[170]]

Дорогой друг, я сегодня получил Вашу открытку от 7-го октября. Вот так идут нынче письма. Ничего! Мы пережили и худшие времена. С Лондоном — не лучше: письма идут по два месяца или вовсе не доходят. Я получил с оказией посылку от Элькина; я не знаю, Ваша ли посылка или его. Так написал обо мне в Ваших газетах, что все расточают мне одобрения и похвалы. Я не захотел бежать, и отказался от грузовика, который мне предоставили, чтобы уехать с [сотрудниками]; я не захотел дезертировать, когда другие оставались[171]. И правильно сделал, так как те, которые уехали, потом вернулись. Но это произошло без всякого старания с моей стороны, и в этом нет никакой моей заслуги. Я не захотел вступать в какие-либо отношения с оккупационными властями и их игнорировал [слово нрзб]. Тогда они назначили другого на мое место и затем меня со всеми моими сотрудниками посадили в Санте[172]. Мы все там просидели два с половиной месяца и весь наш архив и [документы] были украдены.

После ухода [немцев], я решил реанимировать наши институции, но нам не хватает средств. Мы имели наивность обратиться к нашим американским друзьям. Я теперь понимаю, что это было невозможно, и я теперь жалею об этом демарше. Но без финансовой поддержки наша ситуация слишком затруднительна после этих [грабежей].

Забыл сообщить, что Ваша сестра с мужем[173] вернулись из Гренобля и теперь в Париже. Я с ними повидался. Я бы хотел больше Вам написать, но с этой системой открыток это невозможно.

В. Маклаков

Автограф.

BAR. 6. F. Maklakov V.A. Letter fragments and miscellaneous material relating to correspondence.

1945

М.А. Алданов — Б.И. Элькину, 24 марта 1945
109 West 84 St., N.Y. 24 24 марта 1945
Дорогой Борис Исаакович.

Большое спасибо Вам и Анне Александровне{174} за Ваше внимание и участие. Т. М.{175} сама пишет Анне Александровне о себе. Мы оба очень тронуты. Письма идут теперь до изумительного разно: от 10 дней до 2 месяцев. Ваше письмо от 29 января шло бесконечно долго. То же самое — и еще в гораздо большей степени — относится к Франции. Так, я на днях получил от Б.К. Зайцева{176} два письма на расстоянии двух дней, причем первое было от ноября, а второе от конца января!

Со времени моего последнего письма к Вам произошла сенсация: в «Н[овом] Р[усском] Слове»{177} была 7 марта помещена парижская корреспонденция Кобецкого{178} о том, что 14 февраля десять более или менее видных людей, во главе со знаменитым человеком, Маклаковым, посетили полпредство{179}, обменялись речами с Богомоловым{180}, выслушали от него инструкцию о том, что надо относиться сочувственно к «Русскому Патриоту»{181} и затем приняли участие в «завтраке а ля фуршет». Корреспонденция, разумеется, была написана в самом восторженном тоне. Волнение в русских группах здесь было, как Вы догадываетесь, большое. О самом завтраке Вы, конечно, уже давно знаете, — я сообщаю Вам только об отношении к нему здесь. На следующий же, кажется, день собралось человек двадцать пять политических людей (не было Керенского — он в лекционном турне). Негодование среди эс-эров и эс-деков было невероятное и настроение единодушное. Только четыре человека из 25 высказались против резолюций и прочего — до получения более точной информации. К этим четырем принадлежали А.И. Коновалов{182} и я (а потом к нам присоединился и Александр Федорович [Керенский]). Я, в частности, доказывал, что Василий Алексеевич умнейший человек, не мог произнести ту бессмысленную речь, которую ему вложил в уста Кобецкий. Наше выступление вызвало холод, но все-таки резолюция принята не была. Коновалов послал Маклакову телеграмму с запросом и вчера получил ответ: «Иньоре артикль Кобецки. Канву ресеврэ нотр леттр докюмантэ, ву шанжерэ сертэнеман д-эмпрессион{183}. Маклаков, Титов, Альперин{184}, Тер-Погосян». Будем ждать теперь писем. Вы справедливо скажете, что если бы собрание в 25 человек и приняло резкую резолюцию, то это мирового значения не имело бы. Конечно. Однако, участникам «завтрака а ля

фуршет» было бы, вероятно, тяжело, если бы с ними порвали друзья всей их жизни. А некоторые эс-эры говорили даже о необходимости исключения из партии двух участников «завтрака а ля фуршет» — эс-эров (Тер-Погосяна и Роговского). О том, что послужило причиной странного акта 14 февраля, у нас есть только догадки. Вероятно, было сильное давление франц[узского] правит[ельства]. Любопытно и то, что подписались под ответной телеграммой Коновалову четыре человека, притом именно те из десяти, которые нас только и интересовали (Ступницкий или Одинец{185} никому не интересны). Они, очевидно, противопоставляют себя другим. От себя скажу, что если «лэттр докюмантэ» и не прибавит, т. е., если и не изменит ничего в статье Кобецкого, то лично я все равно не приму участия ни в каких актах и резолюциях, считая, что каждый человек имеет полное право в любой день признать всю свою жизнь ошибкой и поднять белый флаг. Привлекательного в этом немного, но право совершенно бесспорно. Все это не имеет отношения к переменам в СССР, к победоносной войне и т. д. Я всегда был и остаюсь счастлив, что Россия побеждает, идет от победы к победе. Признаю, что есть немало правды в предсмертной статье Милюкова{186} (скажем, 25 %). Не стою на «твердокаменной» позиции Вишняка — Федотова{187}, - там-мол все — зло, — и никогда не стоял. Но в основных идеях были правы мы, а не они — куда бы жизнь ни пошла. И завтракать а ля фуршет с тостами в честь одного господина у меня нет ни малейшего желания. Пользы же от этого не видно (может быть письмо В[асилия] Ал[ексеевича] объяснит ее): едва ли господин объявит амнистию и даст конституцию оттого, что у него позавтракало 10 эмигрантов (некоторые по соображениям чистым и благородным, как Маклаков, Тер-Погосян, Альперин, а некоторые другие по соображениям карьерным). В. Сирин{188} написал Зензинову письмо об этой сенсации, — в очень сильных выражениях{189}, которые не могу повторить (он крайний антибольшевик).

Извините, что пишу об этом бессвязно (очень устал) и что говорю о себе. Напишите, что Вы думаете.

Теперь посылки. Мы (Лит[ературный] Фонд{190}) уже послали во Францию около 150 продовольственных посылок, посылаем и еще. Отправили посылки также другие организации. По слухам, пропадает и расхищается от четверти до трети посылаемого, — как бы не стало еще хуже. Я послал от себя 15 посылок Полонским, 8 — Анне Григорьевне{191} (ей послал еще 4 посылки мой бофрэр{192} Саша). От себя я отправил также по пяти посылок Буниным{193}, Зайцевым{194}, и по одной или по две-три разным другим старым знакомым и приятелям. Кроме 150

индивидуальных посылок Лит[ературный] Фонд получил в виде исключения разрешение на отправку одного большого груза продовольствия по адресу Долгополова для распределения между нуждающимися интеллигентами. Мы единогласно поставили условием, чтобы ни одна посылка не была дана людям, хоть в отдаленной степени повинным в «сотрудничестве» (их, к несчастью, оказалось гораздо больше, чем думали оптимисты). Кстати, Яков Борисович [Полонский] послал прямо Цвибаку{195} корреспонденцию об этих сотрудниках{196}, которая меня чрезвычайно огорчила и расстроила. Я убеждал Цвибака и А. Полякова{197} не печатать эту его статью, — но не убедил, к сожалению. Я считаю, что это не дело печати. Кроме того, очень трудно доказать, что такой-то нажил миллионы на продаже, например, принадлежавших евреям картин{198}.

Разумеется, Василий Алексеевич никак не забыт организациями, отправлявшими посылки. Не забыт, кажется, никто. К сожалению, мы не знали адреса Мельгунова{199}. Не посылаем посылок Гиппиус{200}, Шмелеву{201}, Берберовой{202}, Вышеславцеву{203} и многим другим. О них крепко написал Поляков-Литовцев в «Н. Р. Слове»{204}.

Послать Маклакову или кому бы то ни было «Новый Журнал» мы до сих пор не могли: не разрешалось отправлять русские книги по Францию. Несколько дней тому назад разрешение вышло, но установлен предельный вес: 1 фунт. Между тем «Новый Журнал» весит фунт с четвертью. Очевидно, придется разрезать его на части. Попробуем послать в разрезанном виде Маклакову, Бунину, Зайцеву, Полонскому. Знаю, однако, что Вас[илий] Алексеевич читал седьмую книгу журнала, — он об этом упоминает и расспрашивает. Он сообщил Коновалову, что написал мне. Я его письма не получил.

Не могу понять, что происходит с номерами, высланными Вам. Цетлина{205} мне сообщила, что последний вернулся! Между тем адрес, по ее словам, был правильный. Девятую книгу я послал Вам собственноручно.

Шлю Вам самый сердечный привет. Просьба к Вам: не согласитесь ли послать Б.К. Зайцеву (B. Zaitsev, ДО rue Thiers, Boulogne s/Seine) прилагаемую копию моего письма Бунину. По моим предположениям, Иван Алексеевич [Бунин] уже находится в Париже{206}. Оригинал письма я отправил ему в Грасс, но, быть может, копия дойдет скорее. Письмо касается и Бориса Константиновича [Зайцева], - «с. о.»{207} не нужно. Заранее очень благодарю.

Целую ручки Анне Александровне. Привет Ал[ександру] Б[орисовичу]{208} и его жене.

Ваш М. Ландау

Бромберг действительно кладезь знаний, вроде Делевского. Пишет он мало. Примыкает к евразийцам!!

Машинопись. Подлинник.

Oxford University, Bodleian Library, Department of Western Manuscripts (далее — Bodleian). MS. Russian d. 7. Correspondence of Boris Elkin (далее — Elkin). Л. 24–24 об.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 18 апреля 1945

Written in Russian

109 West 84 Str., New York 24

En russe

18 апреля 1945

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Вашу открытку, она шла очень долго (так было вначале). Большое Вам спасибо. А.И. Коновалов читает Александру Федоровичу и мне, как ближайшим единомышленникам, все получающиеся от вас и вообще из Франции письма. Я тоже делюсь с ними тем, что получаю я — из Парижа и из Лондона. Теперь и мы трое, и, разумеется, не мы одни, с величайшим нетерпением ждем того «документированного письма», которое Вы, Ал[ександр] Андр[еевич] [Титов], Абрам Сам[ойлович] [Альперин] и Мих[аил] Матвеевич [Тер-Погосян] обещали прислать в телеграмме Александру Ивановичу [Коновалову]. По нашим расчетам, оно должно прийти со дня на день. О политике Вам писали другие. Я поэтому не пишу. Каждый поступает по своему пониманию событий, и едва ли кто-либо кого-либо переубедит.

Мы Вам (а также Бунину, Зайцеву и Полонскому) послали все номера «Нового Журнала», начиная с 4-го. Первая и третья книга распроданы. Вынуждены были послать в разрезанном (на две части) виде, | так как отсюда почта принимает только печатный материал весом в фунт, а «Новый журнал» весит фунт с четвертью. Скоро выходит десятая книга. Журнал был создан мною, но я от него *несколько* отошел, так I как он отнимал у меня слишком много времени. Редакторы: М.М. Карпович{211} и М.О. Цетлин{212}, а я им в меру сил помогаю. Этот орган довольно I широкой коалиции, от Г.П. Федотова и М.В. Вишняка, статьям которых я далеко не всегда сочувствую, до Н.С. Тимашева{213} и А.Ф. Керенского, с которыми соглашаюсь в очень многом, *хотя* не во всем (Вы I видите, что «от — до» теперь проходит не в зависимости от «левизны»). Не склонны ли Вы писать у нас? Возможно, что Вы теперь выходите из пределов коалиции «Нового Журнала», но это нам не помешает с радостью напечатать Вашу политическую статью «в порядке дискуссии», а Ваши

воспоминания (отрывки из тех двух томов, которые Вы, говорят, написали в последнее время) без всяких оговорок. Думаю, что. Карпович и Цетлин совершенно со мной согласны. Мы надеемся на сотрудничество Бунина, Зайцева, Адамовича{214}, Церетели{215}, Мельгунова, *и, б. м., Бердяева.* Разумеется, не может быть речи о том, чтобы мы поместили писания беллетристов или публицистов, которые сотрудничали с немцами или торговали с ними. В этом отношении русская колония в Америке настроена совершенно непримиримо. Наш Литературный Фонд принял, например, единогласно постановление не оказывать ни малейшей помощи деньгами и посылками лицам этих двух категорий. Кстати, получили ли Вы продовольственные посылки? И пришел ли, наконец, большой груз продовольствия, одежды, обуви, отправленный здешними организациями на имя Н.С. Долгополова? Это дело стоило большого труда им. Если оно выйдет, мы будем продолжать его. Иначе придется ограничиться почтовыми посылками по 4,4 фунта. Их Литературный Фонд уже отправил во Францию более двухсот.

Могу ли я обратиться к Вам с очень большой просьбой? Вы писали А.И. Коновалову, что для него и Анны Фердинандовны{217} Вы могли бы достать визу во Францию. Не знаю, воспользуется ли Вашей любезностью Ал. Ив., - для него это дело очень сложное по многим причинам. Но, может быть, и воспользуется — не знаю. Во всяком случае, ему страстно хочется вернуться. Не думаю, чтобы к Вам за этим обратился еще кто-либо, по крайней мере в этом году. Одни не хотят, другие не могут. А вот я и жена моя Татьяна Марковна и «можем», и очень хотим. Скажу больше, нам это по личным причинам необходимо: у меня в Париже сестра (Полонская), а у Татьяны Марковны в Гренобле мать (Зайцева), которой 75 лет *и которая больна.* Нам надо торопиться. Мы с женой прожили во Франции 20 лет и готовы, разумеется, подписать обязательство, что никакой платной (или даже бесплатной) работы во Франции искать не будем. Вы верно слышали об успехе моего последнего романа в С. Штатах, его продано 314 000 экземпляров, издатель Скрибнер{218} купил у меня еще другие книги (пока они не вышли), и я могу представить фотостаты контрактов с ним или текущего счета в банке, для доказательства того, что буду тратить во Франции деньги из Америки; следовательно, материального ущерба от нашего приезда никому не будет. Остановиться я могу у сестры или тещи, так что и с этой стороны все благополучно. Что до моей политической «благонадежности», то я с первых дней в Америке писал и печатал статьи по-английски и по-французски (в

«Репюблик Франсэз» — по-французски) со «стопроцентной» защитой ген. де Голля[219]. Одна из этих статей была отсюда французами передана по радио в Африку, где тогда находился генерал де Голль (мне говорили, что он и Палевский[220] ее читали, — но, разумеется, я не знаю, правда ли это). *Книги мои переведены на 23 языка.* Наконец, сведения обо мне они могут найти в «Британской Энциклопедии». Извините, ради Бога, всю эту «саморекламу», но я боюсь, что она Вам необходима, если Вы любезно согласитесь помочь нам. Не так давно здесь был б[ывший] директор кабинета министра внутренних дел Блюмель[221]. Он твердо обещал сделать все для получения визы тем из нас, которые хотят поехать во Францию, был очень любезен, мы его чествовали обедом с речами. Николаевский[222] дал ему список из нескольких человек, — кажется, кроме меня с женой туда вошли сам Бор. Иванович, Зензинов и Шварц[223] (думаю, что ни Зензинов, ни Шварц, ни сам Николаевский не поедут в близком будущем). Мы дали Блюмелю все сведения о нас, и с тех пор (прошло уже месяца полтора) от него никаких известий. Вчера Бор. Ив. мне по телефону сказал, что Блюмель вышел в отставку, но что связи у него остались. Знакомы ли Вы с ним? Кроме того молодой Эльяшев, французский генеральный консул где-то в Австралии, с полгода тому назад сообщил мне, что говорил обо мне с Палевским, который будто бы ответил, что мне и моей жене виза во Францию будет дана беспрепятственно. Мы с ней поехали бы хоть завтра, если бы получили визу и места на пароходе: так нам необходимо повидать родных. Удовлетворились бы мы и временной визой, скажем, на шесть месяцев, — этого достаточно. Уехали мы из Франции с карт-д-идантитэ[224] и с сертифика д-идантитэ[225], совершенно легально. О них прилагаю справку ниже. Если бы Вам понадобились какие-либо дополнительные сведения, позвоните, пожалуйста, Я.Б. Полонскому (Jasmin 99–63), он Вам их доставит. Статью в «Репюблик Франсэз» и фотостаты могу Вам прислать, хотя, вероятно, они нужны не в Париже, а в консульстве тут? Если Вы можете оказать нам эту большую услугу, буду Вам, как и Татьяна Марковна, чрезвычайно благодарен. Конечно, я могу обратиться в посольство и в консульство в С. Штатах, — я немного знаком и с послом Боннэ[226], и с ген. консулом Герэн-де Бомоном и имею с ними общих знакомых. Но я знаю, что они для всех (кажется, даже для французов) обязаны пересылать дело в Париж: все зависит от Парижа.

О Вас мы знаем и из Ваших собственных писем, и из других. Мне писал и Элькин: мы с ним в постоянной переписке. Знаем о несчастном случае с Марьей Алексеевной, и очень нам ее жаль.

Мы тем более сочувствуем, что моя жена здесь четыре года тому назад сломала ребро, а четыре месяца тому назад левую щиколодку [так!], и мы тоже пережили много тяжелого. Пожалуйста, передайте Марье Алексеевне мой самый сердечный привет и лучшие пожелания, к которым присоединяется Татьяна Марковна.

Увидимся ли мы в близком будущем? Очевидно, это зависит именно от нашей визы: ведь Вы сюда не собираетесь? (а следовало бы Вам приехать на месяц-другой). Примите сердечный дружеский привет, желаю Вам больше всего здоровья, крепости и бодрости, — того, чего у меня нет. Извините, ради Бога, что утруждаю. Кланяюсь общим приятелям.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA. 2-12.

В.А. Маклаков — Б.И. Элькину, 15 мая 1945

Париж, 15 Мая 1945 г.

Дорогой Борис Исаакович,

Сегодня получил Ваше письмо от 9 Апреля. Эта медлительность положительно недостойна цивилизованных государств и отбивает охоту переписываться.

После Вашего письма Фальковский{227} ходил в мэрию. Прилагаю копию его письма ко мне. Я по-прежнему думаю, что хозяин Ваш остался типичным французом, который не гнушается грошовыми выгодами и хочет взыскивать с Вас за квартиру и создать для этого аргумент в свою пользу. А пока Ваши вещи будет держать как залог, да еще взыскивать с Вас за хранение{228}.

Мне очень интересны и ценны Ваши сведения об Америке; они совпадают с моими; мне писал и Коновалов, и Николаевский. Алданов молчит. О статье Полякова{229} слышал, но ее не читал и мне интересно Ваше изложение ее. Но как мог Поляков судить о моей речи? Или она туда дошла? Ведь и Вы ее не читали. В статье Кобецкого все было гнусно искажено и так, что меня самого от моей речи стошнило. Я знаю, что туда собирались послать краткое изложение речей, но не знаю, что послали. Очевидно, кто-то ее сохранил и раздает.

С Поляковской аргументацией я совершенно согласен{230}. Это — главное. Мы понимали и чувствовали, что «советская власть» нас спасает, что ее крушение — наша гибель. И заранее были готовы все ей простить, если она устоит. После этого мы не могли смотреть на нее по-прежнему. Но это эмоциональное соображение не все. Поляков не видал другого. Он не переживал с нами поведения наших русских германофилов, холопства перед

Гитлером и Германией, антисемитских воплей, которых мы в старой России не слыхивали, и все это во имя непризнания «советской власти». Быть с ними в этот момент, говорить с ними на одном языке и ругать Советы, даже за то, что в них можно ругать, было бы то же, что во время «погрома» разбирать подлинные недостатки евреев. Мы могли говорить и думать, как ни гнусны большевики, немцы много хуже. И такие переживания обязывают.

Но про дома суа{231} скажу и последнее. Я присяжный защитник «эмиграции». Эта моя миссия не была еще окончена. И я видел ясно, что после всего того, что наши германофилы здесь делали, после негодования, которое они во всех возбудили, рассчитывать на льготы и преимущества, на конвенцию и т. п. потому, что мы «враги советов», было бессмысленно. Если отдельные лица вроде Нольде{232} или Деникина{233} могли жить старыми капиталами, то рядовая эмиграция должна была тон свой изменить. И я считал своим долгом использовать для нее этот момент, сделать так, чтобы она могла этим изменением только себя не унизить.

И последнее. Кроме нас в Париже есть «патриоты»{234}. Одинец, который принялся, как лакей, переменивший господ, славословить советскую власть «безоговорочно» и с «раболепством». И все, кто не стоял на непримиримой позиции, шли к ним и с ними. Надо было показать, что это не необходимо, что можно было не быть ни «Хлестаковым», который якобы «борется», ни «ренегатом», который плюет в прежних богов.

Вот все, что было ясно. Наши друзья, уехавшие в Америку, это не испытывали и это их счастье. Но что они нас «осуждают» не понимая в чем дело, им чести не делает и, право, мне на них [так!] обидно. Не думали же они, что мы подкуплены или испугались. И мои дружеские чувства к ним очень уменьшились.

Теперь вот что. Я послал протокол Саблину{235} 4-го Мая. Просил его из рук не выпускать. Это к Вам не относится. Однако ж Вам даю на одинаковых условиях — не давать никому другому. Здесь был Новицкий{236} и я дал ему прочесть у себя. Других не знаю и не даю. Но Вы его прочтите.

Журнал здесь выйдет 17 Мая{237}; у меня была статья, но она не пойдет в 1-ый номер, а во второй{238}. От этой статьи падают в обморок и справа и слева, но считаю ее правильной и не отрекаюсь. Советы будут недовольны, но я ими тоже.

О втором свидании с Богомоловым 9 Апреля я Вам послал самому [так!]. Главное я Вам изложил. Саблину писал о том же 4 Мая. Чего Вы еще хотите? Для курьеза посылаю копию протокола об одном заседании, бывшем на [слово нрзб.]; но я не ручаюсь за

точность и потому не распространяйте.

Ваш Маклаков

Машинопись. Подлинник.

Bodleian. MS. Russian d. 4. Elkin. Л. 24–25.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 25 мая 1945

Париж, 25 Мая 1945 г.

Дорогой Марк Александрович,

Начну с дела, а о политике после. Я получил две книжки «Нового Журнала», седьмую и восьмую; не в разрезанном виде, значит не те экземпляры, которые Вы послали. Кажется, их привез Андерсон{239}; еще я получил, не знаю от кого, один номер «За Свободу»{240} и один «Социалистический Вестник»{241}. Это очень мало, чтобы понимать Ваши настроения; но это уже я захватываю политику.

Теперь главное дело — Ваш приезд. Я очень охотно сделаю все, что нужно, и надеюсь, что смогу Вам помочь. Но необходимо, чтобы Вы сами об этом просили через местного французского консула. Пока Ваше прошение, посланное через него, сюда не пришло, я просить не могу; мне ответят, что такой просьбы еще не получали. Конечно, все это страшно замедляет дело при быстроте почты; Ваше письмо от 18 апреля я получил 24 Мая. Может быть, это можно ускорить посылкой через вализу, т. е. с едущим сюда человеком, который, может быть, полетит. Этого я не знаю. Но знаю твердо, что только когда просьба придет, мне будет смысл идти в Министерство. Поэтому надо, чтобы, когда просьба пойдет, Вы немедленно меня об этом уведомили; лучше, если смогли бы указать № бумаги, число отправки и т. д. Просьбы поступают в Министерство Иностранных Дел; если оно будет согласно, оно еще запросит Министерство Внутренних Дел; у меня там тоже есть ход. Но начните пока так, как я Вам говорю.

Конечно, Палевский, если он по-прежнему у Голля, может все это ускорить и, может быть, сделает без той процедуры, которую я указываю. Но я и в этом не уверен, зная рутину всех администраций, — а эту рутину сейчас соблюдают гораздо больше, чем раньше. И могу Вас уверить, что когда запрос придет, все сведения о Вас я сумею достать и представить им дело в надлежащем, благоприятном виде. Но это здесь необходимо, чтобы они стали разговаривать.

Вы очень удивили, хотя и польстили меня [так!] предложением писать у Вас, в «Новом Журнале». При удручающей медлительности писем и невозможности, несмотря на все старания, достать Ваш журнал, и поэтому невозможности за ним следить — очень трудно что-либо писать. Ведь я только теперь начинаю понимать, в чем наши различия, т. к. мы, не я один, не

предполагали, чтобы Вы так с нами разошлись. Если бы Вы ощутили весь ужас и разврат оккупации, и перспективу немецкой победы, представляли себе, что это счастие было бы для России, и понимали, что спасти от него может только советская власть, и одновременно видели наших германофилов, которые помогали немцам «для освобождения России» — то Вы бы не удивлялись, не хотели быть вместе с ними и чем-то их поддерживать; отсюда мы естественно ощутили, что мы ближе к советам, чем к Германии и германофилам, и считали, что их победа была бы трагичнее для России, чем продолжение советских бесчинств, которые сами готовили себе противоядие. Это я говорю не затем, чтобы Вас переубедить, а чтобы показать, как в этих условиях отчуждения трудно писать на злободневные темы. Что же касается до «воспоминаний» — то был напечатан [в] оккупации том о 1-ой Государственной Думе (вышел теперь); не знаю, дошел ли он до Америки; его издал «Петрополис»{242}, но за отсутствием бумаги в очень малом числе экземпляров. Очевидно, он не годится для книжки; у меня еще написан том о 2-ой Государственной Думе (не напечатан), но не думаю, чтобы отрывки из него могли быть интересны. Интересен он только [в] целом, как и том о 1-ой Думе. Вот Вам ответ на Ваше предложение, если только оно было серьезно, а не ради любезности.

Нужно сказать, что я собрался подать фигурально в отставку от всех должностей и остаток моих дней заниматься только созерцанием того, что происходит. Надо уметь сходить со сцены вовремя; а для меня время настало. Третьего дня мне минуло 76 лет, будущего у меня уже нет, а жить только «воспоминаниями» можно только при уверенности, что они будут других интересовать. И, кажется последнее, что я написал, это статья для новой газеты (второго еженедельника) на тему о «смысле» теперешней русской эмиграции{243}. За эту статью меня будут винить и у советчиков, и у их врагов. Это моя участь, ибо я все-таки, как говорит Ал. Толстой:

«Двух станов не боец, а только гость случайный»{244}.

И так я был всегда, и мне меняться уже поздно. И вот, в заключение хочу Вам сказать совсем особое слово о «политике», не с политической, а личной стороны. Говорю его Вам не потому, что очень ценю Ваш талант, но потому, что от Элькина я знаю Вашу позицию относительно нас, отрицательную, но не порицательную; я не собираюсь ни Вас убеждать, ни себя защищать, но мне хочется [пропущено слово], как если бы я Вам сообщал материал для некролога. И делаю это потому, что в этом не личный интерес, а общий, ибо в нашем шаге было мало личного.

Это первое, что я хотел Вам подчеркнуть; у Вас искали «виновника» и «главу» и нашли его во мне. Это очень неточно; не я это выдумал, не я руководил; с другой стороны, не другой мною воспользовался, как это тоже говорят. Все это возникло спонтанно, по «русскому» выражению. Да, среди людей «моей группы» было мало людей, которые мне импонировали; мои политические «друзья» либо умерли, либо уехали. Один из них, П.Б. Струве, вернулся в Париж, только чтобы здесь умереть{245}.

Этого мало. Я по натуре скорей пессимист и жду худшего. И вот Вам скажу — очень скоро я поверил в победу Германии; я нисколько ей не радовался, скорей ей ужасался, но верил в нее. Вы, может быть, помните мою французскую записку до войны, которая была напечатана в «Днях» без подписи{246}. Соглашение Сталина с Гитлером{247}, слабость, которую СССР показал в столкновении с Финляндией{248}, еще больше убедили меня, что Германия победит. Ее первые успехи, разгром Польши и Франции, явное разложение Франции, нежелание и неспособность драться, а с другой стороны, чудодейственное усиление Германии с 1918 г. убедили меня, что они победят. Одни этому радовались и шли за победителями; этим я не соблазнился; никуда не уехал, решив погибнуть на своем посту, но не сомневался, что спасения нет, что Англия не устоит. В это время русские — одни уехали, хоть в свободный запад, другие оставались здесь и ставили ставку на Германию (комитет Горчакова{249}), — покинул и упрекали меня; я был если не в одиночестве, то в очень разреженной атмосфере. А когда появился Жеребков{250}, его газета{251}, постепенное присоединение к нему даже умных людей, как Бенуа{252}, началась война с Россией, и восторги многих эмигрантов перед «грядущим освобождением России» — я, который не верил в поражение Германии, но не шел к победителю, очевидно занимал безнадежную позицию и делал безнадежное дело: не верить в победу над Германией и не быть германофилом, т. е. стоять за побеждаемых, было нелогично, хотя эта нелогичность соответствовала моему характеру.

И мне тогда были морально близки и нужны люди, которые, как я, не хотели победы Германии, но кроме того в нее и не верили. Они давали моей позиции какое-то логическое оправдание. И я сближался, несмотря на разногласия в других отношениях. Мы собирались время от времени в разных местах и в разных комбинациях; общее у нас было только то, что мы хотели разгрома Германии; но т. к. в это время она могла пасть только от сопротивления Советской России, а не [пропущено слово] от [пропущено слово] в Англии и Америке, ибо при разгроме России и захвате хлеба и нефти, Германия стала бы

непобедима, то мы все ставили мысленно ставку на победу России. Это тогда вовсе не предрешало отношения к ней; помню, я полушутя сказал, что если теперь приедет сюда их посол, то я завезу ему карточку; но это была только шутка, на которую так и посмотрели. Тем не менее во время пропаганды германофилов о необходимости победы над С. Россией, я счел полезным зафиксировать наше суждение о том, что победа СССР для России предпочтительнее победы Германии, и что мы должны ей в этом способствовать, нисколько не меняя своего отношения к сов[етской] власти. Это было мною изложено в 7 пунктах и лежало у меня в шкапу [так!], когда я был арестован (28 Апреля 1942 г.). На другой же день люди, знающие про мою бумагу, приехали ее отыскивать, чтобы уничтожить. Так у меня ее больше нет{253}. После моего освобождения, я оказался *без дела,* а тут пошли и успехи России; мы продолжали это дело и впервые связались с резистанс. Все это велось, пока немцы не ушли, очень подпольно. Но слухи об этом были, эту группу называли моим именем, и я был в списке тех, кого надо было увезти в Германию при приближении союзников. Только стремительность их отступления меня от этого избавила. Один из наших, Кривошеин{254}, еще раньше был арестован и увезен; теперь он освобожден и вернулся, но до Парижа его не довезли. После ухода немцев мы получили возможность уже открыто искать сторонников, выпустили листовку, но у нас не ставился даже вопрос о посещении Посла и о каком-нибудь соглашении с ним. Но тут произошло два обстоятельства. Появились «патриоты», отчасти от Резистанс, а отчасти из германофилов, которые под этим флагом скрывали свое германофильство и нажитые ими деньги; они побежали к Богомолову, оплевали прошлое эмиграции, словом, повели себя, как ренегаты. Одно их присутствие на Гренелль{255} отбило у нас всякую охоту идти туда. Но они стали убеждать нас к ним присоединиться, меня просили стать их почетным председателем, захватили помещение Жеребкова с украденной у нас мебелью, словом, эмиграцию отталкивали. А другое обстоятельство было раздраженное и несправедливое отношение французов ко всем белым русским, которых обвиняли в помощи Германии и измене Франции. Кто не с «патриотами», тот против Советской России, т. е. с Германией. Вот упрощенное рассуждение улицы. Я не знаю, к каким действиям это бы меня побудило. Но мне не пришлось никаких решений предпринимать, когда сам Богомолов через посредника дважды выразил желание со мной повидаться. Он не говорил *зачем,* и затем речь шла только обо мне, и. после второго приглашения, которое поручил мне передать, я решил пойти «на

разведку» и через того же посредника ответил, что его желание совпадает с моим, и просил назначить время. Но тут он уехал с де Голлем в Москву{256}, и все было отложено. После его возвращения об этом больше не было речи. Мы тогда решили все-таки в противовес патриотам наше «объединение» зарегистрировать, выпустили вторую листовку из 3-х пунктов, — Вы ее, по-видимому, знаете, — и назначили в Токио{257} собрание тех, которые ее разделяют. Но за несколько дней до этого собрания, Богомолов через того же посредника мне передал, что возвращается к первому плану о свидании и назначает мне прием, не только меня, но и моей группы, по моему выбору, но желает, чтобы я привел обоих адмиралов, которые к нам входили. Мы решили пойти, именно как группа людей, которые от Советов независимы, но признают их национальной властью, и с ними не борются. Для нас было ясно, что никакой другой власти в России мы им противопоставить не можем, а [не оставлять{258}] борьбу с ними после провала Вермахта есть хлестаковщина. Тогда произошло свидание, протокол которого теперь Вы должны были уже получить{259}, если даже не получили первый, отправленный с оказией, то наверное уже получили второй, заказной, посланный на имя Коновалова. Из него Вы увидите, что мы заявили себя эмигрантами, в Россию не просились, но заявили, что после происшедшего, мы больше не хотим их свержения, и хотели бы не личного, а массового примирения с эмиграцией, как символ установления нового строя. Когда Кобецкий писал, что мы ходили с Одинцом и патриотами, он просто лгал, но заведомо, т. к. наше отношение к патриотам всем было известно, и Кобецкий с ними в контакте. Прибавлю, что через несколько недель Богомолов меня одного вызвал и спрашивал, не хочу ли я поехать в Россию. Я ответил, что поставлю этот вопрос, только когда все эмигранты получат право вернуться.

Вот как происходило это дело — и никакие резкие перемены с нами не произошли; все казалось совершенно логично и естественно; это было спонтанным и общим движением, а не чья-то инициатива пойти по иному пути. И поэтому я считаю, что у Вас вообще подняли много шума по пустякам, и что иначе поступить было нельзя; нельзя было оставлять эмиграцию при Деникинской [программе], с призывом продолжать прежнюю борьбу{260}, или при патриотах, которые писали: «да будет благословенна октябрьская Революция». И если я себя отнюдь не чувствую героем, то не могу считать и преступником. Среднему [слово нрзб.] — нет иного пути.

Но если я Вам объясняю, как это вышло, то очевидно эта позиция основана и на некоторых политических предпосылках.

Они таковы.

1. Уверенность в том, что советский режим не только способен эволюционировать, но и действительно давно, хотя и слишком медленно, эволюционирует.

2. Что путь к этой эволюции указан им самим в конституции 1936 г., которая не исполняется, но может быть исполнена при некоторой [фраза не закончена].

3. Что главной и необходимой [пропуск в тексте] является превращение партии в простой аппарат государства.

4. Необходимость упразднить официальную кандидатуру, т. е. преимущество партийных кандидатов.

5. Не нарушая основ конституции, можно увеличивать индивидуальный сектор, менять структуру колхозов, давать свободу прессы и слова, все это в рамках советской системы; от нее останется только одно — мелкая земская единица под заглавием совет, но без его одиозных особенностей.

Но, конечно, советская власть и заинтересованные люди могут этого не желать и сопротивляться, как это делало Самодержавие.

6. А это может означать, что для этих реформ необходимо предварительное свержение власти, т. е. новая Революция; против советов. И тут, по-видимому, главное, что нас разделяет. Еще недавно мы не толь ко этого желали, но считали, что это непременная *практика.* В этом от ношении мы изменились; мы не верим, что это произойдет, раз Россия выдержала войну; но этого я лично и не хочу. Ибо только два исхода: либо либеральное правительство, как в Феврале, и Россию расчленят и разбазарят соседи и союзники. Или такое же диктаторское правительство, но не коммунизм, а нечто вроде легитимистов, фашистов, и вообще всех тех людей, которые здесь радовались победе Германии. Этого я не желаю и предпочитаю медленную эволюцию свержению власти. Вот здесь я, может быть, с Вами всерьез расхожусь — и этого [так!] не откажусь, да и не считаю важным. Я все равно ни [пропуск в тексте], ни меняться не могу. А своих ощущений скрывать не хочу, и лукавить мне незачем.

Машинопись. Копия.

HIA.2-12.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 13 июня 1945

Written in Russian

109 West 84 Str. New York 24

13 июня 1945 Дорогой Василий Алексеевич.

Я написал А.А. Титову и СП. Мельгунову, но, быть может, письма не дойдут. Поэтому решаюсь просить Б.И. Элькина доставить Вам *копию (не очень ясную)* этого письма: пожалуйста,

прочтите его и передайте Александру Андреевичу.

Надеюсь, Вы получили мое апрельское письмо к Вам? Не повторяю его, — заранее очень благодарю, если могли что-либо сделать (говорю о визе). Шлем самый сердечный привет Вам и Марье Алексеевне.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник. НІА. 2-12.

М.А. Алданов — А.А. Титову, 11 июня 1945

[11 июня 1945{262}]

Вы хотите знать мое мнение о «визите». Вероятно, Б.И. Элькин сообщил в Париж информацию, полученную им от меня об отношении к визиту здешних русских политических деятелей и публицистов. Если так, то Вы знаете, что А.И. К[оновалов] и я наименее резко отрицательно отнеслись к этому политическому акту 10 парижан{263}: именно его и моими усилиями была предотвращена резкая резолюция протеста против него, которую, после появления злополучной статьи Кобецкого, предполагали вынести здешние соц[иал]-демократы и эс-эры. Мы (а также и Керенский) считали совершенно непозволительной какую бы то ни было резолюцию на основании газетной корреспонденции, до получения более достоверной информации. Мы были правы. Я прекрасно понимаю, что если бы такая резолюция и была вынесена, то Вы отнеслись бы к этому философски: что же были единомышленниками и перестали ими быть. Но все-таки и Вам, надеюсь, тяжело было бы разрывать ту немалую идейную связь, которая 25 лет существовала — в известных пределах — между русскими политическими кругами «от кадетов до эсэров». Как ни как, за этими идеями вековая русская традиция. То, что было сказано в статье Кобецкого (конечно, я имею в виду информацию, а не лирику), этой традиции клало конец. Надо ли говорить, как я рад тому, что Ваш «протокол», сегодня нами полученный (три страницы без заглавия и конца), и, в частности, вторая речь Василия Алексеевича и его письма вносят весьма существенные поправки. И Вы, и В.А. были, видимо, изумлены словом «бульверсе»{264} в Коноваловской телеграмме. Но ведь Абр[ам] Сам[ойлович] [Альперин] в телеграмме мне по поводу той же корреспонденции выразился еще сильнее (индигнент{265}).

Перехожу к существу дела и делаю это только потому, что Вы выразили желание узнать мое мнение. По своей инициативе я его высказывать не стал бы. Буду говорить откровенно, в уверенности, что политические разногласия на личных отношениях наших отразиться не могут и не отразятся. Добавлю, что письмо мое конфиденциально. Вы можете прочесть его исключительно Абраму Самойловичу и Василию Алексеевичу —

больше никому. Под тем же условием конфиденциальности я пошлю копию настоящего письма Сергею Петровичу [Мельгунову].

Но прежде всего я коснусь двух общих вопросов.

1) Вас[илий] Алек[сеевич] пишет: «для того, кто пережил здесь владычество немцев…для тех ясно, что мы все ближе к Сталину, чем к Гитлеру и Жеребкову»! Да кто же в этом сомневался? Для этого не надо было переживать владычество немцев. Мы здесь все, и социалисты, и кадеты, и беспартийные демократы, всегда занимали «100-процентную» (как говорят в Америке) оборонческую позицию. Если бы Вас[илий] Алек[сеевич] хоть на мгновенье думал о нас иначе, он вообще не стал бы нам писать, как мы не пишем и не будем писать ни одному из парижских пособников немцев, активных, неактивных, идейных и продажных. Мы все в этом отношении ([пропущено слово] и лично) настроены совершенно непримиримо (гораздо более непримиримо, чем, по слухам, в личных отношениях многие парижане). О себе скажу, что я в своих статьях и на русском, и на английском, и на французском языке в С. Штатах неизменно говорил, что мы всей душой желаем победы в этой войне России, каков бы ни был ее режим.

2) У вас, по-видимому, существует мнение, что мы «потеряли чувство России», «утратили живую связь с ней» и т. д., тогда как вы, парижане, знаете о русских делах и настроениях много больше! Право, географическое расстояние здесь ни малейшей роли не играет: 2000 километров или 6000 километров — не все ли равно? Вы видите много «приезжих». Их очень много и здесь, и они тоже не прячутся. Но вы, вероятно, читаете почти исключительно крошечные *французские газеты* наших дней, тогда как мы читаем ежедневно газеты, которые по верности и обширности информации ни с чем не сравнимы даже в прежней, довоенной Европе. Мы читаем также регулярно советские книги и периодические издания, которых вы, вероятно, были очень долго лишены. Я прочел за последние три — 4 года не менее десятка книг, написанных о России посетившими ее за это время американцами разных направлений. Нет ни малейшего сомнения в том, что немецкое владычество вы пережили неизмеримо острее, чем мы. Но когда один из участников вашего визита пишет сюда, что мы ничего не знаем, а он все знает — или во всяком случае гораздо больше нас — о процессах в России, то это вызывает у меня полное недоумение. Вы и ваше общество сближения (кроме, кажется, Вас[илия] Алек[сеевича]) уверены, что советская власть вступила на путь либеральной эволюции, — могу только порадоваться вашей уверенности. Алек[сандр]

Фед[орович] в своих тезисах, напротив, выражает уверенность в том, что Сталиным готовится социальная революция в Европе, — это, по-моему, тоже лишь одна из возможностей. Я недавно в одной американской газете написал, что я — единственный человек в Нью-Йорке, НЕ [так!] знающий, чего хочет Сталин. Все другие знают.

Вы скажете, что вы для этого и создали Общество изучения{266} и т. д. (смотреть первый параг[раф] устава). Но для этого едва ли был необходим визит. В одном Нью-Йорке есть десяток таких обществ, и они всегда были (и в Париже). Предсказываю вам, что это сведется к небольшому числу докладов, очень мало отличающихся от тех, которые читались в разных парижских залах в течение 20 лет, и к созданию крохотного архива. Разумеется, против этого не может быть никаких возражений, и я этому всей душой сочувствую. Какую помощь вы можете оказать желающим вернуться, мне не совсем понятно. Но слова в другом документе «и содействовать этим безболезненной ликвидации эмиграции» вызывают у меня тоже некоторое недоумение. Это почти то же самое, как если бы я, уехав от Гитлера в Америку, приглашал других остаться в Европе. Изменю свое отношение к этому в тот день, когда Абрам Самойлович, от доклада которого мы, в отличие от вас, не в восторге{267} (пусть он простит меня за откровенность), переедет в Москву. Он свое подлинное мужество проявил в Компьенском лагере, и этим я искренно и от души восхищался. Но его доклад я (и отнюдь не я один) читал с душевной болью — и как эс-эр, и как друг и почитатель Абрама Самойловича (которым я, разумеется, остаюсь, если только он теперь и меня не «скидывает со счетов»). Удивила меня в «протоколе» и его речь: она могла только ослабить впечатление от очень сильных слов В.А. Маклакова в его второй речи{268}.

Вы называете официозом нового общества газету «Русские Новости». У меня были первые два номера в течение получаса, и я мог только просмотреть их. Статью Вас[илия] Алексеевича и примечание к ней парижской редакции Вашего официоза перепечатало «Новое Русское Слово»{269}. Статья очень интересна, хотя и спорна или потому что спорна. Редакционное же примечание вызвало общее изумление у наших друзей здесь. Василий Алексеевич — ваш почетный председатель; тем не менее ваш официоз в весьма странной форме — разумеется, с комплиментами — поучает его уму-разуму. Не знаю, кто автор примечания. Мой друг Бунин в подобных случаях любит говорить: «На кого он лапу поднимает». Этот развычный [так!] выговор большому человеку и политическому либерализму 19-го века со

ссылкой на неназванный авторитет, кажется, Вышинского{270}, очень меня позабавил. Первой передовой я не читал, но от ряда читавших (в том числе и от одного «большевизана») слышал, что она вполне могла бы быть помещена в «Советском Патриоте». Вероятно, это было недоразумение, и Вы, Волков{271}, Михельсон{272} и другие руководители Общества и официоза «выпрямите линию».

Вас[илий] Алексеевич в своей первой речи сказал: «Мы хотим, чтобы… Вы непосредственно узнали от нас». Они достаточно непосредственно узнали бы о ваших мыслях и чувствах, если бы Вы напечатали об этом статью (как сделал покойный и незабвенный Павел Николаевич [Милюков] — имею в виду его напечатанную, кажется, на гектографе последнюю статью{273}, с которой я в очень многом не согласен). Так, помнится, кто-то сказал, Герцен напечатал об Александре II: «Ты победил, Галилеянин»{274}, - но он не пошел читать это в посольство (не касаюсь вопроса о некоторой разнице режимов). Василий Алексеевич в письме Коновалову объясняет, как было дело с «тостом». Понимаю психологическую трудность и далее безвыходность положения, но кто же виноват. Если бы Вы ограничились статьей, листовкой или речами в другом месте, то не подверглись бы этой неприятности. По совести, я не понимаю, зачем Вы, Вас[илий] Алекс[еевич] и Абрам Самойлович, пошли туда. Ни малейших практических последствий это не имело. Гора родила мышь. Вдобавок повторяю, ваше Общество могло создаться и без этого. Очень легко говорить: «Мы от наших идей не отказались». Если судить по «официозу», то Вы именно отказываетесь от самых основных наших (т. е. и Ваших) идей. Еще раз скажу: надеюсь, передовая и примечание к статье Маклакова — недоразумение. Но и самый факт визита… Много лет тому назад, задолго до войны, в пору высших внутренних успехов Муссолини (конкордат с Ватиканом, осушение Понтийских болот и т. п.) знаменитый итальянский социалист объявил, что от идей свободы и прав человека не отказывается, но рекомендует «примирение с дуче и общую работу на пользу родины»{275}. Вы помните эту нашумевшую историю и ее результаты. Очевидно, это лишь иллюстрация, привожу ее, зная сходства и отличия.

12 июня

Вчера оборвал это длиннейшее письмо, так как утомлен и слишком взволнован. Сегодня видел Алек[сандра] Федоровича. Он распечатал и прочел мне два письма, присланные ему Василием Алексеевичем.

Вы говорите, что Вы отказались от борьбы с советской властью. Вам отлично известно, что никакой борьбы с советской

властью не ведет уже пятнадцать лет в эмиграции никто. В пору войны мы все к тому же пером и деньгами (чем же мы могли помогать еще) помогали русскому народу в его геройском сопротивлении врагу: жертвовали, что могли, посылали (по независящим от нас обстоятельствам, анонимно) продовольствие, одежду, обувь писателям и ученым в Москву. Во всем этом мы от Вас ничем не отличаемся. Но от права свободной критики, обсуждения и осуждения мы отказаться не можем, так как говорим и за тех, кто лишен возможности говорить. Я понимал, что значит «оппозиция его величества». Но что такое «эмиграция его величества», я не понимаю. Вы скажете, что и Вы от упомянутого выше права не отказывались. Да, во второй речи Василия Алексеевича это сказалось с большой силой. В докладе Абрама Самойловича это еле слышится. А в том примечании, которым редакция «Р[усских] Нов[остей]» снабдила Маклаковскую статью (и, по-видимому, в их передовой — о ней я говорю лишь понаслышке) это не слышится совершенно. Напротив, в них слышится прямо противоположное. Очень умеренная статья В[асилия] А[лексееви]ча была написана с точки зрения первого из тех двух «равноправных принципов», о которых он говорил и сообщает нам. Но редакция ему отвечает с точки зрения второго. Официоз Общества, отвечая его почетному председателю, небрежно отбрасывает первый принцип: иди, мол, старик, на покой с твоими допотопными взглядами{276}. Не знаю, остается ли после этого В.А. почетным председателем и сотрудником газеты. Очевидно, остается. Могу только этому удивляться. Думаю, что В.А. скорее по пути с нами, чем с авторами примечания к его статье.

В.А. задолго до визита сообщил нам, что в парижской эмиграции существует три течения: «непримиримые» (Мельгунов, Церетели), выжидающие и третьи типа Одинца (кажется, имена были названы не им). Сам В.А., по-видимому, относил себя ко вторым. Естественно, я подумал, к какому течению я должен был бы причислить себя. Не могу причислить себя к «непримиримым», потому что не понимаю, что это значит. Если маршал освободит миллионы заключенных в лагерях и хоть немного освободит народ от нынешнего гнета, существование которого признает В.А., то мы, и не являясь в посольство, будем всячески это приветствовать (его большие заслуги в деле обороны России совершенно бесспорны). Кто же мы: «непримиримые» или «выжидающие». Думаю, что фактически мы все, не исключая Сергея Петровича [Мельгунова], «выжидающие». «Непримиримость» — это часто тога, а у меня охоты щеголять тогой, как Вишняк, нет. Однако пока ни о каком освобождении

России речи нет. В.А. пишет, что его не поддержали, как не поддержали Керенского в октябре 1917 года. Пусть он меня простит, тут ни малейшей аналогии не вижу. Отчего же мы должны были «поддерживать» его в действии, которое мы признаем ошибочным и которое, думаю, со временем признаете ошибочным из десяти участников визита именно вы трое. В тоне писем Василия Алексеевича и сейчас большой уверенности не чувствуется. Может быть, я в этом и ошибаюсь.

И еще последнее. В.А. нас спрашивает: «А что же вы предлагаете?» Однако же мы и в последние двенадцать лет ничего реального не предлагали, и это было естественно, так как от нас, ото всей эмиграции, решительно ничего не зависело. Формула «когда падут большевики» была довольно утопической и в 1930, и в 1925 году, — отчего им было пасть, если с ними никто борьбы уже не вел. Мы изо дня в день повторяли, что дважды два четыре, что свобода лучше рабства, что она нужна русскому народу, как всем народам. Мы (к счастью) ошиблись в одном: мы недооценили военную мощь СССР. Ошибка очень важная, но ее допустили с нами крупнейшие военные авторитеты всего мира. Однако это другой вопрос. О наших ошибочных и о наших верных взглядах можно было бы написать не письмо, а книгу. Здесь же я только хочу сказать, что каковы бы ни были наши взгляды, они уже лет двадцать никакой «практической платформы» для эмиграции не представляли: от нас не зависело ничего. Никакой практической платформы, кроме устройства лекций и крошечного архива, не дает и ваше Общество сближения и изучения. А кто захочет вернуться, тот вернется и без вас или получит отказ и с вами. Мы этого не «запрещали» и прежде, по крайней мере так называемым обывателям. Или «вождей» Пешехонов призвал вернуться — и вернулся — без нынешней торжественности{277}. А Мякотин{278}, если бы был жив, 12 февраля без малейшего сомнения остался бы дома.

Машинопись. Копия.

HIA.2-12.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову{279}, 22 июня 1945

22 Июня [1945{280}]

Дорогой Марк Александрович!

Получил от Вас посылку и искренне благодарю. Но пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз сказать, это я дважды Вам написал закрытым письмом, что для того, чтобы я мог Вам помочь с визой, необходимо, чтобы Вы сами через местного консула возбудили об этом ходатайство. Иначе мне откажут по формальным причинам.

Ваш В. Маклаков

Автограф.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Paris, 8 Dec. 1944 — 27 Aug.

1945. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

В.А. Маклаков — Б.И. Элькину[281], 2 июня 1945

Париж, 2 Июля 1945 г.

<…>

Очень возможно, что из наших действий ничего не выйдет. Причина этого общая. Люди больше умеют воевать, чем мириться. Примирение каждая сторона понимает, как капитуляцию противника. Наша русская история с 1902 г. полна примеров этого; она теперь повторяется. «Советы» согласны мириться, если мы станем «советскими» патриотами и не будем видеть их недостатков, или по крайней мере не посмеем об них говорить. А те в «Америке» согласны мириться, если Советы капитулируют без всяких условий, пойдут на Учредиловку. Мне не простили из одного лагеря, что я в доме повешенного заговорил о веревке, о необходимости права, о свободе; а из другого, что я признал желательной не революцию, а эволюцию в рамках советского строя. Отрадно видеть, что Ваши молодые советские собеседники — при этом партийцы, были умнее[282]. Они понимали необходимость реформ; не реставрации, не революции, но необходимость реформ, хотя бы на базе Сталинской конституции. Моя ставка в России на людей этого типа, но их мало; и эта ставка «теория», а не практика.

Но наше дело кончится вничью не только потому, что стороны не понимают, что такое примирение, но еще и потому, что мы по-прежнему лишены возможности излагать и защищать наши мнения. Ступницкий испугался последствий моей статьи и только из приличия меня в своей газете не ругает. Если бы это был только страх, то не беда; он имеет право бояться за газету. Я боюсь худшего, чем страха: невольного подлаживания под вкусы того, на кого он ставку ставит. Тогда у его газеты не будет отличия от «Патриота»; этого отличия и не видят. А тогда патриоты их съедят.

Во всяком случае, они смотрят на газету, как на свой личный орган, и я не знаю, куда они клонят. Они от меня отдаляются, как от «опального». Но где их опора здесь, я не вижу.

Судьба газеты показывает, насколько Алданов вне французской реальности, когда находит, что вместо визита было достаточно «статьи». Статья была и остается невозможной. Этого оружия во Франции не было. Я не говорю, что мы пошли потому, что не смогли статьи поместить; но говорить о статьях, и печати и т. д. — значит говорить не о Франции и говорить с нами на другом языке.

Но все эти вопросы мелочь сравнительно с той игрой, которая разыгрывается перед нами, и неизвестно чем кончится. Жду с интересом выборов в Англии. Но ведь и этого недостаточно. А то, что, как будет делаться, очень тревожно. Неужели требуется еще одна иллюстрация того, как «победу проигрывают».

Я бы хотел послать Вам мою последнюю книгу — «О 1-ой Государственной Думе»[283], - но не знаю, как это можно с теперешними порядками, когда не доходят даже газеты. Ассоциация мыслей не случайна; «проигрыш победы» — цитата из этой книги.

Спасибо за статью Полякова[284].

Ваш Маклаков

Машинопись. Подлинник.

Bodleian. MS. Russian d. 4. Elkin. Л.32–33.

А.Ф. Керенский — В.А. Маклакову, 9 июля 1945

109 East 91 Street

En russe

New York City, N.Y.

9-го июля[19]45 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

по причинам, от меня не зависящим, а вытекающим из особых обстоятельств сейчас моей жизни около тяжко больного человека[285], я так поздно отвечаю Вам. (Кстати, в свое время я послал Вам письмо вместе с «тезисами». Это письмо из вализы было кем-то ВЫНУТО, поэтому только Вы его и не получили. В нем Вы нашли бы подробное распределение мнений и увидели бы, что тогда взаимного понимания у некоторых из нас, во всяком случае, было ДОСТАТОЧО, как писал на днях Вам и Ал[ександр] Ив[ано]вич). Кон[овалов] написал Вам, что от меня Вы получите пространное письмо, изъясняющее «нашу общую точку зрения». Это письмо таковым НЕ будет, не потому что у нас здесь нет даже минимума общности воззрений и оценок (об этом я только что написал Теру), а потому что перед отъездом в дальний путь[286] мне хочется написать лично от себя лично Вам (что не значит, конечно, сокрытие этого письма от наших ОБЩИХ друзей)… Несмотря на частые наши, как Вы пишете через д-р М., разномыслия, у нас было, как я думаю, нечто общее и весьма существенное не только для нас: мы всегда выносили за всякие партийные и групповые скобки Госуд[арство] Российское и аршином его интересов мерили все вокруг себя — партии и группы, учреждения и людей (почему иногда и сходились в оценках и наше «единомыслие» удивляло, а подчас даже возмущало привычно-шорных людей). Поэтому мне странно и непонятно, как Вы можете находить во мне «ЭМОЦИЮ

непримиримости» и исток Вашей собственной тактики находить все же а «эмоции», рожденной жизнью под немцами!.. Эмоции присущи всем людям, но хирург НЕ делает эмоциональных операций, инженер не строит эм[оцио]нальных машин, стратег не ведет эм[оцио]нальных кампаний, политик не создает эм[оцио]-нальных программ и тактик. Он человеч[еские] эмоции направляет в русло нужного в данное время политического действия.

А Вы, милый Василий Алексеевич, урожденный ПОЛИТИК. И то, что ВЫ кратчайше написали мне, как Вашу ПОДЛИННУЮ точку зрения на современность, свидетельствует именно о том, что Вы не эмоц[иональ]ный обыватель, а политик в самом точном смысле этого слова. С Вашей точкой зрения можно соглашаться (я согласен был раньше, чем прочел, т. к. я тут говорил почти то же самое) или с ней бороться. Но выводить ее из случайных эмоций случайного местожительства нельзя и недопустимо, ибо это сводит весьма важную политическую тему спора (хотя бы с непримиримыми) на уровень житейских, человеческих, слишком человеч[еских] пререканий — кто как чувствовал, кто больше или меньше любил (Россию), кто больше выстрадал или совсем не страдал. И уже совсем нельзя разницу «эмоций» (как причину «разных дорог») сводить к географии — вы, мол, за тридевять земель живете! Ну, а как же быть с «непримиримыми» и «невизитерами» (хотя и не-непримиримыми) в САМОМ ПАРИЖЕ?!

Логика подсовывания политич[еских] действий под эмоц[иональные] жесты неизбежно приводит к необходимости измышлять «духовных американцев» в Париже и «духовных парижан» в Н[ью-] Йорке, т. е. приводит к политич[ескому] абсурду.

Посему совместно постановим: эмоцию и географию впредь из «наших разногласий» изъять и рассуждать политически. Из всего дальнейшего я исключаю, как предмет обсуждения, один, решающий иногда судьбу человека, повод к действию: непреодолимую потребность кончить жизнь у «могил предков» — см. Мит[рополита] Евлогия в № 1 «Рус[ских] Нов[остей]»[287]. Человек, ощутивший соверш[енную] повелительность этой потребности должен устраниться от всякой общ[ественно]-политич[еской] деятельности и добиваться своей цели в полном одиночестве. Как бы жгуча не была у Вас / у нас *жажда* увидеть еще раз телесными очами Россию, Вы / мы поставили вопрос не о «милости» к припадающим к стопам, а о «примирении», т. е. о внутренних — пусть весьма скромных — переменах, *(«реформах»),* которые сделают правомерное и нравственно оправданное ныне существование свободолюбивой эмиграции — бесцельным и

ненужным.

Милый Василий Алексеевич, я считаю, рассуждая политически, это Ваше — именно ПОСЛЕ великолепной победы России под водительством тотал[итарной] власти — УТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВА на существование политич[еской] эмиграции, защищающей свободу личности и закону подчиненность гос[ударственной] власти, считаю государственным АКТОМ огромного значения. Непристойная выходка «милюковской» газеты только подтвердила смысл и значение Вашего выступления, сразу разгаданного «наверху»{288}.

Ваша статья, в которой я вижу комментарий ко всем вашим «визитам», — раскрывает все положительные и отрицательные стороны Вашей (и Вашей группы) тактики полнее, чем речи на свидании и Абр[ама] Сам[ойлови]ча [Альперина{289}]. В статье нет косноязычия политического. Зато есть другое, о чем дальше. А сейчас о всем положительном и, по-моему, весьма нужном и ценном, что сводится к одной главной мысли: нужно поставить (и Вы ее наметили) новую ВЕХУ на особом русском пути к целокупной политич[еской] и соц[иальной] свободе.

Мне легко, кажется, раскрыть настоящий смысл Вашего тактического] пути, т. к. я сам им иду; знаю, что на нем я здесь не один, но не говорю — «мы идем» — сознательно: личная форма никого не обязывает и не связывает. Итак…

Вы вместе с некоторыми нашими общими друзьями признали или, скорее, установили, как ОЧЕВИДНОСТЬ, что победой открылась НОВАЯ ЭПОХА истории России; что страна — народ и власть — стала другой; что в новом, органическом сотрудничестве — «перемирии» — побеждающая армия, безвластный народ и всевластная диктатура уже осуществили и ЕЩЕ совместно осуществляют завещанную историей программу установления ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ рубежей России и восстановления ее мирового положения; что процесс перерождения соц[иальных] тканей России есть процесс НЕОБРАТИМЫЙ вспять к строю, существовавшему — у нас до первой войны, а на Западе — до второй, но что гос[ударственно]-политический строй СОВЕРШЕННОЙ (тот[альной]) НЕ-СВОБОДЫ, продолжающий существовать в СССР., в корне НЕ соответствует ни достоинству, потребностям и чаяниям народа-победителя, ни мировой роли России, ни даже формальным обещаниям власти.

Выход из всех этих очевидностей вытекает только один, который ВЫ сделали и провозгласили: единственная задача, которая ПОСЛЕ победы, достигнутой в органическом сотрудничестве власти и народа, стоит перед властью и народом есть восстановление — гражд[анской] и политич[еской] —

свободы.

Как достичь раскрепощения? — в том же сотрудничестве власти с народом, в каком была достигнута победа. Способна ли «советская» или тоталит[арная] диктатура на ТАКОЕ сотрудничество, т. е. на эволюцию к свободе и в свободе?

В ответе Вашем на этот вопрос — ключ к Вашему полит[ическому] поведению после победы. Ваш ответ: мы хотим, чтобы диктатура, побратавшаяся кровью с народом в подвиге защиты и победы и тем ставшая ГОС[УДАРСТВЕННОЙ] НАЦИОНАЛЬНОЙ властью, — хотела пути эволюции и шла по нему, ибо мы ни за что НЕ хотим, чтобы народ ЗАХОТЕЛ революции (по соображениям нам всем общим и которых не стоит здесь повторять). Совершенно не существенно для практич[еской] политики, осуществимо ли объективно Ваше хотение и не-хотение. Весьма существенен бесспорный факт, что в данной историч[еской] и психол[огической] обстановке в России для свободолюбивой и в то же время безоговорочно патриотической эмиграции исполнения ее НЕОТМЕНИМОГО долга — защиты прав человека, личных и политических — должно быть ограничено рамками творческой критики и предостерегающих настояний, обращенных к власти. Так уж случилось, что в новую эпоху русской истории надо начинать со старых политических азов, вроде «тверского адреса»![290] И Вы это сделали, УСТУПИВ ВСЕ, КРОМЕ ПРАВА НЕОТЪЕМЛЕМОГО человека НА СВОБОДУ, ОГРАЖДЕННУЮ ЗАКОНОМ.

Я знаю, что Ваша тактика продиктована НЕ «наивной» верой (как некоторые думают и здесь, и в Париже), а отчетливым знанием (или, скорее, ощущением) современной обстановки и стремлением предотвратить новую скорбь и кровь в России. И чем Ваша «наивная» тактика будет практически бесплоднее, чем презрительнее в головокружении от физ[ической] мощи и внеш[него] могущества отнесется к Вашим «бессмысленным мечтаниям»[291] о внутреннем ПРИМИРЕНИИ власть, тем значительнее будет становиться Ваше «лояльное» обращение, ибо для будущего России, для событий, которые при упорстве власти рано или поздно там — вопреки нашей до конца честной воли к вн. миру — разыграются, будет важно УКАЗАТЬ НА ВЕХУ, от которой победившая великолепно и восставшая в могуществе страна могла завершить свой подвиг в братском примирении и содружестве и не завершила его НЕ по вине народа, а потому, что власть оказалась не способной к мудрому и дальнозоркому самоограничению…

Из всего предыдущего Вы, дорогой Василий Алексеевич, видите, что «взаимным непониманием» я не страдаю: я Вас

понимаю! Хотел бы, чтобы и Вы поняли, как далек я от «непримиримости», свойства, которого у меня вообще никогда не было, что явствует из всей моей политич[еской] жизни. Но кроме непримиримости есть еще ТВЕРДОСТЬ в защите СУЩЕСТВА того, что считаешь целью своей пол[итической] работы. Моя цель была: преображение России в страну народоправства (в любых го[сударственных] формах), что в России не могло случиться без глубокого, коренного социального перерождения. Посему «новый соц[иальный] строй» в России, с которым Вы только теперь примирились, был зачат (национ[ализация] земли) февральской свободой, за что эту новорож[денную] свободу и возненавидели будущие носители «белой мечты». Не только большевики слева, как писал Черчилль{292}, но и большевики СПРАВА, — «вырвали из рук русского народа победу». Кто же, рискуя собой, изменял национальному долгу и долгу защиты вечной России?! — Временное Правительство и с ним Вы, его посол. Как же сейчас Вы пишете, что методы тот[алитарной] диктатуры оказались целесообразнее для защиты и победы, чем «свобода» Вр[еменного] Прав[ительства]?! Ведь свободная Россия была рождена в бурю войны, в развале распутиновщины, и считала свою жизнь еще месяцами и все-таки НЕ пустила немцев ни на шаг дальше линии осени 15-го года, приковала к русскому фронту больше Герман[ских] войск, чем раньше, и сделала невозможной победу Германии. А тот[алитарная] диктатура прежде, чем победить, увидела германца у Москвы и Питера на 25-ом году своей жизни, 10 с лишком лет террором, голодом и холодом строя чудовищную военную машину?!.. Милый Василий Алексеевич, я пишу Вам об этом не в порядке «обиды». А как пример отрицательного, что умоляет силу Ваших доводов не потому что в дан ном случае они направлены против демократ[ического] правительства (которое, впрочем, Вы никогда не признавали «настоящим правительствам»), а потому что в Ваших речах и статье есть иногда положения и доводы, которые ослабляют Ваши собственные блестящие доводы в защиту права, правды и свободы. Приведу еще пример. Вы убеждаете Кремль начать (по-вашему — продолжать) спуск на тормозах. А тут же приводите Токвиля: плохие правительства исчезают, когда начинают исправляться{293}. Это в перевернутом виде Ваша же мысль о большевиках — помните? Вы мне говорили, когда я допускал возможность «эволюции»; нет, говорили Вы, большевики на опыте Н[иколая] II поняли, что самовластие никогда не должно уступать. Какой же вывод сделают из Вашего Токвиля в Кремле? И какой вывод сделает патриотич[ески] взвинченный «советский» человек из Вашего утверждения, что диктатура, как

система, лучше для обороны страны, чем демократия?! А ведь выводы этого «советского» человека для всех нас самое важное. И еще. Вы сводите Ваши старые счеты с «четырехвосткой», противопоставляя ей советскую систему. Но ведь ЕДИНСТВЕННОЕ новшество Сталин[ской] конституции (36 г.) и заключается в том, что он уничтожил советскую, т. е. куриально-классовую систему выборов и ввел эту самую «четырехвостку». Ведь в Вашей аргументации доказательство (на основании самой констит[уции] 36 г.), что в России уже нет советской системы; что формально там уже существует общенародная внеклассовая система местного самоуправления и народного представительства; что нужно только отменить монополию партии на кандидатские списки для того, чтобы произошло МИРНОЕ преобразование страны — такое доказательство прозвучало бы у Вас сильно и убедительно…

Вот я и думаю, что между «непримиримостью» и примиримостью должна стоять ТВЕРДОСТЬ не только в защите прав личности, но и в аргументации этой защиты. «Мы думаем, — пишет мне один ближайший к Вам человек, — что если коммунисты сумели и восстановить, и защитить государство, то сделали они это за счет порабощения населения, которое, м. б., и не понимает, КАК оно порабощено». При этих внутренних мыслях, не слишком ли много ВНЕШНИХ уступок сделали наши единомышленники в Париже?! Только это сомнение нас и тревожит иногда. Но у меня есть какое-то чувство, что наш Париж уже решил «ДАЛЬШЕ НИ ШАГУ»!

Машинопись. Подлинник.

HIA. Maklakov. 8-17.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 11 июля 1945

Париж, 11 Июля 1945 г.

Дорогой Марк Александрович,

Я пользовался каждым случаем, чтобы довести до Вашего сведения, что для того, чтобы я мог хлопотать о Вашей визе, необходимо, чтобы Вы сами через местного французского консула ее попросили. Только когда эта Ваша просьба сюда дойдет, я могу ее поддерживать. Потому надо было и меня тотчас об этом уведомить. Теперь я уезжаю на отдых; больше не могу. Если Вы все-таки хотите ехать сюда — сейчас перспектива не солнечная — известите меня по адресу бюро.

Я принял все меры, чтобы это было сделано и без меня.

Ваше письмо я по прочтении немедленно передал адресату, Титову; но я как его ни просил вернуть его мне на время для ответа Вам, он это сделал только сейчас, за 3 дня до отъезда. Буду отвечать Вам суммарно. Впрочем, все теперь как будто

разъяснилось и для Вас, да и для нас.

И сейчас я отвечу по нескольким пунктам.

Хочу, во-первых, рассеять недоразумение, которое и здесь существует, о тесной связи «Объединения» с «газетой». Говорят даже, что она наш «оффициаль». Здесь столько же недоразумений, сколько не оправдавшихся надежд.

О газете говорили давно; не знаю юридического положения «Последних Новостей», но можно было ожидать, что после освобождения эта газета воскреснет. И этого с первого дня ожидали. Так как это зависело от Министерства Иностранных Дел, куда Ступницкий очень вхож, то все эти разговоры и слухи шли через него и от него. Когда эти слухи начинали переходить в реальность, Ступницкий предлагал мне быть редактором; потом — быть членом редакционного комитета. Я от всего отказался, считая это не своим делом. Согласился быть только в числе сотрудников и даже написать статью руководящую в первом же номере. Этим ограничивалось мое личное отношение к газете. Так как политически я был связан с «Объединением», которое даже называлось в общежитии Маклаковской группой, то было естественно предположить, что по направлению газета будет поневоле совпадать с «Объединением». Но в самом «Объединении» с каждым днем становилась резче рознь между флангами. С моим формальным уходом из «Объединения» именно серединная линия в нем терпела ущерб. Ведь основа нашей идеи было приятие советского строя без отказа от наш [пропуск в тексте], т. е. компромисс между крайностями. Я был всю жизнь сторонником компромиссов и соглашения; это была моя политическая линия. Другие же смотрели на уступки скорее как на некоторое свое умаление, и понимали примирение скорее как капитуляцию противника. Ступницкий с 42 г. был на том фланге, который ставил на первое место соглашение с советами, а не сохранение прежних признаков как на второстепенное [так!]. Став редактором, лично, не по поручению Объединения, он придал газете этот же партийный характер. Он демонстративно подчеркивал, что газета не орган Объединения, а дело его, как наследство «Последних Новостей». Здесь произошло первое охлаждение и разочарование. «Объединение» считало, что Ступницкий его обманывает, что было, конечно, неверно. Но Ступницкий не умел понять, что Объединение не его только фланг, что оба течения равно законны и необходимы, с легкостью выкидывал за борт всех несогласных с ним. Он только свой фланг считал законным представителем Объединения, а противоположный скидывал со счета. Это — результат темперамента и некоторой поверхностности. Скоро

обнаружилось, что газета не может быть органом Объединения. Все это резко сказалось на моей статье в № 2. Она оказалась реактивом. Конечно, она если не по тону, то по содержанию вполне соответствовала линии Объединения. Но чтобы себя проверить, я предварительно ее показал нашим крайним флангам, Тер-Погосьяну, с одной стороны, и Ступницкому и Кедрову{294}, с другой. Оба одобрили, хотя боялись реакции советов. Я предвидел возможность их неудовольствия и предложил Ступницкому обойтись без моей статьи. Он не хотел от нее отказываться, и пошел на компромисс — «оговорку». Я согласился. Их делали часто «Современные Записки». Но вместо короткой оговорки Ступницкий написал целую критику, притом неудачную. Я нисколько не обиделся, и понимаю, что он был вынужден. Но когда, несмотря на это, советы отнеслись к моей статье как к объявлению войны им, Ступницкий здесь сдал.

Я не знаю, что там ему говорили и как он оправдывался; он не говорил, и я поэтому не спрашивал. Но другим он жаловался на меня, что я газету подвел и стал ее спасать. В Объединении поднялся вопрос — отречься от газеты. Но такое отречение было бы претенциозно, т. к. никто нигде никогда не говорил печатно, что газета орган Объединения. Мне жалко Ступницкого, который взялся нести тяжесть ему не по силам; и в большем винить его не могу. Но, конечно, превратив газету в подражание «Патриоту», он лишил Объединение «голоса». Если о нем и не будут судить по «газете», то физиономии его все-таки нет; оно теперь без голоса. И оттуда взаимное неудовольствие и потеря Объединением связи с советами. Тут Вы оказались пророком: гора родила мышь. Но ведь горы-то и не было; она Вам только издали показалась горой; мы смотрели скромнее.

Теперь хочу Вам сказать два слова о другом. Если мысль о том, что Россия круто повернула на новый путь, есть иллюзия, то все же в России, как всюду, идет полным ходом процесс сочетания старого с новым, интересов всего государства с интересами отдельного человека на иных, но разумных началах. Если бы я имел время и был редактором, вместо Ступницкого, я бы именно это анализировал и описывал, и хвалил бы советов [так!] за это так, что от моих похвал бы не поздоровилось. В России воскресает личность и заставляет государство себе уступать. И это во всех областях.

Возьмите интимную область личной жизни — любовь, семью и т. д. После недолгих лет нравов конского завода, или уничтожения личной жизни для государственной пользы, воскресает старая семья, с ее грехами и со здоровой основой. То же в области религии: безбожие провалилось, личность победила.

В хозяйственной жизни, как живут мужики в колхозах — не знаю. Но зато вижу, что внизу, не только в местных советах, но во всех предприятиях (промышленных) идет здоровое сочетание «ответственного» распорядителя с «общественностью», которая может и критиковать, и порицать, и требовать ответа. Все это начинается снизу, и если еще не дошло доверху, то дойдет. И по мере того, как эти нравы будут укрепляться внизу, будет меняться и верх. В борьбе всякого верха с низом, верх может победить только тогда, когда он поставит низы в соответственные условия, будет держать их в темноте, в полном подчинении начальству, словом в атмосфере верха [так!]. Я думаю, что это они понимают. И недаром, как говорят, их старания направлены сейчас на массы, что свобода внизу при самодержавии наверху достижима. Отсюда новый своеобразный культ Иоанна Грозного{295}. Но это, конечно, паллиатив ненадолго. Изменить политику внизу она уже не может. И поэтому советская власть подпиливает сук, на котором сидит. Но это совершится не переворотом, не революцией, а постепенным изменением существующего. Теперешний процесс в России напоминает Самодержавие после 60 гг. Оно тоже не хотело сдаваться, держалось за свои прерогативы, за полноту своей власти, но тем, что освободило крестьян, дало земство и суд, себя постепенно подтачивало, и привело к 1905 г. То же будет с советской властью; но новый порядок выйдет из них, с ними, а не из «Учредиловки». То был предмет давнишней моей ненависти, ибо в ней нет ничего, кроме фраз, фикции и обмана, не в обиду будь сказано Вишняку. Когда сейчас французское правительство без всякой надобности уступило в этом вопросе, мне все же обидно; для меня Ф[ранция] провалилась. Учредительное Собрание мыслимо только, как орудие сильной власти, а не источник ее. Считать «плебисцит» выражением воли народа теперь, после опыта XX в. непростительная наивность{296}.

Если это реакция — я в ней повинен. Я предполагаю, что в основе власти лежит занятие практической работой, советов или хозяйственных ячеек, а не «партий» и их комитетов. И поэтому из «советов» может возродиться здоровая государственность, а не Учредиловка — только уродливая. Учредиловка может быть только орудием сильной власти, а не источником ее.

Машинопись. Копия.

HIA. 2-12.

М.А. Алданов — Б.И. Элькину{297}, 15 июля 1945

15 июля 1945

Дорогой Борис Исаакович.

<…>

Я получил длинное письмо от Василия Алексеевича о

«визите», но оно скрестилось с моим, и на мои доводы он, таким образом, не отвечает. Не могу сказать, чтобы его письмо меня убедило. Да, сам В[асилий] Ал[ексеевич] не капитулировал, но его «группа» (о которой, скажу Вам по секрету, он пишет довольно пренебрежительно) бесспорно капитулировала. Что сказать, например, о докладе Альперина?! А их «официоз», по-видимому, ничем не отличается от «Сов[етского] Патриота» — по крайней мере в передовых. Первая передовая и ответ Маклакову были именно «Чего изволите». Вас. Алексеевич пишет и Коновалову и мне, что его первая статья в этой газете была, вероятно, и последней. По письмам П.А. Берлина{298} видно, что некоторые визитеры (как Тер-Погосян) бьют отбой (у них Катценяммер{299}, - пишет Берлин). Я продолжаю считать визит большой ошибкой, хотя, как Вы знаете, не причисляю себя к «непримиримым», не понимая, что это значит. Статьи Вишняка и Федотова, особенно в «За Свободу»{300} чрезвычайно меня раздражают. «Нов[ый] Журнал» этих статей не поместил бы при всей своей «коалиционности». Я писал Титову, что если бы Сталин дал амнистию, то мы приветствовали бы это (а не его), и добавил: не являясь с визитом в посольство. Так же мы приветствовали и победы русской армии. Думаю, следовательно, что Вы тут находите у меня противоречие напрасно. Мои письма и к Вам, и в Париж были построены на том, что ошибкой были визит и тост. Если бы они то же самое сказали в газете или в брошюре, как покойный Павел Николаевич [Милюков], то это развала политической эмиграции за собой не повлекло бы. Абрам Самойлович [Альперин] с довольно странной, чтобы не выразиться сильнее, шутливостью, сообщает нам (для «петит истуар»{301}), что икра, рябиновка и портвейн были превосходные. Я очень этому рад, но боюсь, что хуже едят и пьют миллионы ни в чем не повинных людей, сидящих в ужасных лагерях по воле человека, за которого пили портвейн и рябиновку на рю Гренелль («молчаливо», — сообщает Вас[илий] Алексеевич, — но он ничего не слышит: может быть, кое-кто и не совсем молчаливо). Я писал, что «эмиграция его величества» есть нечто совершенно бессмысленное, и остаюсь при этом мнении. Нельзя призывать к возвращению — и сидеть в «Биотерапии». Нельзя говорить «мы ни от чего не отказались» и издавать лакейскую газету — или называть ее «нашим официозом». Думаю, что М а к л а к о в — не знаю насчет других — относится к первой передовой газеты и к ответу редакции на его статью точно так же как я (а относительно Вас я и не сомневался в этом). Вас. Алексеевич пишет, что предложения вернуться не принял, так как капитан корабля покидает его последним. Как он, при своем редком уме, не

почувствовал маленькой доли комического элемента в этих словах: при крушении капитан сходит в лодку с корабля последним потому, что оставаться на корабле очень опасно, а быть на лодке менее опасно. Здесь же дело обстоит как раз обратно: оставаться в Париже совершенно безопасно, тогда как вернуться значит идти на авантюру (напомню хотя бы о Святополке-Мирском{302}). Все же остальные, от Титова до Ступницкого, ни о каком возвращении никогда и не думали, — они рекомендуют это другим. А если вернувшихся постигнут там позже какие-либо неприятности, ну, что ж делать, очень жаль.

Прошу Вас ничего из сказанного в этом моем письме в Париж не сообщать.

Машинопись. Подлинник.

Bodleian. MS. Russian d. 7. Elkin. Л. 31–31 об.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 20 июля 1945
Written in Russian
109 West 84 Str., New York 24
En russe
20 июля 1945 Дорогой Василий Алексеевич.

Большое Вам спасибо за Ваше письмо от 25 мая. Оно чрезвычайно интересно, я прочел его Коновалову, Керенскому, Карповичу, — это ближайшие единомышленники (хотя я все-таки во многом не согласен с Александром Федоровичем). Вероятно, Вы тем временем получили мое письмо к Титову, копию которого я послал Вам через Элькина. Наши письма таким образом скрестились. Мне кажется, что, поскольку дело идет лично о Вас, то Ваша позиция не так уж далеко отстоит от нашей, — точнее, от того, что у нас здесь можно вынести за общие скобки. Говорю это, прочитав *Ваши письма и* Вашу статью в «Русских Новостях». Не могу, к сожалению, сказать того же о Вашей «группе», — хотя последние письма Тер-Погосяна отнюдь не похожи на первые и на то, что было сказано в докладе Альперина.

Карпович, главный политический редактор «Нового Журнала», просил меня передать Вам, что редакция будет чрезвычайно рада Вашему участию в «Н[овом] Журнале». В моем письме к Титову была просьба к Вам ответить на анкету, начатую журналом{303}. Ответите ли Вы? Если Вы предпочитаете ответить целой статьей, сделайте одолжение. Вероятно, редакция сделает оговорку об ее расхождениях с Вами, но Вы можете быть уверены, что оговорка эта и по существу, и по тону будет отличаться от той, которой от Вас отмежевалась редакция «Русских Новостей». 10-ая книга Вам послана, как раньше были посланы книги 4, 5, 6, 7, 8, 9. Первые три книги журнала распроданы. В 11-ой книге отвечает на анкету и Коновалов. Теперь Ваши воспоминания о Второй Думе. Карпович (и Цетлин) пишут, что они будут весьма рады и им, но не могут гарантировать помещение всей Вашей книги целиком: для этого прежде всего не хватит никак места. Кроме того «Новый Журнал», несмотря на «моральный успех» и на то, что продается до тысячи экземпляров каждой книги, предприятие все-таки непрочное, и редакторы никогда не знают, на сколько времени обеспечено существование журнала. Но они очень хотели бы помещать избранные главы, как это часто бывало и в России, в дореволюционные времена. Все уверены, что, вопреки Вашему предположению, и избранные главы вызовут большой интерес у всех читателей. Если бы Вы на это согласились, то, пожалуйста, либо выберите эти главы сами, либо пришлите всю рукопись Мих. Мих. Карповичу, а он произведет выбор. Журнал платит, но, *по бедности своей,* очень немного.

Переводить деньги по курсу 50 франков за доллар не имеет никакого смысла, — быть может, лучше употребить гонорар на продовольственные посылки Вам? Во всяком случае сохраните у себя копию рукописи, ибо не все доходит. Если мы получим Вашу рукопись не позднее конца августа, то она могла бы попасть в 11-ую книгу. Посылать надо Карповичу: *Prof. M.M. Karpovich, 61 Brattle Street, Cambridge, Mass., U.S.A.*

Мы чрезвычайно Вам благодарны за готовность помочь в деле визы. Конечно, не имело смысла Вам ездить в Министерство до прихода в Париж нашего досье. Оно ушло *в Париж* из французского консульства в Нью-Йорке недели две-три тому назад за № 1688. Даты отправки консульство мне не сообщило, отправили, конечно, обыкновенной почтой (а может быть, впрочем, и вализой). Дело идет о визе для меня и жены. Извините, что утруждаю Вас. Но думаю, что, кроме нас, Вас никто этим делом беспокоить не будет: едва ли кто-либо из бывших парижан уедет во Францию, — по крайней мере в этом году. Мне было бы достаточно и разрешения въезда на шесть месяцев, — в крайнем случае даже на три.

Александр Федорович, вероятно, в августе уедет в Австралию, куда должен свезти больную жену (к ее родителям). Дальнейшие его планы совершенно неопределенны: они зависят от состояния ее здоровья.

На всякий случай сообщаю, что если бы ВЫ [так!] хотели поместить в «Новом Журнале» воспоминания Ваши с оговоркой о том, что Вы с журналом во многом (или в том-то и том-то) расходитесь, то редакция [зачеркнуто «думаю»] на это согласится. Сама она Ваши воспоминания поместила бы без всякой оговорки.

Еще раз от души Вас благодарю за готовность помочь в визе и шлю самый сердечный привет.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

НІА. 2-12.

В.А. Маклаков — А.Ф. Керенскому, 23 августа 1945

ПАРИЖ, 23 Августа 1945 г.

Милый Александр Федорович.

Я только что вернулся в Париж и могу Вам написать хоть несколько строк на машинке; тороплюсь, чтобы это письмо Вас застало, а сейчас, после долгого отсутствия, завален спешной работой. Ваше письмо уже показал Теру, исполнил поручение к Софии Григорьевне; от себя прибавлю несколько слов. Я не помню, кому я писал о Вашей эмоции непримиримости; пересмотрел письма в Америку и этого выражения там не нашел. Удивляюсь, если его употребил. Было время, когда я Вас считал

нетерпимым, что приблизительно одно и то же; но это время давно утекло. С самой Революции Вы оказались гораздо терпимее, чем я Вас считал, и тогда мое отношение к Вам изменилось в лучшую сторону. Позже — еще больше. Думаю, что Вы нетерпимее меня, но это ничего не означает; и если эти слова были мною написаны, то это отзвук прежнего, давно пережитого. И потому мне легко с Вами говорить до конца.

Я думаю, что Вы очень правильно, лучше, чем я сам это бы сделал, формулировали нашу позицию, во всяком случае мою. Да, после победы, эмиграция не потеряла смысла и резон д'этр{304}; ибо, несмотря на все успехи, в режиме России есть органический дефект, который рискует свести ее победу на нет. Это — неуважение к личности и к праву, как верховному арбитру. Верно то, что если советская власть смогла войну эту выиграть, то этим она сама стала на тот путь соглашения, где эмиграция, не отрекаясь от себя и своей миссии, может провидеть примирение. Только на этой дороге мы можем мириться; а вне ее — России спасения нет.

Повторяю, я именно так думаю и рад, что Вы меня понимаете и за меня договариваете. Конечно, в статье я мог говорить яснее, чем у Посла; мы ведь пришли «мириться», а не требовать «капитуляции». И в статье я мог бы говорить яснее, если бы меня неделями не мучили просьбой смягчить, замазать и под[обное]. Вы досказали мою мысль до конца — что показывает, что понять меня было все-таки можно. Но к этому я хотел бы указать то, в чем я за Вами не следую.

Но это требовало бы такого длинного изложения, которое нельзя послать по авиону.

Вы думаете, что все дело сейчас заключается в возвращении к демократии, к ее началам, что все, что есть ценного в позднейшей эволюции большевизма, есть в уничтожении классов, [слово нрзб.] системе выборов, в самоуправлении, т. е. в принципах демократии, как они понимались раньше, и в Ваше время, в 1917 г. Права человека и демократическое самоуправление, как защита его.

Я не буду спорить об этом, т. к. это не актуальный вопрос. Вы верно отмечаете, что я во многом сам изменился, и причиной то, что социализм изменился, а против него мой инстинкт восставал. Я социализм принимаю как развитие и расширение прав «человека», каждого человека. Всякий должен иметь право на достойное существование и на охранение государством этого права. Это не менее важно и обязательно, чем право совести, собраний и слова. Государство должно это всем обеспечить. Но я совсем не убежден, что это достигается четырехвосткой. Мне

глубоко противно, когда строй жизни определяется «волей» — будь то самодержавия, будь то большевистского правительства. Слово «воля народа» мне также непонятно, как «высочайшая воля». Я не вижу преимущества «большинства» перед «меньшинством». И когда я вижу, как каждое большинство считает себя представителем всех, не согласных с собой — [два слова нрзб.] свою партийную волю выдают за суверенную волю коллектива, то это представляется мне основной ложью нашего времени. Вы должны понимать, что кроме большинства есть меньшинство с ним не согласных, существующее вполне законно и которым нельзя пренебрегать. Долг большинства вести себя так, чтобы оно защищало меньшинство; так поступают в Англии, и в этом ее величие. И именно потому я считаю необходимым существование двух палат; считаю ложным желание второй палаты подчинить первую или делать из нее «сколок» первой; вторая палата должна быть голосом меньшинства. И для изменения закона нужно соглашение большинства и меньшинства, т. е. не борьба за большинство в избирательном округе, а соглашение двух палат. Но кто требует соглашения, тот должен указать, что делать, если соглашение не состоится. И я говорю: при наличии двух палат то решение получит *силу* закона, к которому присоединится «власть управления», т. е. глава государства, кто бы он ни был. Ибо он по существу своему представляет интересы всего государства.

Все это теория и с ней можно не согласиться. Но только при наличии трех независимых сил можно говорить о равновесии всего государства. Но я не могу развивать Вам дальше эти мысли, тем более что это не практическая политика, а просто результат пристального наблюдения за провалом демократии буржуазной и денежной. И я думаю, что советской строй при дальнейшей эволюции к этому может придти. Ибо он, как, впрочем, и тоталитарные режимы, понял, что «правительство» не только исполнительная власть, зависимая от «представителей» и «представительств», не представляющих народной воли. Вся ложь произошла из того, что часть вообразила себя целым, как когда-то монарх, а потом «представительство».

Не знаю, дошли ли Вы до того, чтобы не считать это только моей реакционностью.

Машинопись. Копия.

НІА. 8-17.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 27 августа 1945

ПАРИЖ, 27 августа [19]45

Дорогой Марк Александрович,

Я только что вернулся в Париж после длинного отпуска, увы,

не вполне вернувшего мне прежние силы. Спешно стараюсь наверстать запущенные дела. Моего друга из Министерства Иностранных Дел к сожалению нет, он в отпуску; но туда обратился по моей просьбе сам делегат Верховного Комиссара, бывший посол. Ему эти поручения внове и он берется за них с большой энергией. Думаю, что все пройдет быстро. И, может быть, Вы как-нибудь используете пребывание нашего шефа в Америке; но обойдется и без этого.

По получении Вашего письма от 20 июля в Экс-ле-Бэн{305}, я ответил Вам несколько слов от руки и потому неясно помню, что ответил, и еще меньше знаю, что разобрали. Помнится, писал не только о визе, что было понятно и нужно, но и по вопросу о моем сотрудничестве в Новом Журнале, в ответ не только на письмо 20 Июля, но и 18 Апреля. Это было совсем не спешно, и когда Вы предвидели возможность, что я помещу у Вас статью с оговоркой, что я во многом с журналом не согласен, то это было так неожиданно, что даже комично. Какой смысл имела бы такая оговорка, и кто же ее *из сотрудников* когда-либо делает? Из Вашего журнала я видел всего 4 книжки, что недостаточно, чтобы судить о направлении журнала, а имена авторов, конечно, ни в какой мере не могут меня «конфузить» и смущать. *Рад сотрудничать у Вас без всяких оговорок, как это делал в «Современных записках».*

Что меня гораздо более останавливает, это опасение, что моя вторая книга, о 2-й Думе, не будет напечатана, не найдет издателя, а без этого печатать *из нее* отрывки комично. А главное, мне не хочется писать о 2-ой Думе, пока книга о I-ой никому не известна. Мне Каплан{306} сказал на днях что только что послал 10 экземпляров в Америку; а вообще она напечатана в 200. Но так как она все-таки напечатана, то, конечно, *отдельных* глав из нее Вы перепечатывать не станете. Я бы охотно прислал *лично* Вам экземпляр, но пример Ваших посылок показывает, как ненадежно посылать что-либо в Америку. И пока я не потерял надежду Вас увидеть здесь, я оставляю этот вопрос открытым. Мне было бы очень приятно, если бы Вы здесь могли прочесть обе книги. Они между собой тесно связаны; *препрославленную первую* Думу я осуждаю, а *оплеванную* 2-ю защищаю. А кроме того, там есть заключительная глава с книгой вовсе не связанная, которая является моим не завещанием, а политической исповедью. Мне хотелось бы, что Вы все прочли. *Рубинштейн* сказал, что прочел два раза, меня не проклял, но и не убедился. *И я был рад узнать Ваше мнение, даже если это печати никогда не увидит.*

Я получил письмо от Е.Д. Кусковой{309}, в котором имеется такая не совсем ясная фраза: «по-моему, Ступницкий зарывается и

это напрасно. Следовало бы держаться на той линии, на которой был первый номер. Вашей статьей и мы, и другие очень недовольны». По правде, не понимаю, *что им нравится в 1 номере и что они осуждают в моей статье.*

Итак, м. б., до свидания.

В. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Paris, 8 Dec. 1944 — 27 Aug.

1945. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 7 сентября 1945

7 сентября 1945

Дорогой Василий Алексеевич.

Я (и жена моя) чрезвычайно Вам благодарны за хлопоты о нашей визе. Я не совсем понял, кто любезно взялся помочь Вам в этом деле (Вы пишете: бывший посол)? В таком случае прошу Вас и ему передать мою самую искреннюю благодарность. Я побывал опять в здешнем французском консульстве и получил от более толковой служащей более подробные сведения о моем досье. Действительно, оно ушло в Париж с вализой 1 августа за № 1688 и 1689 (это мне сказали давно, и я Вам сообщил), но общее «бордеро», под каким значилось мое досье, имело № 104. Из Парижа консульство *пока* ничего не *получило.* Как Вы знаете, я указал мотивы: желание повидать родных (матери моей жены, Зайцевой, 75 лет, и она больна) и желание побеседовать с моим издателем *Plon.* Последнее, разумеется, добавлено как «коммерческий резон»: Плон действительно издал мои романы, но важных дел у меня к нему нет.

Редакция «Нового Журнала» очень, очень рада Вашему согласию (или полусогласию?) напечатать в «Новом Журнале» главы второго тома Ваших воспоминаний. Она никак не думает, чтобы незнакомство читателей с первым, напечатанным, и пока не дошедшим сюда томом было препятствием. Если те десять экземпляров первого тома сюда придут, мы как-нибудь раздобудем книгу и дадим о первом томе отзыв, который еще облегчит понимание второго тома. Очень просим выслать нам эти главы возможно скорее, лучше всего по адресу М.М. Карповича *(61 Brattle Street, Cambridge, Mass.).* Я лично жду их с величайшим интересом, особенно заключительной главы с «исповедью» или «кредо». Получили ли Вы десятую книгу журнала (в разрезанном виде)? 11-ая выйдет, должно быть, через месяц.

Мы наш маленький гонорар платим всем сотрудникам, и, конечно, Вашего отказа не принимаем. Но так как посылать деньги по курсу 50 франков за доллар не имеет никакого смысла,

то не разрешите ли Вы обратить гонорар в продовольственные посылки Вам? Мы тотчас начали бы их посылать.

Моя машина в починке, мне временно дали эту с новой орфографией и с отвратительным мелким шрифтом.

Еще раз сердечно Вас благодарим за помощь в деле визы. Меня вполне удовлетворит и временная виза.

Шлю Вам самый искренний привет

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA. 2-12.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 17 сентября 1945

17 Сен[тября 1945{311}]

Дорогой Марк Александрович,

19 Ав[густа] я вернулся в Париж и узнал, что Генеральный Делегат Верховного Комиссара, ambassador Ponsot{312} (не смешивать с Poncet{313}) приехал тоже, был у него, говорил о Вас и получил обещание поддержки. 24 Ав[густа] я передал ему официальное письмо об этом. 14 Сентября я был лично в Мин. Ин. Дел. у того, кто заведует визами, Вандана, кот. Вас знает, и услышал от него, что там был немедленно дан благоприятный отзыв, но что по правилам дело ушло в Мин. Ин. Дел. Завтра Я.Л. Рубинштейн будет завтракать с тем чиновником Мин. В. Д., кот. этим ведает, и будет лично с ним говорить. Не сомневаюсь в исходе, но если дело тянется, не пеняйте. Здесь все происходит медленно, а я сейчас так завален делами соотечественников, что, должно быть, скорее попаду в сумасшедший дом. У нас ежедневно на приеме около 100 человек, а нас трое. Думаю, что на этой неделе все кончится.

Теперь второе.

Мне очень заманчиво Ваше желание напечатать «главу». Но я не могу послать Вам всей рукописи. Там кое-что придется переделать, а мне на это пока времени нет. И мне гораздо более хочется дать Вам «прочесть» мое «credo», чем его «печатать». Пока посылаю Вам оглавление. Может быть, Вы скажете, что годилось бы как самостоятельная глава. Но все бы было приятней, если [бы] Вы по приезде в Париж всю рукопись просмотрели. По правде сказать — я, конечно, недостаточно опытен — но мне представляется, что вырывание отдельной главы из всего изложения очень ослабит ее интерес. Вся книга построена на одной идее. Но это, может, самообольщение.

Вам преданный В. Маклаков

Автограф. BAR. 5-28.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 18 октября 1945

18 октября 1945

Дорогой Василий Алексеевич.

Я не все разобрал в Вашем письме, касавшемся дел журнала, и переслал его М.М. Карповичу, который чудом разбирает все почерки. Если он (и я) правильно поняли, Вы не отказываетесь дать нам главы воспоминаний. Мы чрезвычайно этому рады и сердечно Вас благодарим. Вы (с той же оговоркой) не очень склонны дать «исповедь» и предпочитаете прочесть ее мне, когда я приеду в Париж. Разумеется, я буду очень, очень рад хоть услышать ее, если нельзя прочесть *и напечатать*. Но, быть может, и об исповеди решение Ваше не окончательное? К письму Вашему приложен список глав (переписанный на машине). Мих. Мих. [Карпович] пишет мне, что его особенно интересуют главы 1, 2, 4, 5. Мы убедительно просим Вас послать нам их. Как досадно, что Вы не прислали сразу: две могли бы попасть еще в 11-ую книгу, которая выходит через две-три недели. Теперь попадут в 12-ую.

Вчера зашел к нам А.И. Коновалов и прочел Ваше интереснейшее и очень мрачное письмо. Там были строки, относившиеся к нашему делу о визе. От души Вас благодарю за хлопоты и прошу извинить беспокойство. Как досадно, что вышла задержка из-за фамилии (если верно, что она вышла поэтому). Может быть, они просто потеряли мое и моей жены досье?! Ведь я Вам сообщил, а Вы, наверное, сообщили им, что наши досье имели номера 1688 и 1689 и что ушли они в Париж с вализой 1 августа, при общем бордеро номер 104. Значусь я: Марк Ландау Алданов. Жена моя Татьяна — так же.

Мы все очень угнетены идущими к нам политическими сообщениями, — Вы совершенно правы в пессимизме. Я моложе Вас, но ей Богу иногда радуюсь, что тоже уже очень немолод и не увижу следующих глав трагикомедии. То есть, увидеть их, пожалуй, и было бы интересно — вот как интересно читать Гиббона{314}. Но переживать их — нет, с меня достаточно. Не думаю, что еще было какое-либо поколение с сотворения мира, которое видело бы и пережило бы столько, сколько мы. Читаю старых второстепенных романистов, живших в ту эпоху, которую я пытаюсь описать в романе «Истоки». Право, смешно и стыдно. Это Хвощинская написала: «бывали времена хуже, но подлее не было»{315} (Некрасов взял у нее{316}). А жили они в лучшее (не говорю: в очень хорошее, но в лучшее) время и русской и мировой истории. А вот наше время, — действительно, пока не было ни хуже, ни подлее.

Еще раз очень благодарю Вас и шлю самый сердечный привет, самые лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-12.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 24 октября 1945

24 0кт[ября) [19]45

Дорогой Марк Александрович,

Перехожу прямо к делу. Посылаю вам первую главу. Раз у вас есть время, то предпочитаю, чтобы вы прочли на досуге и сказали сначала, подойдет ли она к журналу. Ведь я все-таки остался реакционером и старомодным. Вся моя книга пропитана одной общей мыслью, кот. противопоставляла вторую думу первой, в пользу второй. Моя «Первая дума» дошла до Америки, раз об ней была там рецензия в «Новом Слове»{317}. Если вашего журнала «Первая Дума» не шокирует, то вы помиритесь и со «Второй». Если же нет, то не стоит посылать вам и других глав — они в том же духе. Вторую книгу хотел издать *Петрополис,* и когда я спрашивал его, возражает ли он против напечатания у вас отдельных глав, он сказал, что нет, при условии чтобы там было упомянуто, что это глава из книги, кот. печатается там-то. Но я думаю, что *Петрополис* не будет скоро печатать книги, если когда-либо и будет. Пока здесь бумаги нет, или по сумасшедшей цене.

Недавно я получил от Гордона{318} письмо с предложение ее издать в Америке, но просит сначала прислать ему книгу. Лично мне все равно, где ее издавать, хотя править корректуру из Америки невозможно. Но все предложение Гордона пока слишком общо и туманно. Он спрашивал меня об условиях. Никогда со своих книг гонорара не получал и не *искал.* Довольствуюсь вместо гонорара авторскими экземплярами, кот. не [так!] получил от *Петрополиса.* Но я очень неуверен, что книга на эту тему и с такой трактовкой может найти читателя; те, для кот. она бы была интересна, все вымерли. Поэтому я склоняюсь думать, что с печатанием книги я опоздал, как опоздал и с первой. Разве если бы они выходили в серии других, как библиотека. Меня интересует знать ваше мнение, в сущности, если книга не выйдет, пока огорчаться не буду: писание ее мне доставило некоторое удовольствие. Но без уверенности, что это зачем-либо нужно, не хочу всю рукопись отсылать в Америку. И потому у меня к вам просьба. Если вы с Гордоном знакомы и видаетесь, то при случае поговорите с ним, и покажите ему главу: а если вы захотите, я пришлю вам и другие, чтобы посмотреть, было бы для читателей интересно.

Я встретил Полонского, и он сказал мне, что вы не торопитесь сюда. Посылаю вам копию ответа Мин. Ин. Дел, чтобы вы видели, что путало все Мин. Вн. Дел. Очень они все изолгались.

Пред[анный] Вам В. Маклаков

Я нисколько не хочу настаивать, чтобы Вы мои главы печатали, если общее направление к ним не подойдет; прочтите мою книгу о 1-й Думе. Пришлю Вам для ясности и другие главы, (не сразу), если Вы этого захотите. Но если Вы захотите печатать, надо условиться, как объяснить, что это за главы. Как видите, вся книга еще не печатается, не знаю, будет ли печататься и кем. Ведь Петрополис, т. е. Каплан, ее не [слово нрзб.]и только [два слова нрзб.]. Это неприятно. Книга писалась во время оккупации, когда я был свободен; обдумал ее я в тюрьме. Только я вырезал из нее анахронизмы. Но надо будет сказать о XVII гл.; в прежнем виде ни за что не дам в печать. Но ее будет легко переделать.

Только что узнал про «юбилей» А.Ф. Пошлем ему телеграмму из Офиса.

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Paris, 8 Dec. 1944 — 27 Aug.

1945. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 12 ноября 1945

109 West 84 Str., New York 24

12 ноября 1945

Дорогой Василий Алексеевич,

Получил Ваше письмо со статьей и с копией ответа Министерства. Получил истинным чудом: Вы это заказное письмо отправили на мое имя, но по адресу Коновалова (в доказательство прилагаю кусок Вашего конверта{319}). По чистой случайности, А.Ф. Коновалова, не разобрав, вероятно, вопроса почтальона, расписалась (своей фамилией, конечно), и письмо дошло.

Сердечно благодарим Вас за интереснейшую главу из воспоминаний. Я ее прочел тотчас. Вы, вероятно, уже знаете, что позавчера скончался Мих. Ос. Цетлин. Его похоронили сегодня. На похороны при ехал М.М. Карпович, и он тоже за день пребывания здесь прочел Вашу статью. Она показалась ему столь же интересной, как мне. По общему нашему решению, Михаил Михайлович теперь стал единоличным редактором «Нового Журнала». Он просил меня передать Вам, что статья пойдет (без всяких редакционных примечаний, хотя едва ли М.М. согласен с некоторыми ее положениями) в 12-ой книге «Нового Журнала»: как я Вам писал, 11-ая уже готова; она вышла бы, вероятно, на этой неделе, если бы теперь, из-за кончины Цетлина, нами не решено было добавить еще лист с его некрологом{320}. Еще раз благодарим и просим прислать другие главы.

От души Вас благодарю и за хлопоты о моей визе. Не могу

понять, почему Полонский сказал Вам, что я «не тороплюсь», и, не скрою, злюсь на него за это{321}. Я могу и не приехать вообще, если американское министерство не выдаст мне разрешения на возвращение в С. Штаты *(об этом можно хлопотать только после получения французской визы)*. Об этом я и писал Полонскому. По общему правилу, теперь право на возвращение дают только в том случае, если кто-либо из семьи остается в Америке, т. е. либо муж, либо жена. Однако иногда делается и исключение. Вот, например, Керенским выдали обоим. Я надеюсь, что дадут и нам с Татьяной Марковной (которая тоже очень Вас благодарит за хлопоты). Если же откажут, то поеду во Францию либо я, либо она. Или, точнее, мы съездим поочередно. Поселиться в стране, где я прожил последние 20 лет, я не могу, так как мне там решительно нечего делать: той страны больше нет, есть другая. Но в чем же, все-таки, по-вашему, дело? Если оба наши досье поступили в Министерство Внутренних дел 24 августа, то возможно ли, что решение еще не принято?

Вчера в «Таймс» была телеграмма о том, что Александр Федорович с больной женой благополучно приехал в Австралию{322}. Его отсутствие очень чувствуется здесь, он был душой нашей общественной жизни.

О Вашей статье мы сегодня много говорили. После похорон пошли завтракать впятером: Коновалов, Карпович, Николаевский, Денике{323} и я. Спорили о Думах, о 1916-7 годах. Одни находили, что еще в 1916 году можно было «все спасти». Я лично думаю, что последняя возможность избежания революции была в 1881 году, — этой эпохе и посвящен мой роман «Истоки», печатающийся в «Новом Журнале»{324}.

Продовольственный груз Долгополову уже, верно, пришел в Париж? Наш Литературный Фонд написал Николаю Саввичу [Долгополову], что Вам, Бунину, Бор. Зайцеву и Мельгунову должно быть выдано максимальное количество этих 15-фунтовых посылок.

Буду ждать от Вас известий, от души благодарю и шлю самый искренний привет.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA. 2-12.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 17 ноября 1945

Париж, 17 ноября [1945{325}]

Дорогой Марк Александрович,

Я сконфужен оплошностью с адресом; утешаюсь тем, что могло кончиться хуже. Оправдание мое в том, что американские адреса так нехарактерны, что не удерживаются в памяти; я его

списал с конверта и спутал Вас с А.И. [Коноваловым]. Обратите внимание, что я сейчас только заметил, как похожи ваши почерки.

Если вы будете печатать мою главу, то прилагаю при этом письме список ошибок переписчицы; не помню, были ли они исправлены на том экземпляре, что я Вам отослал. Ведь, очевидно, присылать корректуры вы не сможете.

Спрашивал Долгополова о посылках, он говорит, что последнего транспорта еще не было; я через него давно ничего не получал.

Теперь самое главное.

Если вы мою главу напечатаете, мне кажется, следует упомянуть в подстрочном примечании, что это глава из книги, которая будет печататься. В сущности это только предположение; никто из эвентуальных издателей ее еще не читал. Гордон только просит сказать, сколько в ней будет страниц, а от «Петрополиса» в Среду придет Эльяшевич{326}, чтобы ее взять для прочтения. Если Вам и первая глава показалась интересной, то последние главы гораздо интереснее для публики. Хотя я все-таки не уверен, что сейчас это подходящее чтение. Моя книга материал для историка, а не для чтения. Но так как всего Вы печатать не можете (там 16 глав), то печатание у вас носит только «информационный» характер.

Я надеюсь, что в ближайшее время я получу ответ от «Петрополиса», чтобы можно было указать это в примечании. Если он не захочет или отложит, и Гордон тоже, смотрите сами, есть ли смысл печатание у вас начинать, *если она тогда не будет доведена до конца?*

Я Вам говорил раньше о последней главе. Она была присоединена к этой книге совершенно неправильно: о второй Думе в ней не говорилось. Это были размышления о причинах «кризиса демократии» и средствах его излечения. Мне казалось претенциозным печатать это самостоятельно: я не Монтеские{327} [так!] и не Сиэз{328}. Это могло проскочить вместе с книгой, но после того, что происходит во Франции, кризис демократий так очевиден, соображения на эту тему актуальны, что даже простым смертным позволительно о них говорить, без опасения уподобиться Ляпкину-Тяпкину. А у меня есть желание, *может быть и вздорное,* чтобы эта статья где-нибудь была бы помещена. Но она так противоречит обычным взглядам, что, может быть, при всей доброжелательности Вы печатать ее не захотите. Я пришлю Вам ее на прочтение конфиденциально, с обязательством мне вернуть, если не *захотите* печатать.

Если бы я был за вашим завтраком, то я бы был с теми, кто

думал, что спасение и в 1916 было возможно; но ведь это то же самое, что сказать, что Наполеон мог выиграть Ватерлоо. Конечно мог, но и при этом не мог быть победителем над всем миром. В 1881, если вместо 1 Марта дали Лорис-Меликову провести «Представительство»{329}, дело могло пойти *иначе; в этот момент* оказалась виноватой *революционная* общественность. А в 1894 — если бы власть, т. е. Николай, пошел другой дорогой{330}, то могло все *быть* спасено. Но в таких вопросах если чего-нибудь не было, то значит и быть не могло.

Я пишу Вам в начале кризиса, кот. мог бы легко быть избегнут. Когда он разыграется, мы увидим, действительно ли Франция стала другая, как этот Вам издали кажется.

Полонский мне сказал, что Вы раньше весны не приедете, и я перестаю торопить. Сегодня, т. е. уже 19 Ноября, справился в Мин. Ин. Дел; ответа от Мин. Вн. Дел еще нет. Обещали его запросить. А я сам туда пишу. Но сейчас всем не до того. Как только будет ответ от Мин-ва, Вас извещу.

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 5-28.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 21 декабря 1945

21 декабря 1945 Дорогой Василий Алексеевич.

Сегодня мы получили от Полонских телеграмму, извещающую нас о том, что виза во Францию мне и моей жене дана. Мы оба приносим Вам нашу самую сердечную благодарность, так же как и лицам, в этом деле помогавшим Вам. Теперь начнем хлопоты о праве на выезд и на возвращение в С. Штаты. Если получим оба, вместе и съездим в Париж. В противном случае поедет моя жена, потом я.

Итак, надеюсь скоро Вас увидеть. Я чрезвычайно ценю то, что Вы хотите прочесть мне «исповедь». Но проф. Карпович специально мне пишет: почему Вас. Алекс. думает, что эту главу можно напечатать только после его кончины?! для нас она была бы кладом и теперь. — Я совершенно согласен с мнением Михаила Михайловича, нынешнего единоличного редактора «Нового Журнала», и присоединяюсь к его горячей просьбе: пришлите нам *(Karpovich, 61 Brattle Str., Cambridge, Mass.)* «исповедь». Та глава Ваших воспоминаний, которую Вы мне прислали, идет (с Вашими поправками) в 12-ой книге «Нового Журнала», она уже набирается. *Мы указали, что Ваша статья — глава из книги. Ждем следующих глав.* А в 13-ой книге мы без сомнения поместили бы «исповедь», если бы Вы ее нам прислали.

Журнал послал Вам через агентство «Нового Русского Слова» почтовую продовольственную посылку (двойную, в 22 фунта). 11-

ая книга вчера вышла и Вам высылается. В 11-ой книге закончилась анкета о «визите» 12 февраля{331}. Ответ редакции, написанный Михаилом Михайловичем, и ответ А.И. Коновалова, конечно, Вас не заденут. СП. Мельгунов, к большому нашему сожалению, ответил резко; мы выпустили все, что можно было выпустить, и уверены, что на журнал Вы не рассердитесь: уж если он объявил свободную анкету, то собственно не имел права и смягчать чей бы то ни было ответ. «Новый Журнал» ответ Сергея Петровича (собственно, это его старая статья, ходившая по Парижу в рукописи) смягчил, а одного ответа, посланного нам лицом, к которому мы не обращались, не поместил вовсе.

Еще раз сердечно Вас благодарю. Шлем Вам и Марье Алексеевне искренние наши поздравления и лучшие пожелания на Н[овый] Год.

Ваш М. Алданов Машинопись. Подлинник. НІА.2-12.

М.А. Алданов — Б.И. Элькину, 23 декабря 1945

109 West 84 St., N.Y. 24

23 декабря 1945

Дорогой Борис Исаакович.

Очень Вас благодарю за интересные и убедительные письма. Вчера получил Ваше письмо от 14-го и вчера же говорил с Александром Ивановичем [Коноваловым], который одновременно получил от Вас письмо от 15-го.

Прежде всего: у меня было впечатление, что Вы допускаете во мне и некоторый личный интерес к этому делу (разумеется, в хорошем смысле); т. е. Вы, быть может, предполагаете, что я склонен был бы и сам принять участие в газете в случае ее преобразования? Могу Вас уверить честным словом, что я в мыслях не имел и нее имею быть членом ее редакционной коллегии и ни за что на это не согласился бы, если бы меня и упрашивали. Очень не склонен был бы и писать в ней — в нынешней парижской обстановке — даже в том маловероятном случае, если бы газета стала похожа на покойные «Посл[едние] Новости». Меня это ни в каком отношении и ни в какой мере НЕ интересует: я решил и остаток дней провести в совершенно свободной стране, и в ней и писать, без оглядки на то, что скажут в полпредстве и что подумают русские парижане (Сирин остроумно и верно сравнивает русскую парижскую колонию с развалившейся сливочной пасхой, которой в понедельник тщетно пытаются придать воскресный горделивый пирамидальный вид). У меня к этому делу отчасти интерес общественный, отчасти интерес, связанный с Александром Ивановичем, — больше ничего.

Пишу Вам откровенно и конфиденциально. Мне кажется,

А[лександр] Ив[анович] сам еще не окончательно решил, что ему требовать. В нем преобладает личная обида на людей, действительно поступивших с ним очень некорректно. Однако он отлично понимает, что начинать третейское дело о некорректных действиях Волкова, Ступницкого и Михельсона и не стоит, и незачем; я думаю, что они с полной готовностью выразили бы сожаление, принесли бы извинения и без суда чести, — это им ничего не стоит (особенно в буквальном смысле слова): они, конечно, в мыслях не имели обижать А[лександра] И[ванови]ча, а просто хотели получать жалованья и стать «вождями» развалившейся сливочной пасхи. Это было легче и проще сделать без Александра Ивановича, который на такую газету никогда согласия не дал бы. Поэтому они его не запросили, воспользовавшись удобным слухом об его смерти. Дальше — больше, — приходилось изворачиваться.

Но если это чувство обиды в А[лександре] И[ванови]че, по-моему, преобладает, то, конечно, есть у него и большой общественный интерес: он хочет, чтобы газета изменила направление и стала независимым органом печати. Он со мной согласен в том, что конкретно это может вылиться только в требование о перемене редакции. Ваши доводы против суда чести, разумеется, сильны. Быть может, теперь дело упрощается, если сам Ступницкий готов отказаться (чем это объясняется: или газеты больше не читают? Или уже иссякли фонды «Посл[едних] Нов[остей]»?). Тут у нас начинается расхождение. А[лександр] Ив[анович] НЕ видит кандидата в редакторы. Мы оба сходимся в том, что лучше всего подходил бы Василий Алексеевич, но мы оба почти не сомневаемся, что он откажется. Вторым кандидатом А[лександра] И[ванови]ча был бы Я.Л. Рубинштейн. Я тоже думаю, что после Маклакова, он был бы наиболее подходящим кандидатом. Однако опять-таки и Коновалов, и я почти уверен, что Я[ков] Л[ьвович] [Рубинштейн] также откажется. Больше А[лександр] Ив[анович] не видит никого.

Я лично не вполне с этим согласен и дальше высказываю только свое личное мнение. По-моему, надо убедить Кускову, чтобы она переехала в Париж и чтобы они с С[ергеем] Н[иколаевичем]{332} стали редакторами, — временно единоличными. Как и Вы, я думаю, что при обеспечении ей прожиточного минимума она согласится на это. Разумеется, редактором она будет плохим. Однако, при ней независимость газеты будет обеспечена; репутация «Русских Новостей» улучшится. Если А[лександр] И[ванович] в 1946 году приедет в Париж, редакция должна стать коллективной: Кускова и он. В газету Кусковой ему будет не стыдно войти. Это надо было бы

оговорить с Екатериной Дмитриевной. Думаю (не уверен), что на такую газету деньги достать в Париже можно было бы (поле того, как фонды «Посл[едних] Новостей» иссякнут). Допускаю также, что в этом случае согласился бы вернуться в Францию А.А. Поляков, прекрасный технический редактор (впрочем, Ратнер{333} тоже очень хороший техник: *общим редактором он быть не может при всей своей даровитости* газетного дела).

Возможно, впрочем, что Кускова откажется, как ни трудно их положение в Швейцарии (каюсь, я хотел бы оказать услугу этой прекрасной, хоть сумбурной женщине: ведь в Швейцарии она просто пропадает от безденежья. В Париже с весны, при сносном заработке, они могли бы жить лучше). Если она откажется, то, быть может, годился бы в редакторы С.Ф. Штерн{334} или М.М. Тер-Погосян. Если говорить правду, лучше Ступницкого будет всякий.

Вы спрашиваете, можно ли сослаться в разговоре со Ступницким на меня: конечно, нет: у меня нет никакого права вмешиваться в это дело, и Ступницкий вполне основательно ответит, что Алданов тут не причем. Я «вмешиваюсь» только потому, что А[лександр] Ив[анович] со мной советовался, и потому, что мы с ним в дружбе. Вы — душеприказчик Павла Николаевича [Милюкова] и представитель интересов А[лександра] И[ванови]ча. Сам он — б[ывший] председатель Правления «П[оследних] Нов[остей]» и крупный акционер. Только Вы и можете вести переговоры со Ступницким, нет, пожалуйста, на меня не ссылайтесь, тем более что я повторяю и при Кусковой в газете писать не буду. При Кусковой — Коновалове, быть может, иногда неполитические статьи помещал бы, да и то не уверен.

Мы оба очень огорчены Вашим сообщением о «новых болезнях» Анны Александровны. Как она себя чувствует? Вы понимаете, как хотелось бы повидать Вас обоих.

Вчера получил телеграмму от Полонских: нам дана французская виза. Начинаем хлопоты о праве возвращения в С. Штаты. Если весной поедем, то я надеюсь вернуться через месяц.

Сердечный наш привет Вам, Анне Александровне, Александру Борисовичу, который видел так много интересного, — чего я больше не увижу. Лучшие наши пожелания на Н[овый] Год, — надеюсь, в 1946 году встретиться.

Ваш М. Ландау

Машинопись. Подлинник.

Bodleian. MS. Russian d. 7. Elkin. Л. 36–36 об.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 24 декабря 1945

5, rue Péguy

24 Дек[абря 1945{335}]

Дорогой Марк Александрович,

Пишу Вам, когда Ваш вопрос окончился. Прилагаю копию отношения Мин. Вн. Дел, которое на этот раз обличало Мин. Ин. Дел, что оно задерживает дело. С этим письмом я поднял в М.И.Д. такой скандал, что они немедленно дали согласие. Обещали послать его телеграммою, за наш счет, как это делалось в доброе старое время. За этим следит уже Полонский. Словом, моя роль окончена, и я не чувствую более перед Вами вины за собой.

Это дает мне право вернуться к своим делам. Слухи об XI книге заглохли, и я не знаю, когда она выйдет и приедет сюда. Мне писал Коновалов, что в этой книжке будет его статья, и он заранее выражает огорчение, если она будет мне неприятна. Этого не может быть по его общему отношению ко мне, вопрос же и целесообразность нашего тогдашнего визита вообще перестал быть актуальным. Из него не вышло того, что обе стороны ждали. Но каяться нам не приходится. И я рад, что мы тогда этот шаг сделали, хотя бы он ни к чему не привел. Идти же дальше по этому пути, т. е. из желания с «ними» сойтись от себя отрекаться мы не хотим. В этом мы раскололись. Об этом я писал подробно Коновалову в том письме, кот. он не разобрал. Он просит меня его повторить, а я прошу его мне прислать. Это облегчит мне работу писания нового письма, да и не хочется, чтобы это письмо бесследно пропало.

Через несколько месяцев, с переездом *Nat. Unis* в Америку, заботы о русских беженцах перейдут в другие руки, и я, может быть, буду свободен от довольно скучных занятий, т. е. буду иметь время. Но мечтать об этом пока еще рано. Я получил здесь от Полонского для прочтения номера «Нового Журнала», начиная с 5. Обидно думать, что в свое время мы их не видали; Вы сделали большое культурное дело, которое «останется», и я вас всех поздравляю. Не понимаю одной Вашей фразы в одном Вашем письме, что может быть для сотрудничества с Вами я захочу сделать «оговорку». Принципиальной разницы между собой и Вами я не усматриваю, кроме тех, какие у меня всегда были со всеми моими единомышленниками, начиная с кадет, и, в частности, Милюкова. Но если на них смотреть исторически, издали, то они только интересны; и прибавлю, разногласия между теми, кот., несмотря на разногласия, вместе работают, делают некоторую честь и тем, и другим.

Я буду с нетерпением ждать 11-ю книгу, с еще большим 12-ю, если Вы не перемените намерения напечатать там первую главу моей книги. Если захотите потом напечатать другую, скажите какую, и я Вам ее пришлю. Но мне было бы самому всего

интереснее, если бы оказалось возможным напечатать ту главу, кот. я уже не покушаюсь рассматривать, как часть этой книги, но скорее как «послесловие» ко всей моей жизни. Когда смотришь то, что творит здешняя «Конституанта», я тем более чувствую, что, несмотря на парадоксальность этой главы, в ней есть доля правды, а в тех вопросах, кот. я ставлю, очень большой и актуальный интерес. Но я ее никому не показывал, и не знаю, какую она может вызвать реакцию. *После переписки письма немного места осталось, и я хочу его использовать. Во-первых, вчера Долгополое прислал мне посылку. Не знаю, та ли, о кот. Вы писали в письме 12 Ноября. Он написал: «Заканчивая резерв посылок первой группы, посылаю Вам одну посылку». Если это Ваша — большое спасибо. Я давно ничего не получал. Во-вторых, очень жалею, что у Полонского «Новый Журнал» оказался только с 5-го номера. Он бы его здесь имел с самого начала. Хотел бы видеть и начало Ваших «Истоков». Ваши исторические романы, как «Ключ», есть «вклад» в историю, необходимый для понимания тем, кто сам этого времени не переживал. Когда же речь идет о прошлом, это как «картинки» к тексту: чем Вы лучше знаете эпоху, тем они интереснее. Но весь вопрос в том, насколько точно, т. е. внутренне правильно, изображены эти люди. В частности, Александр II. Да и «народовольцы». В Вашем изображении их невольно чувствуется отголосок «легенды», кот. делает их «сверхлюдьми», обратно с тем, что происходит с «историческими героями» — Бисмарком, Дизраэли и т. д. Здесь относительно них такой подход полезен, т. к. приближается к реальности: эти люди становятся более живы. А революционная среда, ибо она все-таки среда, она с этими людьми мне не стала понятнее. Но читать все это очень завлекательно.*

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 5-28.

1946

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 8 января 1946

Париж, 8 Января 1946 г.

Дорогой Марк Александрович,

Получил сегодня Ваше письмо от 21 Декабря. Большое спасибо за посылку от 16 Ноября, но мы ее не получили. Вообще в последнее время посылки не доходят (это со всех сторон говорят) — и Праздников они нам не украсили. Кто виноват — дознаться невозможно. *Но Американцы могли бы «протестовать», что их письма где-то воруют.*

Я не сомневаюсь, что ответ А.И. К[оновалова] в «Новом Журнале» задеть меня не может потому, что его отношение к себе я знаю, а при нем резкое для меня слово не обидно. И Вы правы: если уже анкета, то нельзя обижаться за осуждение, даже резкое. Если Вы без всяких выпусков напечатали «открытое письмо» Мельгунова, то я не буду ни в малейшей претензии на «Журнал», да и на Мельгунова. «Политическое» разномыслие для меня никогда не бывало поводом к личной обиде.

Теперь о «статье» — «Исповедь». Если я считаю, что такой статье удобнее быть «посмертной», то потому, что одно дело думать и даже писать, а другое «печатать». Автор не повинен за то, что без него напечатано. Я же признаю, что статья недостаточно продумана, не соответствует важности темы. Недаром я хотел сначала ее поместить только как «главу» к книге. Глава к книге, посвященной другому вопросу, к меньшему обязывает. Но сейчас тема моей главы так злободневна, на нее столько пишут и в журналах, и в газетах, что я уже не стесняюсь ее поместить. Подскажите только подходящее заглавие. «Исповедь» не годится, претенциозно и не соответствует содержанию. Я было назвал ее «Послесловием» — но по Гоголевской «Женитьбе» опасаюсь, что это напоминает «пустословие». «Яичницын — собачий сын».

Но главное вот что.

По всему, что я слышу, боюсь, что моя книга о 2-ой Думе не выйдет. С присоединением к СССР балтийских государств, с атмосферой Чехии, Польши и Югославии — круг русских читателей очень сократился. Словом, может быть, до издания целой книги я не доживу. И потому мне было бы приятно, если бы *кроме* «Исповеди» Вы напечатали бы еще главы 2 или 3. Может быть это интереснее, чем «Исповедь». Я имею слабость думать, что хотя моя книга не для всех, вернее, только для старого поколения, но все же историку она будет очень полезна, как и I-ая

Дума. Между прочим, я как-то напрашивался на рецензию о ней для того, чтобы молено было печатать главы о 2-ой Думе. Для этого рецензии *уже* не нужно. Я видел в «Новом Русском Слове» очень благожелательную рецензию Аронсона{343} и думаю, что серьезный журнал мог бы о ней дать рецензию, как «Сов[ременные] Записки» сделали с моей первой книгой. На мой взгляд, I-ая Дума, как материал для историка, серьезнее, чем «Воспоминания», о *кот. была рецензия А.Ф.К. - в Совр. Записках.* Но я могу ошибаться.

Теперь, что делать. Я думаю, что если Вы и захотите напечатать так называемую «Исповедь», то после нее уже нельзя будет возвращаться к печатанию отдельных глав 2-ой Думы. А если выбирать между тем и другим — то уже не знаю, что бы я предпочел. И еще менее знаю, что Журнал бы предпочел. Я готов бы предложить выбор *Карповичу,* тем более что может быть можно это совместить. Каюсь, что я пристрастен к 2-ой Думе, т. к. в ней чувствую себя в своей роли защитника несправедливо обиженных. Мне кажется, что были бы интересные главы VIII, XV, XVI. Что же Вам прислать и как?

Скажу, что здесь эту книгу читали только двое. Во-первых, Тыркова{345}. Она из Гренобля мне прислала запрос о некоторых эпизодах 2-ой Думы, т. к. пишет «Мемуары», и ей для главы о 2-ой Думе не хватало материала. Я ей послал соответствующую главу своей рукописи; после этого она стала требовать главу за главой, на все писала свою критику и прочла всю книгу{346}. А мне написала, что, прочтя ее, совершенно переделала свою главу. И еще прочел Эльяшевич; сказал по телефону, что был ею «потрясен». И т. к. я его не видел, а только узнал о его «потрясении», то не вполне уверен, что он ее прочитал.

Но это все анекдоты. Скажите, что Вам прислать и как.

Забыл из этой области самое главное. Я свою рукопись о 2-й Думе дал прочесть Струве. Он в общем ее очень одобрил, но сделал много замечаний карандашом на полях. Я их берегу как исторический материал. Но из них мне еще раз стало ясно, как многое забывается, потому так полезно его закреплять в памяти.

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Parisjan. 1946 — July 1946. To

Mark Aleksandrovich Aldanov.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 25 января 1946

25 января 1946

Дорогой Василий Алексеевич.

Я получил Ваше письмо от 8 января и тотчас переслал его в

Кембридж М.М. Карповичу. Сегодня пришел его ответ. Он очень просит Вас прислать и «исповедь», и те главы из книги, о которых Вы пишете. «Мы все это напечатаем в ближайших книгах журнала», — пишет М.М[ихайлови]ч. А я Вас о том же просил еще раньше. Будем, следовательно, ждать. Я высказал Карповичу мнение, что рецензию о Вашей книге должен дать он. М.М. отвечает: «Охотно это сделаю, но для этого мне надо получить книгу, о чем я давно мечтаю. Нельзя ли попросить В.А. прислать мне экземпляр?» Не знаю, где Аронсон достал свой экземпляр книги, но в здешних русских книжных магазинах (очень жал ких) ее нет. Если можете, пришлите М.М[ихайлови]чу. Впрочем, по моему опыту знаю, как мало экземпляров своих книг бывает у авторов (в Париже я получил от Плон 30, а то и 40, здесь же Скрибнер дает мне и другим своим писателям шесть экземпляров). Поэтому, если Вам трудно, мы постараемся достать экземпляр Аронсона (уверенности, что получим, конечно, нет).

Когда получите нашу посылку (и 11-ую книгу журнала), пожалуйста, дайте знать: мы тотчас пошлем новую: может быть, Вы предпочтете что-либо другое, — посылки, к сожалению, стандартные. О том, что они доходят плохо, мы все слышали. Однако заказными посылать не разрешается. Долгополовские посылки идут, конечно, не от журнала, а от Литературного Фонда.

К крайнему моему сожалению, я не разобрал сделанной Вами от руки приписки об «Истоках» в письме Вашем от 24 декабря. А мне так интересно! Может быть, Карпович разберет, когда приедет сюда: он разбирает и Ваш почерк, и почерк Александра Федоровича. Не всегда, конечно.

От А. Ф-ча и Коновалов, и я имеем письма. У него все благополучно. Быть может, он скоро сюда вернется: у него есть «риэнтри пермит»{347}, о котором теперь хлопочем мы с женой. Еще раз оба от души Вас благодарим за хлопоты.

Отставку генерала я принял просто как большое горе{348}. В случае чего за ним пошли бы. Пойдут ли за его преемником — это вопрос. Вообще все идет к черту. Очень горжусь, что в 1937 году начал печатать, а в 1939 году выпустил книгу под названием «Начало Конца»{349}. И еще больше огорчаюсь, что оказался прав. В «Истоках» же меня только и интересует: откуда пошло все то, что теперь происходит в мире? Ведь и народовольцы, и Бисмарк, и Вагнер{350}, и Гладстон{351}, и Маркс{352}, и Бакунин{353} были именно истоками, — от некоторых из них пошло и хорошее (в особенности от Гладстона).

Итак, ждем от Вас сказанного выше. Шлю Вам самый сердечный привет, самые лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов

12-ая книга с Вашей статьей выходит в марте. Уже почти все набрано.

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-13.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 30 января 1946

ПАРИЖ, 30 Января 1946 г.

Дорогой Марк Александрович,

Получил сегодня Ваше письмо и буду отвечать по порядку.

1) Во-первых, получил Вашу посылку; она пришла в два приема — первая коробка 16 Января, вторая — 25. Большое спасибо. Но как видите, шла она два месяца с лишним.

2) Это главная причина, почему я не посылал Вам книгу о I-ой Думе. Дело не в скудости авторских экземпляров; для Вас экземпляр бы нашелся. Но когда же он к Вам придет, да и придет ли? Меня давно просил прислать ее Гордон. Я узнал от Каплана, что она была послана в Америку Майделю. Сообщил это Гордону, и он ее от него получил в Октябре 1945 г. Это много скорее. А если у Майделя есть, возьмите ее у Гордона; он ее уже прочел (адрес: 65 *East* 96 *Street)*. Мне хотелось бы, чтобы люди ее прочли. Каких взглядов ни держаться, я думаю, что она будет полезна историку и даст ему то, чего не дадут *стенограммы.* Мне особенно интересно сопоставление этих двух Дум, первой и второй, о которых судили так несправедливо. И если я «развенчиваю» первую, то стараюсь «реабилитировать» вторую. Но книга была написана в самое неподходящее время; я опоздал с ней лет на 10.

3) Теперь для меня самое интересное — книга о 2-ой Думе. Это — слабость с моей стороны, но я ей дорожу. Я ее сочинял, т. е. обдумывал, когда сидел в тюрьме и не знал, выйду ли оттуда живым. Было много времени думать, было полезно сосредотачивать мысль, чтобы чем-нибудь ее занимать, и, наконец, в этих условиях мысль работает честнее. Когда меня выпустили и предписали уехать на несколько месяцев из Парижа, я в деревне, у Нольде, ее написал. Мне самому о ней трудно судить. Тыркова ее прочла и сказала, что совершенно переделала *свою* главу о 2-ой Думе в своих воспоминаниях, а Эльяшевич неожиданно для меня и наших отношений ее превознес. Больше ее никто не читал. *Еще П.Б. Струве сделал в ней много карандашных заметок, кот. я сохранил.*

Я бы очень хотел видеть ее напечатанной, ведь это все, что останется после меня. Но едва ли я этого дождусь. Здесь нет, во-первых, бумаги, а во-вторых, нигде нет больше тех русских читателей, которые жили в восточной части Европы и попали под

СССР. Издание этой книги стоило бы так дорого, что я не могу питать больше той иллюзии, по крайней мере при жизни. Мне потому очень приятно, что хотя что-нибудь будет напечатано в «Новом Журнале». Но Вы не можете печатать ее всю, а печатать отдельные главы, с пропусками, как Вы делаете с *«Истоками»,* для книги, где весь интерес в цельности, а не в *эпизодах,* интересных самостоятельно, было бы варварством; отдельные главы этой книги никто бы не стал читать. Может быть, как Вы печатаете первую, потому что она — первая, можно было бы напечатать и последнюю. Но эта глава, как заключительная, оторванная от того, что ей предшествовало и что ее обосновывало, утратит на три четверти свой интерес. Я сам могу быть не судьей в своем деле, но Эльяшевич пришел в ужас при мысли, что будут напечатаны отдельные главы. Годилась бы еще предпоследняя, т. к. там много фактически нового и неизвестного — но насколько можно делать такую операцию, я уже не знаю. *И отдельно взятая она даст повод к зубоскальству.*

Если бы мне не было совестно Вас затруднять, я бы предоставил это на Ваш суд; но посылать наудачу всю книгу как-то не решаюсь. У меня она всего в трех экземплярах. Или послать 2 последних главы: все-таки менее страшно.

4) Два слова об «исповеди». И прежде всего забудьте о таком заглавии. В ней нет ничего похожего на исповедь, вообще ничего личного. Боюсь, что я ввел Вас в заблуждение тем, что говорил и недоговаривал. Исповедь — это только фигуральное выражение, вызванное тем, что я говорил все, что думал, не заботясь о том, как к этому отнесутся и к чему меня за эти ереси «пригвоздят». Речь идет о самых реальных и злободневных вопросах, причинах кризиса демократии, о средствах ее спасти и пр. — т. е. о том, о чем рассуждали и писали люди посильнее меня. Эта глава — подражание Гоголевскому Ляпкину-Тяпкину, который доходит до сотворения мира собственным умом. И я, может быть, и не соглашусь печатать ее, да и Вы сами. Ее мне и не будет так жалко, как 2-ую Думу.

5) Теперь хочу отдохнуть от этих томительных колебаний и недоумений. Хочу ответить на то, что для меня интересно. Вы не разобрали нескольких строк письма от руки, их «истоках». Я уже неясно помню, что я Вам тогда писал, но о чем я писал, помню и Вам это повторю.

Я думаю, что у Вас редкий дар к тому историческому роману, который может быть материалом для понимания эпохи и ее атмосферы. Это своеобразная историческая работа, и я ее так и расцениваю. Словом, это то, что делали Толстой, Пушкин, Загоскин{354} и др. Думаю, что Ваш «Ключ» и его типы — не

живые лица, живые «люди», в которых мы узнаем своих знакомых, — помогут многое понимать лучше ученых исследований. А так как кроме этой общей атмосферы интересна и фабула, то это и сделает Вас одним из любимых писателей.

Но тут есть опасность, и я мельком на нее указал.

Во-первых, романисту приходится вводить в рассказ исторических лиц, у которых уже есть какой-то канонический образ. Этот канонический образ может действительности не соответствовать, отражать понимание современников. Задача историка — его поправить и показать, в чем была ошибка. Но когда это делает романист, по своему произволу, не доказом, а показом, он может вводить в заблуждение; так Толстой исказил и Наполеона{355}, и особенно Кутузова{356}. Во мне есть протест «историка» против этой свободы, и я нахожу, что романисту лучше этих людей не трогать; я не хочу сказать, что Вы их исказили; не знаю. Но Вы затронули столь многих — Александра II, Бисмарка, Маркса, Бакунина, Энгельса{357} и т. д., что я инстинктивно боюсь произвола романиста. Конечно, в общем и главном эти лица соответствуют каноническим образам; но важны и детали. Вы можете соблазнить единого от малых сих. В частности, имею в виду Александра II.

Аналогично с этим опасение — в изображении целой среды; имею в виду народовольцев. Здесь трудно знать правду; революция создала легенду о своих. В ней мало исторически верного, как во всякой легенде. Подпольная Россия *Степняка* — один из образчиков этого. Есть ли у Вас достаточный материал, чтобы изобразить их живыми, как они были. Вы идете по жердочке над пропастью, от Вашего произвола зависит увековечить образы исторических личностей. Я Вас не осуждаю и не знаю, в какой мере Вы близки к правде. И опять-таки именно потому, что Вы не критикуете, не мотивируете, как историческая наука сделала с Годуновым, с Лжедмитрием{359}, Вы можете по своим личным симпатиям и антипатиям не послужить истории, а ее обмануть.

Это чисто методологическое замечание; практически оно сводится к тому, чтобы исторических лиц изображать поменьше и более поверхностно, *издалека, какими они казались современникам, а не потомкам.* Как у Толстого живые лица не Наполеон, не Кутузов, не Ермолов{360}, *которые и без него известны,* а коллективные — Ростов, Денисов, Болконский, Каратаев. И ценность «Войны и Мира» в них. Конечно, для большой публики занятно увидеть у Вас и Суворова{361}, и Желябова{362}, но это нездоровое желание.

Простите эти замечания. Менее всего я хотел бы охолостить

Ваши романы; но боюсь, что Вы злоупотребите успехом, *введя нас в интимный быт исторических лиц.*

Пока письмо к Вам переписывалось, я получил письмо от Гордона. Пишет, во-первых, что он многим показывал I-ую Думу, все ее одобряют, и это вызвало в нем желание издать вторую Думу. Здесь сейчас не зовут людей вместе, не уверившись, что они не в ссоре. Как Вы с Гордоном. А то возьмите у него I-ую Думу или узнайте, где можно ее достать. Я ему об этом пишу. Его адрес *65, East 96 Street, NY.*

Я не думаю, чтобы он мог издать во Франции 2-ую Думу. Если да, то это все бы устроило. Но если нет, то я колеблюсь, какие главы можно печатать у Вас. С точки зрения автора, я думаю, что печатать по кускам — лишить их интереса. Но не знаю, как с точки зрения редактора и журнала. Я пошлю Вам почтой несколько глав 2-ой половины. Как лучше адресовать, Вам или Карповичу. Время еще есть, и мы успеем снестись. Но главу самую интересную, 15-ую, без предыдущих не хочется печатать, т. к. она вся как будто сведется к личной беседе со Столыпиным, что неправильно рисует основные мои выводы. Сообщите Ваше мнение.

Но вот что — «утро вечера мудренее». «Исповедь» в таком виде, как она есть, я не хочу печатать. Перечел ее вчера и пришел к этому выводу. Я не противоречу себе, то называя ее «исповедью», то утверждая, что в ней нет «личного». Дело в том, что содержание ее не личное, но «истоки» только личные, т. е. наблюдения одной Франции, только ее *признаков,* реформ и желаний. Выводы м. б. интересны, но неправильно их обобщать. В этой главе надо кое-что редакционно изменить, что, во-первых, ее сократит, а во-вторых, сгладить претенциозность. Раньше, чем ее посылать, я это сделаю. В этом же виде нельзя ее пускать в публику.

Очень прошу Вас дать мне оттиски I-ой главы, когда они будут.

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Paris, Jan. 1946 — July 1946. To

Mark Aleksandrovich Aldanov.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 12 февраля 1946

12 февраля 1946

Дорогой Василий Алексеевич.

Вы, вероятно, уже знаете, что А.И. Коновалов заболел (это не для огласки). У него было что-то вроде легкого удара. Но врачи почти не сомневаются, что это пройдет бесследно. Он лежит или сидит в кресле дома. Мы с женой часто у них бываем.

Ал[ександр] Ив[анович] говорит почти так же, как до болезни, может переходить из комнаты в комнату. Однако писать ему было бы трудно. Поэтому он просил меня принести Вам его извинения. А[лександр] Ив[анович] прочел мне Ваше письмо и ознакомил с ним ближайших друзей. Просил нас высказать Вам свое мнение по поводу некоторых затронутых Вами вопросов. Я не думаю, чтобы Вы возражали против того, что с этими интереснейшими письмами (а также с письмом Керенского) ознакомились Зензинов, Николаевский, еще два-три человека. Во всяком случае, на этом настаивал Александр Иванович. По его просьбе мы их «обсуждали». Вероятно, и Вла[димир] Михайлович [Зензинов], и Бор[ис] Иванович [Николаевский] Вам напишут подробно. Лично я думаю, что Вам на месте виднее, как поступать. Если же Вам мое суждение может быть интересно, то скажу лишь следующее: 1) думаю, что ни Вы, ни остатки Вашей группы не должны выпускать листовки с признанием того, что визит 12 февраля был ошибкой: пользы от этого никакой не было бы, а Вы только усилили бы опасность своего положения (ведь у Вас все возможно). Впрочем, Вы лично думаете, что в той обстановке акт этот ошибочным и не был. Вероятно, ошибкой его считают Абрам Самойлович и особенно Михаил Матвеевич? Другие, должно быть, с ними не согласны. Но если бы на этом сошлись даже все (разумеется, кроме Ступницкого, который с Вашей группой давно порвал), то я не знаю, зачем может быть нужна листовка; 2) я на месте политических эмигрантов советского паспорта НЕ брал бы: вижу минусы от такого акта и не вижу никаких плюсов.

В Вашем письме к Николаевскому меня поразила фраза: «Для меня нет сомнения, что мы здесь не избежим катастрофы и что здесь до нас доберутся, как добрались до П.Д. Долгорукова{363}»! Меня трудно превзойти пессимизмом — но Вы превзошли. Со всем тем такую возможность и я не считаю совершенно исключенной. Отсюда конкретный вопрос к Вам (о нем пока прошу никому не говорить): хотите ли Вы, чтобы мы достали америк[анские] визы человек на десяти? Это чрезвычайно трудно, да и работу теперь здесь найти гораздо труднее, чем было прежде. Однако мы пустили бы в ход все связи. Предвижу Ваш ответ, но думаю, что наша обязанность Вам это предложить, — Вам и еще нескольким лицам. Пока пишу только Вам и еще раз прошу это держать в совершенном секрете от всех. Мы пока хлопочем только о К. Солнцеве{364}, который просто хочет переселиться сюда (не думаю, чтобы ему грозила опасность). Сам я все-таки съезжу к Вам, если получу обратную визу, о которой мы теперь хлопочем. Думаю, что опасность, которую Вы предвидите, не дело ближайших месяцев. Допускаю и то, что она

вообще не так велика.

Теперь дела литературные. Сердечно благодарю Вас за интересный и тонкий отзыв об «Истоках». Как Вы пишете, Ваша критика имеет в виду исторический роман вообще. У этого литературного жанра есть, конечно, большие недостатки, но ведь он включает в себя, как часть в целое, и роман — просто наряду с историческими лицами появляются лица вымышленные, с которыми автор волен делать, что ему угодно. Затем так ли верно, что у каждого исторического лица есть «канонический образ»? Я писал когда-то, что «суда истории вообще нет, — это миф: есть суд историков, который меняется каждые 25–50 лет; да и в течение одного периода они во всем между собой расходятся: ведь «беспристрастные историки» есть во всех партиях. Без всяких сомнений, мое изображение того или иного исторического лица может быть оспорено, но то же самое верно в отношении профессиональных историков, даже больших. Разве не оспаривался Цезарь Моммзена{365}? Разве не оспаривались знаменитые характеристики (царей) Ключевского{366} (которого, впрочем, при мне покойный Павел Николаевич [Милюков] называл историком невежественным{367}, отдавая должное его большому изобразительному таланту)? Извините, что называю знаменитые имена как бы по поводу своего романа. Поверьте, что я себя с ними никак ни в малейшей мере не сравниваю, — это было бы глупо. Могу только о себе сказать, что я литературу о выведенных мною исторических лицах изучал добросовестно и потратил на это годы, — иногда и без всякой пользы (так, я месяца три потратил на перечитыванье Ницше{368} и на изучение литературы о нем, а затем отказался от мысли его вывести в «Истоках», так как пришел к выводу, что он «истоком» не был: общее место о том, будто он был предшественником национал-социализма, показалось мне вздорным и нелепым).

Мы все-таки убедительно просим Вас дать нам возможно скорее и другие главы из книги, и то, что будем условно называть «исповедью». По совести, я не думаю, чтобы Гордон выпустил Вашу книгу. Я с ним об этом не говорил, — это только мое предположение, основанное на том, что издание книги в 400 страниц (1000 экз[емпляров]) здесь обошлось бы в 1300–1400 долларов, и она окупиться не могла бы, как не окупается и «Новый Журнал», хотя мы продаем больше тысячи экземпляров. Издать Вашу книгу, вероятно, можно будет позднее в Париже или в Шанхае. Здесь же все русские книги приносят убыток.

Гордон послал свой экземпляр Вашего первого тома Михаилу Михайловичу, который подтвердил мне, что напишет отзыв для 12-ой книги{369}. Рукопись Вашу, пожалуйста, пошлите ему: он

редактор.

Нам всем чрезвычайно приятно то, что Вы пишете о «Новом Журнале». С Вашей высокой оценкой статей Тимашева{370} я вполне согласен. Что до Федотова, то я вполне признаю его блеск, но не скрою от Вас, что мне его статьи не слишком приятны{371}. Не касаюсь того, что лет восемь тому назад он писал в журнале Керенского восторженные статьи о Пассионарии{372}. Переменить взгляды имеет право всякий. Однако я не могу понять, зачем русскому журналу призывать к гегемонии Англии, когда к этому не призывают и английские журналы (вдобавок, это и совершенно нереально: время английской гегемонии в мире кончилось; вступил в силу закон больших чисел: 140 миллионов населения С. Штатов и их сказочное богатство, и 170 (теперь, быть может, впрочем 150?) миллионов населения России. А главное, написаны статьи Федотова так, что недоброжелатели наши могут делать из них вывод, будто он призывает к войне{373}. К войне — теперь! По-видимому, атомная бомба еще не вошла в сознание наших публицистов. Они к этому относятся приблизительно так, как в 1914 году относились к появлению у немцев 42-сантиметровой мортиры. Между тем в августе прошлого года началась новая эра в истории. Впрочем, формального призыва к войне в его статьях, к счастью, нет: против этого я решительно протестовал бы (редакционная оговорка к его последней статье сделана по моему настоянию). Война, может быть, и будет, но по сравнению с этим апокалиптическим бедствием все отходит на второй план: все лучше, чем будущая война.

Мы могли бы Вам дать 3–4 оттиска Вашей статьи. Если этого мало, мы закажем.

Шлю Вам самый сердечный привет и самые лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов

Со всем тем, если Гордон Вашу книгу издаст, то Вы правы: тогда отдельные главы печатать не следует.

Машинопись. Подлинник.

HIA. 2-13.

М.А. Алданов — М.А. Маклаковой, 20 февраля 1946

20 февраля 1946

Многоуважаемая Мария Алексеевна.

Очень рад был Вашему письму. Я во всех своих первых письмах к Василию Алексеевичу справлялся о Вашем здоровье (знал о том несчастном случае) и просил его передать Вам мой и моей жены сердечный привет. Позднее Александр Иванович (Коновалов) объяснил мне, что Василий Алексеевич никогда приветов не передает и смотрит на это, как на *«Veuillez agréer»* и

т. д. Зато мне сообщали о Вас другие, в том числе и моя сестра.

Вы совершенно напрасно — и уж, конечно, чрезмерно — нас благодарите за посылки. Мне было просто совестно читать и больно, — знаю, как голодно приходится в Париже. Большое спасибо Вам за то, что Вы сообщили, какие именно продукты нужны. Тотчас по получении Вашего письма мы отправили Вам две посылки: одну стандартную «Нового Русского Слова», другую по особому заказу, куда вошли два фунта жиров, сыр и разные виды сладкого. Я тоже, как Василий Алексеевич, очень люблю конфеты, варенье, шоколад и т. д. *Не все разрешается посылать.*

О нас Вы все знаете, — не о нас лично (тут и знать нечего), а обо всех бывших парижанах. О громадном большинстве из них можно с уверенностью сказать, что они во Францию не вернутся. И здесь не слишком сладкая жизнь, многие ею тяготятся, но в Париже никому из нас делать нечего. Подумывает о возвращении Коновалов и если он будет здоров, то возможно, что и уедет к Вам. А. Ив. мне не раз говорил, что считает себя обязанным доставить Анну Фердинандовну в ее страну{375}, чего бы это ему ни стоило. Теоретически говорят о возвращении Зензинов, Николаевский, Цетлина. Мы съездим с женой в Париж, чтобы увидеть родных и друзей, — и печально вернемся доживать свой век в Нью-Йорк. Причины Вам объяснять не надо: они понятны.

Очень давно не имели мы известий от С.Г. Пети. Вероятно, Василий Алексеевич ее видит. Не случилось ли с ней чего-либо? Она из самых старых наших друзей.

Вы пишете, что «окружены зверьми». Неужели все это из-за «визита»?! Могу Вас уверить, что если Василий Алексеевич и Вы приедете сюда, то встретите ото всех самое лучшее отношение. Многие (в том числе и я) считают визит ошибкой, но, кажется, я здесь ни от кого отрицательного отзыва о Василии Алексеевиче ни разу не слышал. Не так давно (с большим опозданием) здесь был Татьянин обед, под председательством кадета Г.И. Новицкого{376}, которого, быть может, В.А. помнит по Петербургу. Собралось человек сорок-пятьдесят, обед был хороший, и было весело (что случается с нами не часто). Я предложил тост за Василия Алексеевича, и он был покрыт долгими рукоплесканьями. Между тем преобладали на обеде люди, «визиту» не сочувствовавшие. Ко мне подходили люди и спрашивали, что Василий Алексеевич, имею ли я от него письма и т. д. Собственно только два тоста за «иногородних» и было: другой — за Бунина. Следовательно, оба за знаменитых москвичей. Года два или три тому назад мы пили еще за Павла Николаевича.

Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет и

самые лучшие пожелания.

Я написал Василию Алексеевичу 12 февраля, — надеюсь, письмо дошло.

Извините меня (хоть я никогда не мог понять, почему в этом приходится просить извинения): я все письма *пишу* на машине, у меня очень плохой почерк.

Машинопись. Копия.

BAR. 6. F. Letters to V.A. Maklakov from M.A. Aldanov, 1945–1950.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 21 февраля 1946

ПАРИЖ, 21 Февраля 1946

Дорогой Марк Александрович,

Спасибо за успокоительное известие о А.И.К. Здесь это уже знали от Е.Д.К., которой написал Б.И.Н. В газетах не было ничего. Постараемся, чтобы не было, но такие старания в «чужих» газетах рискуют привести к результатам обратным.

Конечно, я не возражаю против сообщения моих писем, кому хотите из близких людей. Только бы не попадали в газеты; репортеров боюсь, даже благожелательных.

Вопрос, который я ставил, остроту потерял. Никакой «оффенсивы мира» ждать не приходится. Сейчас везде «течение встречное». И бесполезность листовки так очевидна, что об этом более не говорят.

Вы затронули мимоходом интересный вопрос: считаем ли мы наш визит 12 Февр[аля] ошибкой. Здесь стал выходить непериодический сборник «Свободный Голос» под редакцией В.А. Лазаревского{377}; редакционный комитет от СП. Мельгунова до Карташова{378}. Там статья под заглавием «Прискорбная годовщина»{379}. Это — 12 Февраля 1945 г. Такое преувеличение только смешно. *Я никогда не слыхал от А. Ан. или Мих. М., чтобы они визит считали ошибкой.* Не визит был ошибкой, а надежда, которую мы с ним связывали. Они еще не хотят «примирения» и «соглашения». Почему мы думали, что они сами хотят этого, чем они ввели нас в соблазн, я бы мог, но сейчас не хочу объяснять. В этом мы, конечно, ошибались. И когда поняли, что они хотят не примирения, а капитуляции, мы, естественно, остановились, ибо капитуляции никогда не хотели. Наши иллюзии вреда никому не причинили: не могу же я думать, как мне писал Мельгунов еще до визита, что одни наши листовки понизят революционное настроение в СССР? Чтобы самый наш жест считать ошибкой, надо утверждать, что делают и Мельгунов, и Деникин{380} что все остальное по-прежнему, что в СССР ничего не переменилось. Такое утверждение допустимо только как риторика. В эпоху «Столыпинской реакции» после 17 Октября{381} многие

утверждали, что в России ничего не переменилось со времен Александра III[382]. Что в СССР сейчас много мерзости, это бесспорно; и долг эмиграции был бы это показывать. Но что она на пути выздоровления, что в ней много меняется и изменится, я и сейчас не сомневаюсь. Что они не хотят ускорить этот процесс, необходимый для них же — это такая же их ошибка, как и их теперешняя внешняя политика. Но было полезно показать, что если бы они это сделали, то они нашли бы отзвук в эмиграции.

Это и был смысл нашего визита: показать, что среди эмиграции есть люди (мы были бы рады сказать «большинство»), которые не пойдут на капитуляцию (как Патриоты[383]), но и не будут говорить: «пока теперешняя власть не падет, не будет новой революции, мы останемся непримиримыми». Это не наша позиция. Для меня она неприемлема, т. к. и в прошлом она вела к неприятию конституции 1906 г., к нежеланию поддержать Витте в 1905 г., к непримиримости к Столыпину во 2-ой Думе и т. д. Это мой старый спор, и, как верно сказали и Вишняк, и Чернов[384], я был всегда за согласие, и потому наш жест ошибкой считать не могу. Если после войны не признавать советской власти законной властью, то какие же пути у нас оставались для борьбы с нею. Или, как думал *Деникин,* Добровольческая армия. Мы ошиблись в суждении об их планах. Но для пересмотра нашего отношения успех войны дал такой повод, который мы больше уже не увидим. Ошибкой был не визит, а превращение его в полную капитуляцию, как это сделали некоторые из его участников. Но мы с ними и разошлись. Но *довольно* об этом, и я не хотел бы, чтобы Вы неправильно расценивали мою *фразу* в письме к Б.И. о катастрофе во Франции. Я думаю, что ее не избегнуть; что Франция не обойдется без гражданской войны и диктатуры — правой или левой. А этой диктатуре будет предшествовать эпоха безвластия, полного разочарования в демократии, в законности и свободе. Разъяснять и доказывать это сейчас не могу. Но ужасно, что эти начала компрометируют те, кто им хочет служить и кто усваивает все приемы противника. Это ведет к катастрофе. В период безвластия и государственного разложения до нас добраться легко, и охотники найдутся. Это будет так же нелепо и случайно, как все, что сейчас происходит. Размеры и время этого очень неопределенны и не зависят от нас. И, кстати, исполняю Ваше желание и пока никому не скажу про Вашу готовность помочь. Слишком многие ею бы захотели воспользоваться. Тяга отсюда громадная. Мы ежедневно снабжаем десяток людей паспортами, хотя их никуда не пускают. За предложение искренно благодарю, как за дружбу, но что бы здесь ни было, я

никуда не уеду. Не только я чувствую себя в положении капитана, который с корабля слезает последним, но, главное, в мои годы прятаться, чтобы спасти свою уже ни на что ненужную жизнь — ридикюльно. А я под конец смешным быть не хочу. Теперь литература.

Вы правы, что Гордон ничего не напечатает. Он обратился сюда к Зелюку{385} с предложением ему здесь напечатать. Ясно, что это невозможно пока. А если так, то можно печатать в «Новом Журн[але]», сколько Вы сами захотите. Я пошлю (если цензуры больше нет) Карповичу всю вторую половину, т. е. с X по XVII главы. Пусть выберет то, что захочет. Мне выбора делать не хочется; я настолько чувствую связанность всей книги, что самому ее раздроблять будет тяжко; да я и не уверен, что отдельные главы могут быть интересны. Буду Вам благодарен, если Вы мне дадите побольше оттисков, т. е. штук 15–20, если это не трудно. Но если трудно, не надо.

А что касается до «Исповеди», то я там кое-что переменил; но остаюсь при своем мнении, что ее лучше печатать одновременно с моим некрологом, т. е. когда все можно свалить на наследников. Ведь эту статью можно так перетолковать, что не только Вишняк ей поперхнется; к чему же тревожить людей.

Последнее слово об *«Истоках»*. Мой протест — теоретический. Я исторические романы очень люблю как литературный жанр. Ведь для этого нет необходимости показывать в них действительных исторических людей. Они *должны* стоять вдалеке и обнаруживаться только бесспорными своими сторонами и столь же бесспорными действиями. В лицах вымышленных автор совершенно свободен; и самый исторический интерес, конечно, может быть в них, вымышленных. Мне кажется, что я знаю и Кременецкого, и Мамонтова так же, как знаю Ростова, старика Болконского, Денисова, Безухова и др. Но когда Толстой говорит о Наполеоне и Кутузове и изображает их по-своему, я рефлективно протестую. Если даже он прав и художники, может быть, правильнее выводят историю, то я невольно смотрю на это как на самовольное их искажение. Вы правы, что историки меняли оценку; но, меняя оценку, ее надо мотивировать, и доказывать, и объяснять. Иначе остается впечатление произвола. Я не могу Вас упрекать в искажении; следы изучения эпохи видны даже в мелочах. Ваш Бакунин, Достоевский таковы, как их изображает историография; но я испытываю какую-то неловкость и сомнение: по какому праву Вы данными лицами распоряжаетесь также свободно, как Вашими созданиями? И это сомнение мешает удовольствию чтения. Другие, впрочем, именно это и любят. Потому признаю, что это,

м. б., глупая претензия с моей стороны.

Ваши народовольцы показаны так вскользь и еще так мало известны большой публике, что с ними я помирился, как мирился с вольным изображением Годунова и Шуйского{386}. Иначе я запротестовал бы и за них. Но Вы правы — история их пока и не показывала; выводили их или *Степняк* или *Маркевич.* Поэтому-то живых людей мы не знаем, и Ваше хозяйничанье ими не вызывает протеста.

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Parisjan. 1946 — July 1946. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

В.А. Маклаков — М.М. Карповичу, 20 марта 1946

20 Марта 1946

Дорогой Михаил Михайлович,

Я получил вчера Ваше письмо и тотчас отослал заказной бандеролью то, что было приготовлено к отправке, т. е. последние 5 глав (XII–XVI). Пошлю Вам еще X и XI, раз Вам интересно их прочитать.

Я лично думаю, что поколению, которое помнит это время, как Вы, обе книги о Думе должны быть интересны и, главное, полезны. Потому с удовольствием посылаю их для прочтения. Очень жалею, что едва ли увижу свою книгу напечатанной. Нас слишком мало, чтобы печатать ее для нас она, конечно, не интересна. И если мне так хочется видеть ее напечатанной, то больше всего по настроению Пимена:

Исполнен долг, завещанный от Бога мне грешному…{388}

Я, конечно, не смог исполнить всего, о чем когда-то мечтал, т. е. довести воспоминания до Революции, но все-таки я довел их до 3 июня{389}. Война помешала сделать это вовремя, а сейчас скоро пойдет в Европе такая катавасия, что будет не до того.

И когда Вы мне написали, что, м. б., возможно было бы напечатать у Вас и всю книгу, Вы очень меня заинтересовали. Думаю все-таки, что это невозможно. Мне это предлагал Гордон, потом жена профессора Юркевича{390}, но все это представляется неделовыми предложениями. Но не хочу себя потом упрекать, что я не использовал возможностей и потому сообщаю Вам для сведения.

Во-первых, что я абсолютно никакого вознаграждения за книгу не хочу; даю ее даром, за несколько авторских экземпляров.

Во-вторых, что в ней 395 страниц такого формата, как те листки, которые я Вам посылаю.

Если она слишком длинна, то я могу без особого труда выбросить одну или две главы из времен междудумья, что книгу

сократит страниц на 30.

Но если печатать ее по главам, то отдельные главы для меня интереса не представляют, кроме той вступительной главы, которую Вы печатаете, и к печатанию их я равнодушен.

Если можно что-либо сделать, буду очень рад и благодарен; может быть, Вы пойдете в контакте с Гордоном, который сначала было загорелся и все же некоторый опыт имеет.

Особо стоит вопрос Исповеди. Я Вам ее пришлю, но не для печатания. Вас, наверно, соблазняет заглавие; но оно совершенно не точно. Книга — результат наблюдений и размышлений над кризисом «демократий» с попыткой не только критики, но и конструкции. Я имею слабость думать, что в моих размышлениях есть много верного и в моем черносотенстве — передового. Но на эту тему можно было бы писать книги; я же втискивал все в одну главу несуществующей книги — и боюсь уподобиться Ляпкину-Тяпкину, который своим умом дошел до «сотворения мира». Поэтому это «шалость», а не труд. Я Вам пришлю ее после. Я думаю, что ее можно печатать только после смерти автора. Но мнением Вашим о 2-ой Думе очень интересуюсь. Прочтя 10–16 глав, Вы, в сущности, поймете всю ее «экономию», как говорят французы; жалею только, что Вы не прочтете II и IV глав. Я их пришлю, если заинтересуетесь всей книгой.

Машинопись. Копия.

HIA. 2-13.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 23 марта 1946

23 марта 1946

Дорогой Василий Алексеевич.

Немного отложил письмо к Вам, так как ожидался консилиум у А.И. Коновалова. Он вчера состоялся, и местная знаменитость сказала, что выздоровление идет нормально и хорошо. Мы у них часто бываем.

Ваше письмо от 21 февраля было чрезвычайно интересно. Очень мне были интересны и Ваши тонкие замечания об условности исторического романа. Спасибо за отзыв, очень-очень меня порадовавший, что Вы видите и знаете Кременецкого и Мамонтова. Сердечно благодарю.

12-ая книга «Нового Журнала» выходит через неделю и, конечно, тотчас будет Вам послана. В ней Ваша статья, а также рецензия М.М. Карповича о Вашей книге{391}.

Надеюсь, о дальнейших Ваших статьях Вы уже говорили с Мих[аилом] Михайловичем. Вы сказали, что пошлете ему всю вторую половину книги. М.М. был здесь недели три тому назад — тогда он еще рукописи не получал. Если Вы все-таки решите дать «Исповедь», — очень обрадуется.

Мы заказали и пошлем Вам 20 оттисков Вашей статьи в 12-ой книге.

О политических событиях писать тяжело. Сегодня, после ответа Сталина на вопросы американского корреспондента{392}, газеты приняли успокоительный тон. Я склонен думать, что это линия Гитлера — минус решительный шаг. Если бы Гитлер, проглотив Австрию и Чехословакию, в последнюю минуту не решился напасть еще и на Польшу, то войны не было бы. Надеюсь, что Сталин перед решительным шагом остановится и отступит, благо в России и дипломатическое поражение очень легко изобразить как блистательную победу: кто посмеет возражать? Той каплей, которая переполнила бы чашу, могла бы быть скорее всего Турция. Не дай Господи! Как физико-химик, я понимаю, что такое атомная бомба.

У Вас, по-моему, катастрофа могла бы случиться только при прямой поддержке Москвы. А если войны не будет, то я не вижу, как поддержка могла бы быть оказана? Все же ничего нельзя считать исключенным. Не скрою, я предвидел Ваш ответ на слова о визе сюда.

Надеюсь, Марья Алексеевна получила мое ответное письмо. Мой искренний привет ей от Татьяны Марковны и от меня. В апреле выяснится вопрос о нашей обратной визе в Америке и о приезде во Францию. Хочу думать, что до того времени у Вас ничего не произойдет. Разве только выборы превзойдут по результатам все ожидания.

В здешней французской газете «Виктуар» появилась на первой странице негодующая статья под названием «Позор»: сообщается, что половина отправляемых отсюда посылок во Франции похищается, а во многих других из И фунтов продовольствия остается два-три! Вы понимаете, с какими чувствами мы это читаем. Всех (и Вас) поэтому прошу по получении посылок подтверждать их приход. Шлем Вам сердечный привет и лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-13.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 29 марта 1946

Париж, 29 Марта 1946

Дорогой Марк Александрович,

Я расстроился с переписчицей и потому пока пишу только несколько слов. Прежде всего хочу поблагодарить за посылку (стандартную), которую получил три дня назад. Спасибо. Много посылок пропадает, но те, что доходят, доставляют большое удовольствие.

Вашего оптимизма насчет Франции не разделяю. Вы думаете, что катастрофа может быть только от Москвы, а Москва от войн [так!]. Но без всякой войны Москва уже здесь; да она всюду зарождается самопроизвольно. Вы бы почитали парламентские дебаты в Конституанте по поводу прав человека. Как там доказывали, что свободы печати не нужно. Эррио{393} произвел сенсацию, заговорив о правах человека. Это старомодно. По теперешним взглядам свобода допускается только для правительственных сторонников, а для выборов есть средство объявления «инелижибельности»{394}. Все элементы для создания и здесь единой партии налицо имеются.

Положение Франции бесконечно трудно; наследство немцев в душе человека не изгладилось. К правительству нет ни общего доверия, ни уважения, а в нем самом, благодаря разнородности, *нет* ни веры в себя, ни *умелости.* А главное — все это идет все хуже.

Я с большой отрадой прочитал в «Социал[истическом] Вестнике» статью Церетели; что свободу личности «Соц[иалистический] В[естник]» ставит на первый план, перед планированным хозяйством{395}. Если бы это было так у всех социалистов! Но во Франции пока этого нет, кроме как в речах Блюма{396}. Недаром они сейчас забавляются национализациями. На деле нет уважения к правам ни человека, ни меньшинства, ни противника. Все это подготовляет нас к диктатуре. Думаю, недолгой, но все же диктатуре, а вернее, диктатурам, сначала левой, а потом правой. А раньше диктатуры будет анархия. Не решаюсь пророчествовать, к какому времени Вы поспеете; вернее всего к анархии, когда будут «грабить награбленное».

Можно приспособиться ко всему, и мы начали привыкать к нашему режиму, столь противоречащему рецептам Атлантической Хартии{397}. Но когда кто-либо отсюда попадает в нормальные страны, Швейцарию или Швецию, он возвращается обновленным. Очевидно, нечто в меньшей степени испытывают советские люди, попадая в Европу.

С Карповичем я списался непосредственно. 19-го марта послал ему заказной бандеролью последние пять глав (12–16). На днях вышлю еще. Но, по правде сказать, печатание отдельных глав меня интересует мало. Хотелось бы напечатать всю книгу. Но это, очевидно, невозможно.

Чтобы понять Францию, надо помнить, что после разгрома 40-го года она пала духом и почти вся подчинилась немцам, хотя скрепя сердце. Только позднее они сумели ее оттолкнуть, и начался Резистанс как серьезное и массовое движение. Многие заведомые друзья немцев афишируют свой патриотизм и

перекрашиваются. Но все почти под подозрением. Отсюда общее взаимное недоверие. Это зло не изжито и все деформирует. Вспомните, как в «Ключе» охранники превратились в «большевиков». Этот разврат и здесь. И оттого «освобожденная Франция» не имеет ни энтузиазма, ни достойного вида.

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Parisjan. 1946 — July 1946. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 2 апреля 1946

Париж, 2/4/46

Дорогой Марк Александрович,

Я писал Вам два дня назад и в тот же день получил Вашу вторую посылку, не стандартную, и исключительно интересную по существу. Спешу Вас об этом уведомить, т. к. пропажи посылок, к которым мы давно привыкли, по-видимому, начинают и Вас беспокоить. Между прочим, я сегодня на панихиде по Милюкову узнал, что двое лиц — Зеелер{398} и Гершун{399} — обращались с официальными жалобами на пропажу возвещенных посылок в разные города и получили оба тождественные разъяснения, что почтовое ведомство за пропажу не отвечает. Это характерно; вся надежда остается на добросовестность, что в наше время наивно. Но как-никак посылки все-таки доходят, и за них большое спасибо.

На той же панихиде я встретил Полонского и не мог узнать о Вашем приезде больше, чем знал сам. Но торопитесь, т. к. ручаться за будущее невозможно.

Правда, я пессимист по принципу, но сейчас здесь нет данных для оптимизма. Мне обидно смотреть на то, что происходит. Это чудо, что Франция все-таки уцелела; можно было ждать ее полной гибели, а теперь, когда она могла воскреснуть, она свое неожиданное счастье как будто нарочно, из озорства, проигрывает. На днях было довольно интересное и, главное, поучительное собрание, где говорилось о современном мировом кризисе и способах из него выйти, и пришли к альтернативе: или диктатура, или нагорная проповедь. Среднего нет. По крайней мере, это среднее — демократия — так себя здесь дискредитировала, что на нее трудно надеяться. Тут демократию начинают понимать, как возможность каких-то партийных коллективов, кот. к власти проникают только обманом, а удерживаются у ней только насилием. При таких настроениях надо или появление нового Христа с его проповедью, или идолопоклонство перед Лениным, Сталиным или Гитлером. Первым последствием этого будет крушение теперешней власти и

затем появление диктатора или диктаторов. И никто не сможет предсказать, откуда он выйдет; это может оказаться большим сюрпризом.

В ожидании этого я мысленно собираю свои пожитки, хотя *никуда уезжать* не собираюсь. Мне хотелось бы, *по старческой слабости, чтобы* последнее дело моей жизни не пропало. А потому решил переслать в Америку мою рукопись о 2-ой Думе. Может быть, всякий интерес она потеряла, но это пусть решают уже после меня. Я же с моей стороны только спасаю ее от гибели. Первую порцию — 5 глав — я послал заказной бандеролью 19-го марта. Я ждал, чтобы ее послать, ответа Карповича. На днях пошлю еще несколько глав. А для присылки первой половины — надо переписать несколько страниц *(12),* для чего сейчас нет моей переписчицы. Так вот, если тут будет анархия, подержите рукопись в Америке, а если можно будет когда-нибудь, ее напечатайте.

Мне стыдно Вас беспокоить, да и дело может быть того не стоит. Но хотелось эту последнюю рукопись куда-то пристроить и ждать событий без суеты и торопливости. Когда-то мне хотелось дождаться до разгрома Германии; этого я дождался. Остальное уже будем запрашивать у судьбы.

Но, может быть, это будет еще и не завтра. Во Франции, и в этом доля ее шарма, возможны всякие сюрпризы, и плохие, и хорошие.

Между прочим, к Вам в Америку может быть приедет один интересный и осведомленный писатель; пока не называю его имени — еще нельзя. Об нем я писал Николаевскому, тоже без имени, с конспиративным приемом разорванной бумажки. Если все это выйдет, обратите на него внимание. Лично я его никогда не видел, но по тому, что слышал, он исключительно интересен.

Как все совершается по проторенным путям. Здесь Франция идет прямой дорогой к «самодержавию», «единственной партии» и к полному пренебрежению к «человеческим правам». И этого она не понимает сама. Неужели и англо-саксонцы сдадут свои позиции и соблазнятся перспективой «воли» и «власти» — над свободой и правом. Неужели Ленин, Сталин, Муссолини и Гитлер в конце концов будут победителями.

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Paris, Jan. 1946 — July 1946. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 27 апреля 1946

27 Апреля [1946{400}]. Париж

Дорогой Марк Александрович,

Тороплюсь Вам ответить на Ваше письмо, чтобы устранить одно недоразумение. Я действительно начал получать Н.Р.С., получил две недельные пачки и не знал, кто мне это устроил. Я ведь в свое время просил об этом и Вельмина{401}, и Бахметева{402}, и Аджемова{403}. Аджемов мне написал, что мое поручение исполнил, но т. к. их было несколько, то я не знал, к чему это относилось.

О Вашем письме я слышал, но его не видел. Альперин, которого я пригласил в Эмиг[рантский] Ком[итет] вместо Штерна, был у нас на той неделе, но письма не показал. Тер все собирался ко мне зайти, но забежал только забрать стеногр[амму] отчета по делу Бейлиса{404}, т. к. увлечен мыслью о фильме на эту тему. Словом, Ваше письмо до меня не дошло. Буду ругаться, но Тер не очень здоров, и мы его не обижаем.

Выборам в Италии, конечно, все были рады, и «пессимисты» казались посрамленными. Но 30 % процент все же не малый. А главное в том, что сейчас коммунисты без стыда изображают себя партией не насильников, а всех недовольных. А таких не только много, но боюсь, что они будут расти. Сужу об этом по Франции. Неладно здесь в антикоммунистическом лагере.

Письмо Кровопускову{405} передал.

Я рад, что моя статья не показалась Вам «бессмыслицей». Я вовсе не настаиваю на ее напечатании, т. к. признаю, что на такие громадные темы следовало бы написать что-то более обдуманное и глубокое. Но я написал ее как маленькую заметку и не могу отступить от первоначального плана. Впрочем, я совершенно переделал конец уже после Вашего отъезда. Пошлю его, если вообще К[арпович] станет печатать.

Что такое было с А.Ф.? Я не разобрал его почерка в тех местах, где он говорит о своей болезни. Что с ним? Здесь много носятся с планом о создании Русского Национального Центра. Но пока за это дело берутся совершенно неподходящие элементы, для которых я кажусь таким «революционером», что со мной надо покончить. Больше всего орудует Чаплин{406}, который когда-то арестовал Чайковского{407}. Есть среди них и те, кот. работали у немцев и сейчас искупают свои вины. Но что меня поразило, это то, что они действуют не только от своего имени, но и от других. Замешали в это дело Саблина{408}, кот. мне писал *негодующее* опровержение, а потом с ним случился удар, и он опровергать уже не может. И последняя новость: они выставляют *своими сотрудниками* в Америке Бахметева, Штрандтмана{409} и Сергиевского{410}. Хотелось бы знать, в чем здесь та правда, кот. бывает и во всякой лжи? Вообще нездоровая атмосфера во всякой общественности, и французской, и русской. Удобное время для

всяких перевертней. *Ибо все теперь возможно.*

Е.Н. [Штром{411}] очень переутомилась (у нее *была опасно больна сестра), и она* преждевременно уехала в отпуск.

Удивительно, как это людям кажется просто: «объявить» себя представителями Национальной России, найти поддержку в правительстве (поступив во 2-е bureau, или заведение Serrot [так!], или другое аналогичное учреждение) и защищать «национальные] интересы России». И таким закулисным путем кое-чего добиваются. Сейчас это энергично делают «украинцы» против России.

Поклон Т.М.

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 5-28.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 8 мая 1946

8 Мая 1946

Дорогой Василий Алексеевич.

Михаил Михайлович сообщил мне, что Вы прочли статью Вашу и не слишком недовольны двумя опечатками. От него же я знаю: 1) что Вы не можете еще решить, в каком порядке печатать в «Новом Журнале» Ваши главы (это очень досадно: Карпович не прислал поэтому типографии ни одной, отложив помещение их до следующей книги), 2) что намечается возможность издания всей книги при поддержке Фонда Б.А. Бахметева. Я чрезвычайно этому рад, но надеюсь, что Вы до выхода отдельного издания проведете ряд глав через «Новый Журнал». Вы, верно, знаете, что в «Новом Русском Слове» помимо общей рецензии о публицистическом отделе журнала появилась отдельная статья редактора о Вашей главе{414}. Само по себе это, конечно, неважно, но это свидетельствует о том интересе, какой вызвали Ваши мысли. Могу и от себя сказать, что они вызвали ожесточенные споры.

Я получил письмо от Марии Алексеевны, в котором она сообщила о Вашем нездоровье. Слава Богу, что все прошло благополучно. Но не нужны ли Вам какие-либо лекарства? Если простые (т. е. без рецептов), то я мог бы их вложить в очередную посылку, как уже делал не раз (посылал сестре, теще, друзьям — и доходило). Впрочем, об этом лучше напишу Марье Алексеевне. Может быть, и продукты питания Вам *теперь* нужны какие-либо особые? А если Марья Алексеевна сама мне об этом напишет, не дожидаясь моего письма, я буду очень рад, — предполагал написать ей в ближайшие дни.

На днях вылетает в Париж б[ывший] присяжный поверенный Абрам Яковлевич Столкинд{415}. Он с Вами знаком еще по

Москве, но просил меня написать Вам о нем. Он очень любезный и обязательный человек. Я о нем написал и Бунину, и Полонскому. Едет он в Париж по делам — у него во Франции большое имущество — и скоро возвращается в С. Штаты. Вероятно, он Вам позвонит вскоре после приезда.

Понравилась ли Вам 12-ая книга журнала? Получили ли Вы оттиски Вашей статьи? М.С. Цетлина Вам их давно послала. Тираж все растет — будем печатать уже 1300 экземпляров вместо 1200. Но, к сожалению, еще быстрее растут типографские цены. Иначе «Новый Журнал» уже окупался бы.

С большим интересом я прочел (и читал другим) Ваши замечания о французских делах. Провал конституции чрезвычайно меня обрадовал{416}. Вчера долго разговаривал об этом с Анри де Кериллисом{417}. Он талантливый человек, но без царя в голове, и помешался на ненависти к одному французу{418}. Я же этого *военного* почитаю чрезвычайно, со всеми его недостатками и ошибками. Его дальнейшая судьба очень меня интересует — и беспокоит. Как Вы думаете?

Шлю Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-13.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову{419}, 11 мая 1946

Paris, 11 M[ая]1946{420}

Дорогой Марк Александрович!

Был огорчен Вашим письмом, т. к. надеялся увидеть Вас лично. А тут еще полное расстройство с переписчицами и принуждение писать от руки. Буду краток и систематичен.

1) Опечатки — дело привычное. Я пожалел только, что Вы (в журнале) не указали заглавия и содержания «книги». А заглавие главы, хотя для главы и точно — всей книге не соответствует. Если б Вы не выпустили последних трех строк текста главы, Вы бы это сами заметили. Но это нисколько не важно. Я не хотел сам выбирать главы для печатания и предоставил это журналу. Но главы посылал частями, и, как видно, не все получено. Но мне хотелось бы, чтобы редактор прочел всю книгу подряд, раньше чем выбирать.

2) Меня очень порадовал Карпович перспективой возможности издать всю книгу в Америке. Я ему уже написал, что у меня в Nat[ional] City Bank есть свои деньги, но не знаю сколько. Все же несколько сот долларов. Я вспомнил, что в Нью-Йорке — в банке Дрейфуса служит наш добрый знакомый Я.И. Каялов. Я ему напишу и попрошу узнать, сколько у меня денег. Это, б[ыть] м[ожет], поможет изданию, если затруднения в

деньгах. Не хотел бы печатать ее в «Возрождении».

3) Вас, м. б., удивит, что я так хлопочу об издании книги, кот., конечно, для большой публики интереса не представляет. Я себе само обольщения не делаю. Но я чувствую какой-то моральный долг вне сти в «историю» этого времени свои «наблюдения». И это тем более, чем более меня и мою точку зрения критикуют и осуждают. Не могу отделаться от впечатления, что эта критика и осуждения — результат предвзятости или недостаточного знакомства с фактами, и потому поверхностной их оценки. Она давно сформулирована в шаблонах очень упрощенных, кот. люди и довольствуются. Образчик такой критики дает и статья Вейнбаума{421}, о кот. Вы говорите, «Что такое Столыпин?»{422}. Когда-то нельзя было, не рискуя прослыть «изменником», считать его большим госуд[арственным] деятелем. От этой оценки Вейнбаум вполне отказаться не может. Но теперь на ней остановиться уже нельзя. Нельзя считать Столыпина только «льстящим» и угодником, а не государственным человеком, как полагали раньше. И отсюда его вывод: сначала Стол[ыпин] был крупным государственным человеком, и потом, под конец, стал угодником. Оба — и я, и Милюков правы. Тут есть какой-то проблеск нового отношения. А вот отношение к «дворцам» у Вейнбаума осталось прежнее. А это тоже поверхностно.

И когда я слышу такие суждения, мне и хочется припоминать и рассказывать все, что я видел и знал, а с этой «прямолинейностью» бороться. Вся жизнь, кот. мне пришлось наблюдать, это как волны, кот. все время качаются, приливают и отливают. И эта смена приливов и отливов и интерес, и разгадка жизни. И прилив необходим, и отлив, т. к. без одного не было бы другого. Борьба старого с новым, косность и упрямство одних и нетерпеливость других, борьба там, где могло быть согласие — какая-то вечная игра в поддавки, проигрывание выигранных положений, воскресение мертвых — это и есть подкладка «истории». Кто ее наблюдал, должен ее закрепить.

Я хотел написать Вам больше и разборчивее. Но мне помешали. Я хотел Вам сказать, что с большим интересом читаю Ваши «Истоки». Я, может быть, приписываю им не то, что Вас интересует, но я невольно вижу в них фотографии того же явления, кот. сам наблюдал и теперь, кажется, буду еще наблюдать. Это качание той же волны. Революционеры, либералы и старый порядок, status quo. Я беру назад то, что говорил про революционеров. Они в общем у Вас схвачены верно; может быть, и мелодия честности правильна. И как-то ясно чувствуешь, что все это (революционеры) было не только ни к чему, но вредно. Но

мне жалко, что Ваши герои «либерализма» так мелки и никчемны сравнительно с ними. Муравьев, Черняков, Мамонтов — что же из них могло выйти? Невольно думается, что были и более преданные и серьезные люди, кот. Вы не захотели показать. Александр И, Лорис-Меликов — ведь они развенчаны Вами. Все их мотивы — ничтожны. Или действительно других не было, и именно потому либерализм проиграл свое дело? Это ли Вы хотели сказать? Но в мое время серьезные деятели были в лице и Столыпина, и Витте, и Гучкова{423}, и других. И их не понимали. И мне хотелось их всех зафиксировать. Современникам трудно быть справедливыми; но быть справедливым есть самое интересное в жизни, особенно в конце ее, когда боишься «справедливостью» навредить.

Но когда же Вы приедете? Здесь нам дана отсрочка, но ненадолго. Не откладывайте приезд, если с этой мыслью не простились. C'est le moment ou jamais{424}.

Вы, очевидно, этого письма не разберете. Но не мог написать лучше и не могу отдать переписать.

Вас. Маклаков

А Вы очень правы насчет генерала{425}. Фигура не только значительная и интересная, но и оригинальная. Он не хотел идти по шаблонной дороге и mutatis mutandis{426} сыграть роль Монка{427}. Только с теперешним легитимным сувереном ему было труднее, чем с Карлом II{428}. Это современная драма всей законности, кот. он сам не понял.

Автограф.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Paris, 8 Dec. 1944 — 27 Aug.

1945. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

М.А. Алданов — М.А. Маклаковой, 16 мая 1946

16 Мая 1946

Многоуважаемая Марья Алексеевна.

Вы совершенно напрасно меня так благодарите за посылки. Нам и так неловко, оттого что мы живем в сытой стране.

Я на днях писал Василию Алексеевичу и спрашивал, не нужны ли ему какие-либо лекарства. Его нездоровье, слава Богу, прошло, но, говорят, во Франции вообще почти никаких лекарств нет? Если нужны вещи простые, выдаваемые без всяких рецептов, как йод, аспирин, висмут и некоторые другие, то я мог бы купить и вложить в очередную посылку. Пенициллин разлагается при температуре в 15 градусов (его военное ведомство перевозит в холодильниках). Правда, я моей сестре послал пенициллин, но это было поздней осенью, да и то, я думаю, он в дороге разложился. Надеюсь, что, в случае надобности, его все-таки

можно достать *в Париже* у американцев.

Последняя посылка Василию Алексеевичу состояла только из сладких продуктов. Знаю от сестры, что нужны еще супы в порошке. Если стандартные посылки не очень хороши, то, ради Бога, напишите откровенно, что именно Вам больше всего пригодится.

Надеюсь, что Вы сами здоровы. Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет.

Машинопись. Копия.

BAR. 6. F. Letters to V.A. Maklakov from M.A. Aldanov, 1945–1950:

65 carbons.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 31 мая 1946

31 Мая[19]46 г.

Дорогой Марк Александрович,

Вчера получил от Вас посылку со всякими баловствами до мятных карамелек включительно. Большое спасибо за память и подарки.

Пользуюсь этой оказией, чтобы прибавить несколько слов к прежним письмам.

Мне совестно, что мой пессимизм повлиял на Ваше решение отложить поездку сюда. Так мне сказал Полонский. Этого я не хотел. Я и теперь пессимист; *первое* голосование 5 мая мне доставило удовольствие, но пессимизма не рассеяло. Не рассеют его и выборы 2 июня{429}. Коммунисты и социалисты получат наибольшее число голосов; возможно, что на первом плане будут социалисты. Это не помешает им чувствовать себя ближе к коммунистам, чем к тем, кто правее их. А главное, правее их никакого единства нет, и все будут грызться. Поэтому медленнее, чем мы ждали, но коммунисты будут идти к временной полной победе. Коммунизму нужно победить, чтобы потерять обаяние. Но все будет зависеть от международных событий, которые учету не подлежат. А когда они победят, они будут держаться только силой и это *лучше других сумеют делать*. Потому это не так скоро, как мы думали; и Вы бы успели приехать *и вернуться*.

Теперь личные дела.

Т. к. я все-таки жду неблагоприятного поворота событий, то я рад, что моя рукопись в Америке. Если что случится — я покоен. Но т. к. хорошо бы ее напечатать при жизни, то я написал Карповичу и повторяю Вам, что ее можно печатать и здесь. Ни «Петрополис», ни Зелюк, ни ИМКА не могут. А берется Гукасов{430}. Он или, вернее, от него мне не раз предлагали издать мою книгу. На это я не шел; это придало бы ей не тот характер, который я хочу. Он понимает и не настаивает; но у него

сохранилась типография. Она принимает заказы и, между прочим, там печатают «Сов[етского] Патриота». Они берутся исполнить заказ, который получат из Америки. Карпович и Бахметев мне писали, что там нашли 600 долларов; а я от себя располагаю 400, что были у меня там. Для Америки этого мало; там издание обошлось бы, по словам Карповича, 1500 долл[аров]. Здесь же это стоит около 5000 лист; в моей книге 15 листов; значит денег достаточно, если только издатели согласятся печатать здесь, что удобнее для корректуры и если можно переводить из Америки. Я об этом раньше мельком говорил с Тхоржевским{431}, а теперь встретил его на похоронах Таганцева{432}, и он сказал мне, что дело можно сделать. Значит, все будет зависеть от Америки. Рукопись у меня здесь есть. Я хотел бы *там печатать от других* фирм, а не «Возрождения».

Зато послал Карповичу то, что Вы именуете «Исповедью». Три главы. Но их всего 4 главы. Последнюю главу пошлю в среду. Всего 40 страниц. Я буду ее через неделю читать в собрании «Северной Звезды»{433} с приглашенными. Ей там придумали и заглавие: «Парадоксы современной демократии». Посмотрим, будет ли она интересна. По тому, что уже отослано, Вы можете судить, стоит ли ее печатать. Я за нее не стою; писал ее сначала не для печати; хотя она очень актуальна и в ней есть, о чем подумать, но никакого вклада ни в историю, ни в политику она не внесет. Это игра ума, которой я забавлялся. *Но ее полезно продумать, особенно после потуг [Кадомцева?].*

Популярность Вашего генерала еще выросла, но в обывательских массах, а не политических кругах. Это то же, что было с Клемансо. Но ни Клемансо, ни он диктатором быть не хотят.

Очень прошу Вас сообщить Карповичу то, что касается книги. Почему «Новый Журнал» не занимается издательством, как «Современные Записки»? Здесь же только печатаются. Не знаю почему, но Гукасов очень-очень хочет, и не я его прошу, а он меня соблазняет, зная, что его издательская фирма, и не [слово нрзб].

Вас. Маклаков

Посредник между мной и Гукасовым — Тхоржевский.

Машинопись. Подлинник. BAR. 5–6.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 5 июля 1946

5 Июля 1946

Дорогой Марк Александрович,

Получил Вашу посылку и спешу Вас поблагодарить. Спешу это сделать, т. к. боюсь, что я расхвораюсь и, м. б., заболею всерьез. Пока не могу освободиться от температуры. Многое хотелось бы Вам сказать, часть этого пишу одновременно Б.И.Н.

Мы переживаем тяжелые дни, когда воочию видно, как можно обрабатывать публику, когда нет печати и можно говорить только то, что разрешено.

Об акте 14-го июня{434} можно было бы многое сказать вполне объективно. Но этого не требуют и даже не допускают. Вся пресса настроена по одному камертону, который в результате создает впечатление того, что Щедрин назвал «Песнью торжествующей свиньи»{435}. Как все это далеко ушло от того, когда в сближении с Сов[етской] Россией видели эмблему перемены политики в СССР и сближение власти с народом. И что любопытно, по-видимому, Советы этого не понимают и думают, что прекращение борьбы с ней равносильно обязательству ее защищать, в чем должны обязываться новые советские граждане. Но и многие новообращенные думают так же. Что-то случилось с нашей планетой, как во время Вавилонского столпотворения, когда перестали понимать друг друга.

Но все эти вопросы вне наших возможностей. Если Франция устоит и не поддастся соблазну тоталитаризма, она не откажется от убежища и апатридов. Но если здесь власть перейдет к коммунистам, мы будем ликвидированы, как в Белграде и Югославии, и недаром тяга в Американское консульство опять увеличилась. Но в этих условиях мое пребывание здесь до конца получает и свое оправдание, и свой символический смысл.

Машинопись. Копия. HIA. 2-13.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 9 июля 1946

9 Июля 1946

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Ваше письмо от 5 июля и очень встревожен тем, что Вы расхворались. Надеюсь, ничего серьезного?

Об акте 14 июня и здесь очень много говорят, хотя на Америку он не распространяется. Разумеется, я не взял бы советских бумаг, если бы акт и относился к русским в С. Штатах. Однако допускаю, что кое-кому стоит эту бумагу взять: тем, кто действительно хочет ехать в СССР и готов для этой цели *пойти* на известный риск, — таковы, вероятно, молодые. Не думаю, чтобы Франция отказала в убежище апатридам, — по крайней мере Франция Бидо-Блюма{436}. Что будет дальше — один Бог знает.

Наш Фонд помощи писателям и ученым постановил выделить пять человек (Вас, Н.В. Милюкову{437}, Бунина, Б. Зайцева и Мельгунова) в особую категорию и поручил Н.С. Долгополову из каждого груза выдавать этим пяти лицам по несколько посылок (а не по одной). Думаю, что в июле Вы получите четыре 16-фунтовых. Я со своей стороны вчера заказал для Вас посылку, состоящую преимущественно из сладких продуктов (их, кажется,

в Долгополовских посылках мало, а они летом организму, говорят, особенно нужны).

О Вашей книге, конечно, все знаете от Карповича. Его очень огорчает Ваше колебание: то Вы согласны, то не согласны на помещение в журнале той или другой главы. Он писал мне, что Вы просили его даже сжечь «исповедь»! Помилуйте! М.М. дней десять мне не писал, и я не знаю окончательного Вашего решения — ни о печатаньи в журнале, ни о книге. Каган{438} мне сказал, что при субсидии Бахметевского фонда он охотно издаст Вашу книгу и будет платить Вам десять процентов с каждого проданного экземпляра. Это имеет свои преимущества, но ведь если ту же субсидию или даже часть ее перевести в Париж, то Вы можете издать книгу там (легче читать и корректуры), и тогда издание будет Вашей собственностью: за вычетом комиссии магазинов Вам будет оставаться не десять, а 50–60 процентов от обложечной цены. И в том, и в другом случае Вам не придется затрачивать на издание те Ваши деньги в Америке, о которых Вы нам писали. Впрочем, Вы уже все порешили с Мих[аилом] Михайловичем.

13-ая книга «Н[ового] Журнала» Вам давно послана. В ней помещен последний отрывок «Истоков»{439}. Отдельное издание по-русски выпустить невозможно, — нет издателей. Английское издание (т. е. американское) я давно запродал Скрибнеру, хотя думаю, что американцам эта книга интересна никак быть не может.

Покидаете ли Вы на лето Париж? Если уезжаете, то когда и куда?

Слышал много о Вашем докладе. По-видимому, он вызвал сенсацию.

Пожалуйста, напишите о здоровье. Наш искренний привет Марье Алексеевне.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-13.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 12 июля 1946

Париж,

12 Июля 1946

Дорогой Марк Александрович,

Сейчас получил Ваше письмо; отвечаю наспех, т. к. уезжаю в отпуск; дел масса, а если сейчас не отвечу, то переписать будет некому.

Вы не пишете самого главного: приедете ли Вы в Париж. Я видел М.С. Ц[етлину], и она надежды не лишила, но и не подала. Мое здоровье сносно; во мне сидит какая-то инфекция в носо-

горловых путях, откуда глухота, насморк, температура и опасность для легких. Это одна из причин, почему я уезжаю на днях.

Меня огорчает непонимание с книгой. Относительно отдельных глав я предоставил все М.М. К[арповичу]; ему виднее, стоит ли печатать главы, если печатается книга. А интересуют меня не главы, а книга, с которой дело обстоит так.

Мне никакого вознаграждения не нужно. Если его дадут, я не откажусь, но никаких претензий я не имею, кроме нескольких авторских экземпляров. Хозяином остается тот, кто платит деньги. В этом я буржуа и реакционер. Сбивает меня незнакомство в условиях различных предложений. Я бы лично хотел, чтобы печаталась она в Париже, где я бы мог корректировать. И только. Остальное все равно. Каплан мне приятнее, т. к. знаком. Но у него с «Возрождением» (Тхоржевский) соперничество, которое выражается в том, что Каплан желает уплаты денег долларами в Америке, а «Возрождение» здесь франками. Тут весь расчет на «размен». Что выгоднее. Но я предоставляю решить этот вопрос тем, кто дает деньги. Был бы рад своих денег не тратить, но и на гонорар не рассчитываю. Все это я предоставил Карповичу. Но к нему письма сейчас идут долго, и я уезжаю отсюда, не получив ответа. Вернусь 15 августа. Мне лично задержка не по душе, т. к. по-прежнему опасаются здесь «событий».

Об «Исповеди» писать некогда. Из нее можно сделать нечто интересное, но в таком виде, как она послана, она никуда не годится; тем более для печати. Но я когда-нибудь ее кончу.

Доклад я «читал» совершенно больной и с температурой; не понимаю, откуда «сенсация». Понять его было трудно, т. к. я задыхался, речь [слово нрзб], голос хрипел, и вообще был не в форме. Спасибо за письмо.

Вас. Маклаков

Дорогой Марк Александрович{440},

Пользуюсь разрешением Василия Алексеевича, чтобы написать Вам несколько слов. Давно от Вас не имею никаких вестей и не знаю, оставили ли Вы мысль посетить нас, или можно все еще надежды не терять.

Вообще американцы письмами не балуют. Один Алекс. Абрамович [Поляков] от времени до времени пишет несколько слов. Думаю, что причина — отсутствие времени и страшная жара, которая докатилась и до нас.

Видаю иногда Зайцевых (думаю, что они придут к нам в гости в воскресенье), и каждый раз вспоминаем Вас. Шлю самый искренний привет Вам и Татьяне Марковне.

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov, Vasilii Alekseevich. Parisjan. 1946 — July 1946. To Mark Aleksandrovich Aldanov.

1947

М.А. Алданов — Е.Ф. Роговскому, 1 марта 1947

1 Марта 1947 г.

Дорогой Евгений Францевич.

Получил сегодня Ваше письмо от 28-го. Спешу ответить.

Очень рад, что Вы нашли деньги для еженедельника. Не хочу быть пессимистом и не повторяю того, что говорил Вам. Не знаю, на сколько хватит миллиона франков. Допускаю, что еженедельник при объявлениях может и окупаться. Здесь я почти никого не знаю и не слышал о людях, которые могли бы и хотели бы купить пай в сто тысяч. Столкинд обещал поговорить с Атраном{441}. Знаете ли Вы его? Он хороший человек и очень богат. Кстати, Столкинд в четверг уезжает на неделю в Париж (Плаза-Атенэ). Допускаю и то, что влиятельные и умеющие убеждать людей лица могли бы найти 2–3 пайщиков в Нью-Йорке.

О редакции мы с Вами обменивались мнениями. Вы и Маклаков высказывали мнение, что на мне «все могли бы сойтись». Помимо того, что это неверно, я никогда не соглашусь быть редактором: прежде всего я, вероятно, к лету вернусь в Нью-Йорк; кроме того я терпеть не могу работу редактора, — давно отказался и от редактирования «Нового Журнала», и, наконец, я, достигнув почтенного возраста и никак не имея возможности похвастать здоровьем, твердо решил отдать остаток дней собственным трудам, литературным и научным. На меня, пожалуйста, никак не рассчитывайте. Гораздо лучшим и единственным единоличным редактором мог бы быть Александр Федорович. Как раз вчера я от него получил письмо: Вы разрешили оповестить о Вашем плане ближайших людей в Нью-Йорке. Я написал о нем, как о проекте, Александру Федоровичу (вероятно, ему писали и другие). Тогда за обедом у Михаила Матвеевича все о нем говорили. Если я правильно разобрал его письмо (от руки), он пишет, что для дела готов был бы приехать в Париж. Как всем известно, он единственный эмигрант с мировым именем. Не исключаю, впрочем, возможности, что именно поэтому ему издавать газету не дадут (несмотря на новый, явочный порядок в возникновении периодических изданий). Ал. Фед. не выражает средней линии нью-йоркской эмиграции. Но я теперь знаю настроение демократической эмиграции во Франции, в Англии, в Швейцарии, и думаю, что он выражает среднюю линию демократической эмиграции в целом. Его письма в редакцию «Соц[иалистического] Вестника» (говорят, что оно вызвало сенсацию) я еще не читал, мне пока журнала не

посылают. Но взгляды Ал. Фед. мне хорошо известны — я далеко не во всем с ним схожусь. Мы с Вами работали в «Днях» и оба знаем, что он и прекрасный публицист, и, в отличие от покойного Павла Николаевича [Милюкова], редактор не самодержавного, а конституционного типа. О программе издания, о пределах состава сотрудников, о том, что можно и чего нельзя писать, можно было бы и необходимо было бы, при всяком редакторе или при всякой коллегии, договориться точно заранее. Как Вы, конечно, понимаете, я говорю отнюдь не в интересах Александра Федоровича: напротив, в его интересах лучше было бы уговаривать его не уезжать из Америки. Но, как и он, я имею в виду дело. Впрочем, вероятно, у нас с Вами расхождений тут нет. У него, кстати, кроме дела, теперь больше никаких интересов нет.

Если Ал. Фед. передумает или если приехать ему нельзя, то, при решительном отказе Маклакова от поста единоличного редактора, единственный и тоже хороший выход — редакционная коллегия в составе ньюйоркцев и парижан. Насколько я могу судить, из первых, кроме А.Ф., для дела мог бы приехать Зензинов. Он отличный журналист и литератор, хотя едва ли будет писать передовые статьи. Затем Кускова — мы знаем ее большие достоинства и недостатки. Василий Алексеевич не отказывался войти в коллегию. Имя дал бы и приезжающий скоро в Париж Коновалов. Это «иностранцы». Разумеется, необходимы и представители Вашей парижской группы. Вы, Альперин, Тер-Погосян, Титов отказывались, как «не пишущие люди». Это не резон, — я тогда говорил, что никак не резон, и повторяю. Вот и коллегия.

Еще одно. Миллион теперь не очень большая сумма, издание может скоро прекратиться. Если Вы приглашаете людей из Нью-Йорка или из Швейцарии, то необходимо обеспечить и забронировать то, что в старину называлось (в дополнение к «прогонным») «подъемными», т. е. не только билет в два конца. Но Вы это знаете лучше, чем я.

Разумеется, я высказываю лишь свое личное мнение. Не пишу ничего о техниках газеты. Это вопрос серьезный, но не неразрешимый. Допускаю, что при некоторых условиях и гарантиях согласился бы приехать А.А. Поляков, — лучшего техника в эмиграции нет. Очень рекомендовал бы Вам посоветоваться с Дон-Аминадо. Писать у Вас, конечно, согласятся и все нью-йоркские публицисты. Как политический публицист очень ценен и П. А. Берлин. Вот все, что могу сказать.

Примите мои самые лучшие пожелания. До скорого свидания.

Ваш (подп.) М. Алданов

Машинопись. Копия.

HIA. 2-13.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 5 апреля 1947

5 апреля 1947

Дорогой Василий Алексеевич.

Податель этого письма В.М. Брайнос мне очень хорошо рекомендован — с просьбой отрекомендовать его Вам. Он хочет быть зачисленным в наше эмигрантское гражданство. Если Вы можете быть ему полезным, Вы весьма обяжете меня.

Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, как необыкновенно интересна и эта Ваша книга о Государственной Думе. Меня она прямо взволновала, хоть так давно все это было.

Шлю Вам сердечный привет. Очень кланяюсь Марье Алексеевне. Моя жена тоже.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-13.

1948

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 26 апреля 1948
109 West 84 St., New York 24
26 апреля 1948
Дорогой Василий Алексеевич.

Вскоре после нашего приезда в Нью-Йорк я написал А.С. Альперину письмо, которое просил прочесть всем друзьям: не хотел повторять одно и то же в нескольких письмах. А.С., уезжавший в Лондон, ответил мне, что передал это письмо Михаилу Матвеевичу, который, надеюсь, Вам его прочел. Теперь хочу только Вам сообщить (простите, что с опозданием) о «Новом Русском Слове». Я тотчас по приезде побывал у них и сказал, что мне Вами поручено заплатить им за подписку. Они навели справку и ответили, что тут какое-то недоразумение: Вам газета, по их словам, высылается, и деньги внесены за первое полугодие текущего года. Я указал, что Вы газеты теперь НЕ получаете. Новая справка: нет, газета высылается регулярно, вероятно, пропал один пакет («Н.Р. Слово» всегда приходило во Францию связками, сразу за одну, а то и за две недели). Во всяком случае, деньги были кем-то заплачены. Надеюсь, Вы теперь получаете?

Нового со времени моего последнего письма нет ничего. Ал. Федорович выздоровел, я его навещал в больнице, а на днях он уже был у нас. Ему очень хочется уехать во Францию. Думаю, однако, что он не уедет. После кончины Лидии Федоровны{442} он американцев видит меньше и, следовательно, информации имеет тоже меньше. Именно сегодня в обеих руководящих газетах С. Штатов, в «Н.Й. Таймс» и «Н.Й. Хералд Трибюн», появились корреспонденции из Вашингтона довольно тревожного характера, — смысл тот, что, по мнению Форрестала, министра Национальной Обороны, сейчас самого влиятельного государственного деятеля в Америке, война может возникнуть в любое время. То же заявил и генерал Брадлей, начальник Генерального Штаба{443}. Впрочем, теперь Конгресс рассматривает вопрос о всеобщей воинской повинности, и такие заявления, вероятно, объясняются этим. Результат выборов в Италии вызвал здесь, как, конечно, и у Вас, необычную радость. Лично я в нем почти не сомневался. Кстати, 30 процентов — это для коммунистов какой-то своеобразный «плафон»: везде, где были свободные выборы, они получали около 30 процентов голосов.

Ваша статья передана «Новому Журналу»{444}. Карпович мне давно не писал. Мне статья показалась необыкновенно

интересной. Вашу поправку я вставил. Не сомневаюсь, что Мих[аил] Мих[айлович] будет чрезвычайно рад этой статье.

Я не знаю адреса К.Р. Кровопускова. Не будете ли Вы добры передать ему прилагаемое письмо?

Татьяна Марковна и я шлем самый сердечный привет и лучшие пожелания Вам и Марье Алексеевне. Надеюсь, Вы здоровы.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-14.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 25 мая 1948

25 Мая [1948{445}]

Дорогой Марк Александрович!

Получил вчера пачку «Нового Русского Слова» и прочел Ваш рассказ{446}. И хочется Вам сказать, как бесконечно полезно то, что Вы делаете. Вам это дано — показывать живых людей, каковы они на деле. А именно поэтому, когда Вы говорите о людях известных — Черчилле, Сталине — в уме остается сомнение, таковы ли они на самом деле. Здесь мало показывать, здесь надо доказывать, т. е. начать рассуждения с ссылками и цитатами. А когда Вы говорите об иксах, кот. только могут быть и на которых отражается дух времени и влияние условий, Вы помогаете нам представить ту жизнь, кот. мы не видали и часто не понимаем. Ведь и Ваши и терминатор, и особенно Марья Игнатьевна, и даже Татарин — живые люди, и мне кажется, что я сам пожил в [слово нрзб] в нашу эпоху. Пишите побольше таких миниатюр.

Но почему Вы пишете в «Новом Рус. Слове»? Ведь этот рассказ не для газеты, хотя бы он печатался и без пропусков. Хорошо, что я получил газету целою пачкой. Или «Нов. Журнал» — кончился? Недаром до сих пор нет обещанной Мартовской книжки. И недаром Карпович читает лекции и на письма не отвечает. Но как это будет досадно.

Третьего дня был у А.И.К. Очень опустился со времени возвращения из США. Пульс 26, доходит до 35. Может сразу остановиться. Не задыхается. Не забывается, но часто начинает плакать. Принимать гостей ему вредно, но его жена настаивает, чтоб приходили, а то скучает.

Приехал сюда на неделю Элькин; был у меня, а сегодня Титов его угощает «парижанами».

Мне кто-то говорил, что Вы возвращаетесь сюда? Было бы хорошо, хотя жизнь здесь невесёлая. Люди по старой привычке, говорю это одинаково про нотаблей эмиграции и деятелей Франции, считают себя обязанными давать ответы на роковые вопросы, руководить другими, направлять историю, [слово нрзб]

это, т. е. пытаться делать старым испытанным способом, и при этом грустить, что из этого ничего не выходит. Это как с Тарасом Бульбой, когда его схватили поляки. Или как с Анной Карениной, когда поезд на нее надвинулся и поволок неизвестно куда. Нужно ждать чего-то совершенно нового. Или, вернее, понять, что то старое, к кот. мы как будто привыкли, и есть это «новое», за кот. можно ухватиться. Я испытывал это, сидя в тюрьме, когда думал; есть люди, кот. на свободе, а недовольны! Как это удивительно. Для того, чтобы свободу ценить, надо ее потерять. Так и Ваш Ив[ан] Вас[ильевич][{447}] понял, что значит, что опухоль «незлокачественная». Но Вы меня раздразнили; неужели у них все кончено? Или впереди «новое»?

Вас. Маклаков

Автограф.

BAR. 5–6.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 8 июня 1948

8 июня 1948

Дорогой Василий Алексеевич.

Оба Ваши письма, несмотря на большую разницу во времени их отправки, пришли почти одновременно: на первом Вы наклеили недостаточно марок, и на конверте была пометка почты, что оно по этой причине отправлено не на аэропланах (казалось бы, было бы проще потребовать доплату здесь или вернуть Вам письмо, но, вероятно, таковы порядки, оставшиеся от времен Людовика XIV[{448}], - впрочем, тогда марок не было).

Второе письмо Ваше написано от руки, и, увы, ни я, ни друзья, которым я его показывал, не разобрали половины! Яснее было написано начало письма, и я с большой и подлинной радостью узнал, что Вам понравился мой «Экстерминатор» (он, кстати, напечатан с множеством ужасающих опечаток). Особенно рад был тому, что Вы хвалите ту часть рассказа, где нет исторических лиц. Сердечно Вас благодарю.

Наполовину разобрал Ваше сообщение об Александре Ивановиче. Да, к сожалению, все сведения о нем сходятся. Страшно его жаль.

Насколько я мог разобрать, Вы написали о своем здоровье, но что же именно? Я читал, вчитывался и не разобрал. Если хотите успокоить не одного меня, но и многих других, пожалуйста, напишите на машинке.

Вы сделали из появления моего рассказа в газете вывод, что «Новый Журнал» прекратил или прекращает существование. Это неверно. Верно то, что я ушел из «Нового Журнала». Причина: комически-бессмысленное (другие говорят: идиотское) письмо М. Цетлиной к Бунину[{449}]. Из-за этого письма прекратил

сотрудничество в журнале Иван Алексеевич, а из солидарности с ним (по делу об этом письме) ушел и я{450}. Если хотите узнать подробности, спросите Бунина, — писать долго и скучно, да и не так важно это дело. Добавлю, что с М.М. Карповичем и у Бунина, и у меня остались самые лучшие отношения. Он относится к письму Цетлиной по существу так же, как мы и как, кажется, все. Казалось бы, естественнее было бы в виду «конфликта» с Буниным уйти не Бунину, а Цетлиной, тем более что Бунин и я были инициаторами «Нового Журнала»: журнал был задуман в июле 1940 года в Грассе, — Иван Алексеевич тогда тоже собирался уехать в Америку, и мы с ним решили создать в Нью-Йорке журнал под его и моей редакцией. Но настаивать на уходе Цетлиной не могли ни Бунин, ни я (не могли и не хотели), так как она, не имея никакого отношения к редакции, несет всю черную работу по журналу, отнимающую целый день, и заменить ее некем: журнал не может платить за эту работу. Поэтому Бунин просто заявил Михаилу Михайловичу, что уходит. А я к нему присоединился. Разумеется, мы оба желаем журналу всяческого успеха. Карповича я на днях видел, и он мне сказал, что Ваша статья идет в 19-ой книге, которая выйдет в сентябре.

Здесь некоторый интерес вызвала программа Союза, во главе которого стоит, кажется, Р. Гуль{451}. Она появилась в «Н. Р. Слове» с пометкой редакции: «следуют девять подписей»{452} (ни одна подпись приведена не была). Как мне говорили, этот Союз (не помню точного его названия) создан после того, как Гуль разошелся с Мельгуновым. Как Вы относитесь к этому делу?

О нашем с Татьяной Марковной возвращении во Францию пока ничего сказать не могу: все вилами по воде писано. Я остаюсь при мнении, что Франция останется свободной страной, если не будет войны. Если же будет война, то, конечно, через две недели после ее объявления у власти будет Торез{453}. Я недавно завтракал со знаменитым Робертом Оппенгеймером{454}, кажется, главным создателем атомной бомбы. Он настроен довольно пессимистически в вопросе о том, будет ли война (это не для огласки — сообщаю только Вам).

Шлю самый сердечный привет Вам и Марье Алексеевне. Моя жена очень кланяется.

Ваш МЛ. Алданов

1) К расколу в парижском Союзе писателей, вызвавшему это письмо, я лично отношусь вполне равнодушно.

Машинопись. Подлинник.

НІА. 2-14.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 11 июня 1948

Париж, 11 Июня [1948{455}]

Дорогой Марк Александрович,

Мой почерк приносит мне больше неприятностей, чем Вы думаете. Ведь на приглашение из Праги на столетие Толстого в 28 г. я ответил длинным мотивированным отказом. Они не разобрали, принесли мне благодарность от Чешского Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения], и мне пришлось туда поехать и прочесть лекцию.

Мое нездоровье — была полоса фурункулов на шее и лице; кажется, это кончилось. Опасного нет с тех пор, как есть пенисиллин, но скучно.

Попытки создания «центра» здесь все время идут; отношусь с большим скептицизмом; нужно было бы найти общее дело, практическую работу; люди, объединившись на ней, могли бы стать «представителями» эмиграции, но объединяться за тем, чтобы стать «центром», провозглашать себя центром, значит начинать не с того конца; это все — суета и самомнение. И сейчас могло бы быть полезным и живым делом организованная помощь русским дипистам; но это работа черная и хлопотная и не соблазняет.

Не смею Вас с Буниным критиковать, но очень жалею о вашем решении оставить «Новый Журнал», тем более что оно мне кажется немотивированным. Я слышал о письме Цетлиной, но его не читал. Но ведь как бы то ни было, оно исходило лично от Цетлиной, а не журнала. Можно было прекратить отношения с ней, но почему же с Журналом; мне жалко Журнала, его читателей и вообще этого удара по культурному делу. Наконец, хорошо ли превращать Вас в фельетониста «газеты»?

Теперь нечто личное. Вы мне написали, будто моя статья пойдет в 19 книжке. Это для меня новость. После долгого молчания Карпович мне написал, что она в 18 книжку не попадет, но надеется на 19. Я ему ответил, что если так, то я очень рад, что я ее к тому времени кое в чем переделаю, тем более, что последнюю 4-ую главу хочу переделать основательно. Просил его меня до отъезда уведомить, когда крайний срок присылки, по какому адресу летом мне присылать. Не получив ответа, я переделал кое-что в первых трех главах, а 4-ую еще не трогал. Я ему писал 26 Апреля, 11 Мая, 24 Мая, но ни на одно письмо ответа не получил. Я решил, что это не совсем любезный, но все же *ответ,* и собирался написать ему перед своим отъездом, что отказываюсь от печатания и прошу рукопись мне вернуть. Я ведь вовсе не стремлюсь ее печатать, хотя, прочтя ее в заседании ложи на Puteaux{456}, я вижу, что она интересует. Но все равно я не стремлюсь; но после Вашего письма я вижу, что молчание может быть объяснено и почтовым тарифом, и неразборчивостью

почерка и др. причинами. Письмом 8-го Марта Карпович меня извещал о присылке мне другой рукописи; я ее поднесь не получил, о чем его уведомлял. Но, может быть, он не получал и уведомления. Во всяком случае, до 1-го Июля подожду, а затем пошлю решительный отказ, тем более что после моего отъезда не смогу прислать и готовой части рукописи. Сообщаю Вам все это, чтобы кто-нибудь это знал в случае чего.

А здесь все умирают; А.Н. Мандельштам{457} пришел к жене Нольде выразить сочувствие{458} и упал в обморок; был без памяти несколько часов, но ожил. У Кн. Мещерской{459} удар, хотя она выжила. Коновалов уходит и т. д. А впрочем, уходят не только отдельные люди, но целый мир. Неясно только, что придет к нему на смену; не тоталитаризм, но, думаю, что и не «демократический социализм», о чем мечтает «Соц[иалистический] Вестник». Но это *могло* быть содержанием еще других «еретических мыслей». У меня есть в голове материал на целую книгу, но нет времени и, пожалуй, досуга, чтобы ее написать. *Если Вы знаете что-либо о Карповиче, что могло бы быть для меня полезно, сообщите, чтобы я не сделал ложного шага.*

Я пишу Карповичу по адресу: Wardsboro, Vermont. Надеюсь, что здесь нет ошибки?

Вас. Маклаков

Среди тех «провалов», кот. постигают демократические «идеалы», во Франции есть провал «представительства» как формы правления, и провал «национализирования» предприятий, т. е. в сущности практического «социализма». Они убыточны, беспорядочны и являются видом эксплуатации «населения» в пользу меньшинства. Скажу Вам «ересь», кот., конечно, не напечатаю. Государственное хозяйство ведется так, что можно бы начать с возвращения к системе «откупов». Либо дисциплина, как в Советской России, и тогда проститесь со свободой; или свобода, а тогда «личная выгода» и «интерес», только умеряемый властью. «Соц[иалистический] Вес[тник]» думает, что это сделает «демократия»; пока это иллюзия раздевания жирных.

Машинопись. Подлинник. BAR. 5-28.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 18 июня

18 июня 1948

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Ваше письмо от 11 июня и одновременно из другого письма узнал, что было празднование Вашего дня рождения. Пожалуйста, извините меня, что не поздравил раньше. Приносим Вам теперь сердечные поздравления и лучшие пожелания.

Меня из Испании просят похлопотать у Вас о Вас. Григ, де

Базиль[461], известном балетном деятеле (его настоящая фамилия, кажется, Воскресенский). Дело идет о свидетельстве о том, что он имеет права на нансеновский паспорт (тогда как у него только «титр де войаж»[462]). Свидетельство же ему нужно для получения денег в связи с убытками, причиненными ему немцами. Этот оптимист, очевидно, надеется на то, что деньги получит. (У меня немцы забрали на рю Гюден всё: мебель, книги, рукописи, я подал просьбу года два с половиной тому назад и пока ни гроша не получил.) Де Базиль изложил Вам все дело подробнее, а я позволяю себе только просить Вас сделать для него что можно: помимо того, что он имеет большие заслуги перед русским балетным искусством, при нем кормится 85 русских эмигрантов.

К попыткам создания «центра» я отношусь приблизительно так же, как Вы. Но верхи нашей эмиграции, кажется, переживают вторую политическую молодость: число комитетов, центров, обществ теперь больше, чем было в 1919-21 гг. Было бы очень хорошо создать один центр для помощи Ди-Пи[463], но для этого никакая «программа» не нужна. А здесь и в Париже все вырабатывают длиннейшие программы.

С Вашей статьей, вероятно, недоразумение: должно быть, письмо Карповича затерялось. Как бы то ни было, я ему сегодня напишу, хотя больше никакого отношения к журналу не имею. Нет, пожалуйста, не посылайте журналу отказа. Карпович теперь в Вермонте. Я как раз сегодня получил от него письмо, — еще раз просит Бунина и меня вернуться, — на этот раз по поручению сотрудников журнала, недавно собиравшихся. Известно ли Вам, что произошло и другое мировое событие, вызванное, однако, не частным письмом, а политическими разногласиями: в меньшевистской партии, из-за «власовского движения», произошел раскол! Кажется, скоро прочтете в «Соц[иалистическом] Вестнике». Думаю, по крайней мере, что *демократы,* защищающие власовское движение, хоть перестанут бранить участников визита 12 февраля *(т. е. не участников, а участие: участников они не бранят).*

Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш М. Алданов

Машинопись. Подлинник.

НІА.2-14.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 24 июня

24 Июня [1948[464]]

Дорогой Марк Александрович!

Базиль какой-то чудак. Про него мне писал и просил Рогнедов[465] из Испании (марка с лицом Франко[466], что очень

ценят филателисты); пишете Вы из Америки. Но ни он сам, ни кто-либо из его близких не идет, документы не показывает, и я при всем желании, а может быть, и возможности ему помочь не могу ничего сделать. И я не знаю, где он находится, куда ему писать. Я знаю его по репутации, помнится, знал его лично — но ведь все это недостаточно. А через неделю я уеду, и тогда уже я помочь не смогу.

Мы с Вами совершенно совпали во взгляде на центр. И теперь и можно, и должно создать какой-то координационный центр для помощи Д.П. Не далее как вчера для этого кое-что сделал. Но надо признать, что эмиграция старая очень постарела и ослабла, и сейчас не видно людей, кот. этому бы отдались, как когда-то многие отдавались. «Работников» стало мало. Мы «вымираем». А вот с политическими объединениями — повезло; и Вы правы — вспомнили молодость. Сравните программы Мельгунова и Гуля и объясните, из-за чего они разошлись и переругались? Пора нам умирать, т. к. умного мы ничего придумать не можем. Очевидно, закон «бытия».

С Карповичем все выяснилось. Получил от него два письма. Я рад, что Журнал просит Вас с Буниным вернуться; право, несправедливо Цетлинскую непонятную для меня выходку вымещать на журнале и на читателях. Боюсь, что Вы их не послушаете; но это будет уже ради «упрямства». Тем более что официальные отказы вы не делали; вы ушли молча и можете молча вернуться, и неужели М.С. [Цетлина] не постарается это облегчить. Ведь причина ее письма все-таки неадекватна последствиям. Ведь весь инцидент в Союзе писателей — буря в стакане.

Но не хорошо повсюду. Что за нелепость разыграли в Германии; но как ни наглы Советы, я плохо понимаю, почему при разделении Германии на 2 и законном вытеснении СССР — из Западной половины, Берлин должен находиться в общем владении{467}? Все это последствия Потсдама и увлечения Сталиным, за что заплатил и Масарик{468}. Но не всегда можно поправить ошибку, а логические выводы из нее приходится принимать. Очень грустно, что уступка Американцами в Берлине наносит удар их престижу и подъему у нас Советов; но чтоб на этом вопросе поднять перчатку и сейчас пойти на войну, кажется невероятным. И у меня ощущение, что Американцы уступят, а не Советы.

Очень жалко, если Базиль до моего отъезда не отзовется; я писал Рогнедову в Испанию, но ответа не было.

Вам преданный В. Маклаков

Сейчас Е.Н. [Штром] с торжеством показала нам газету о

награждении Вас премией за «Истоки». Все поздравляем. И подумайте, что их нет «на русском»[469].

Автограф.

BAR. 5–5.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову[470], 3 сентября 1948

Paris,

3 Сентября 1948

Дорогой Марк Александрович,

Меня смущает, что противники (Кер. и Тер.) находят, что я согласен с обоими. Ведь это можно объяснить тем, что я или лукавлю или не знаю, что думаю. И мне хочется Вам пояснить мое отношение к спору.

Когда мы расстались в последний раз, я сказал Теру, что, по-моему, между ним и Кер. тоже нет разницы; я так и думаю; разница только в оттенках, а может быть, даже в словах.

Мы вообще не говорим о людях, которые себя «продали» из выгоды или страха. Они не интересны, и о них и Т., и К. одинакового мнения. Говорим только о тех, которые искренне думали этим служить России, чтобы свалить в ней большевизм, пошли же к Гитлеру и надели германскую форму, рассчитывая, что победа Гитлера освободит Россию. Это — типичное пораженчество.

И я думаю, что в суждении о них между нами принципиальной разницы нет. Эта политика была большой ошибкой, и если бы она удалась, это было бы для России несчастьем. В этом между нами тоже разногласия нет. Мы все эту политику осуждали. Вопрос в том, как сейчас надо относиться к тем, кто ее тогда представлял и кто искренно верил, что победа Гитлера для России полезна.

Я бы понял тех, кто вообще осуждает всякое пораженчество. Но Вы сами заметили, что в известные моменты мы бывали все пораженцами. Не нам занимать позу патриотов без упрека. Если все дело в том, что эта политика была неразумна, что Гитлер опаснее Сталина — то здесь вопрос не принципа, а фактической оценки политического положения. Можно спорить и не соглашаться, но не согласных с собой нельзя осуждать, считать недостойными. В этом тоже мы как будто согласны. Убежден, что так будут судить власовцев и нас наши потомки. Разница между нами в словах, за которыми скрываются «эмоции». В тот момент, когда победа Гитлера над всей Европой, в том числе Англией, могла казаться вполне вероятной, СССР явился нашим неожиданным и единственным спасителем. Мы все пережили чувство облегчения и радости от первых советских удач. Опять увидели ту Россию и тот русский народ, которых не видали за

коркой СССР. И когда в этот момент русские люди одели гитлеровский мундир и пошли ему помогать против Сталина — мы все их считали врагами. Этого чувства злобы на них мы не могли сразу забыть; оно проходит с течением времени и с ближайшим ознакомлением с ними. Но оно проходит постепенно и различными темпами в зависимости от темперамента и от силы пережитых эмоций. Оттого так бесплодны споры — на ком *onus probandi* и т. д., за кого презумпция и т. д. Но так как страсти еще не улеглись, то неосторожно и неразумно их гальванизировать *нашими препирательствами.*

Я бы запретил употреблять слово «власовец», которое пока разделяет. И чем настоящий власовец хуже того, кто, не надев мундира, в душе хотел победы Гитлера, а не России. Наконец, у людей разные степени терпимости и способности прощать. Я бы совершенно спокойно мог сотрудничать в газете, где писал бы бывший власовец, другие — нет. Это не принципиальное разногласие, и я вообще не допускаю, чтобы по этому вопросу могло бы между нами быть принципиальное и неустранимое разногласие.

Среди власовцев есть также совершенно различные люди: и те, кто до сих пор думает, что победа Гитлера была бы предпочтительнее для России и для мира; то, что сейчас происходит, — вода на их мельницу; только этого они публично не скажут и полемизировать с ними не придется. Есть те, кто признают, что они ошиблись. Есть те, которые скажут, что хотели разложить немецкие войска. Есть те, которые сознают, что не выдержали плена и «согрешили»… Как обо всех судить одинаково? Их так же не надо осуждать, как выдавать им *за это* аттестат благонадежности; это как после сражения: одни сражались, другие прятались за траншеи, третьи — бежали — все это забывается. Пора забыть об этой власовской ориентации; она была преходящим эпизодом, кот. на людях серьезных следов не оставил, *и слово «власовец» и не порицание, и не аттестация. Оно — как бывшая профессия: но если подчеркивать и упоминать это прошлое, то надо быть готовым дать объяснения и доказательства, что он в этой профессии делал. Это пока неизбежно; и надо не ссорить людей, лучше самим этого вопроса не подымать. Если Ник. и Кер. сумели доказать, что среди власовцев есть совершенно подходящие люди, то большего они не могут требовать; я разумею: нельзя группу «власовцев» заключать в свои ряды как группу, характеризуемую только Пражской программой. Кроме «программы» у них был акт, кот. требует «пояснения». От этого требования нельзя отказаться. Его надо дать или быть готовым дать не «формализируясь». Между тем есть [тенденция?]*

считать, что «власовство» никогда не было германской и антирусской ориентации. Здесь так легко па это не смотрят, и с этим надо считаться. Я повторяю: я успокоюсь только тогда, когда К. и Т. заговорят на одном языке; ибо по существу разногласий между ними не вижу.

Преданный Вам В. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov VA. to M.A. Aldanov, Paris and n. p., Sept. 1948 — March 1953.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 7 сентября 1948

7 сентября 1948

Дорогой Василий Алексеевич.

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо. К сожалению, конца, написанного пером, не разобрал. Тем не менее Ваша позиция ясна, и я не думаю, чтобы Вас в Нью-Йорке или где бы то ни было обвиняли в «лукавстве».

Повторяю, по-моему, общего принципиального решения вопроса о «пораженчестве» быть не может. Арман Каррель в рядах испанской армии сражался с войсками французского короля{472}, и таких примеров в истории множество. Думаю, что самым важным критерием при оценке пораженчества должно быть то, во имя чего человек принимает не свойственную человеческой природе пораженческую позицию. Если во имя свободного человеческого существования — это одно; если во имя гитлеризма — это совершенно другое. Человек, воевавший на стороне Гитлера, мог надеяться только на то, что в России ужасающий строй будет заменен другим еще более ужасным. Некоторые б[ывшие] друзья немцев теперь совершенно серьезно утверждают, будто они рассчитывали сначала с помощью Гитлера уничтожить большевизм, а затем освободить Россию от гитлеризма уже каким-то другим, очевидно, им известным способом. Я не сомневаюсь, что у 99 из 100 никакого такого расчета не было и быть не могло. Если же такой расчет был, то он в лучшем случае свидетельствует о бесконечной политической простоте и невинности.

Однако, поскольку дело идет обо мне лично, скажу еще раз, что я в мыслях не имел и не имею «травить» или «клеймить» б[ывших] друзей гитлеровцев. Я отлично знаю, что как люди они (те, что жили в России) *могли бы* справедливо ссылаться на «смягчающие обстоятельства». Мне только кажется тяжелой политической ошибкой — вести с этими людьми общую политическую работу. Вы, наверное, никогда не отрицали в царское время, что между правыми были очень хорошие, честные и порядочные люди. Но если б Вы, скажем, в 1913 году стали

редактором газеты, Вы НЕ позвали бы их ни в соредакторы, ни даже в сотрудники. И это никак не означало бы, что Вы их «травите». В этом и заключается мое основное разногласие с Керенским, Николаевским и другими организаторами «Лиги»{473}. Я совершенно не понимаю, зачем им понадобились «власовцы». Пользы от этого ни малейшей, а вред — огромный *(конечно, в наших эмигрантских масштабах)*. Если дело идет о практической работе (пока весьма проблематической), то для нее есть Ди-Пи, всегда занимавшие позицию близкую к нашей, и я знаю, что их много. Существует выражение, над которым принято насмехаться: «чистота политических риз». Никогда не видел и не вижу, что в нем есть смешного. Будущее темно, но пока «чистота политических риз» — это наш единственный морально-политический капитал. Для чего его лишаться? Я понимаю, что *государственный деятель,* ведущий большую напряженную политическую работу, может кое-чем поступиться ради цели, имеющей огромное практическое значение. Мне приходилось слышать, что Черчилль своей тягчайшей морально-политической ошибкой теперь считает свою, действительно не слишком привлекательную, роль в темном деле, связанном с именами Михайловича и Тито. Однако это хоть было сделано в процессе очень большой политической игры. Между тем Александр Федорович свой капитал тратит неизвестно для чего. Я очень боюсь, что если «Лига» начнет работу, то его первыми французские социалисты объявят «новым Марселем Деа»{474} и т. п. На клевету врагов нечего обращать внимание, но тут будут не враги. Если бы еще дело шло о раскаявшихся власовцах, однако таких что-то пока не видно. Судя по их изданиям, они были во всем правы: не их надо амнистировать, а они должны амнистировать других и, быть может, по доброте своей на это согласятся. А если они что-то не совсем демократическое писали в «Парижском Вестнике», то только круглый дурак может их в этом обвинять: ведь ясное дело, это в их чистейшие либеральнейшие статьи вставляло своей властью Гестапо. Так кто-то из них недавно писал в ответ Аронсону. Чудесный прецедент для всех большевиков (в случае неприятностей исторического порядка): в их чистейшие либеральнейшие статьи все не-либеральное вставляло ГПУ. Как это будет для них удобно, для всех, от Александрова{475} до Эренбурга{476} и Заславского! {477} — Меня все же забавляет: на какого нынешнего читателя рассчитан этот довод?

Разумеется, настоящее письмо предназначается только для Вас и для наших друзей, участвовавших в недавней беседе о «Лиге».

Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш М. Алданов

Я совершенно согласен с Вами в том, что под общим названием «власовцы» объединяются самые разные люди. Но то же относится и к коммунистам, *и к троцкистам и т. д.*

Машинопись. Копия.

BAR. 6. F. Letters to V.A. Maklakov from M.A. Aldanov, 1945–1950.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову{478}, 8 октября 1948

Paris,

8 Октября 1948

Дорогой Марк Александрович,

Вчера пришла от Вас посылка, очевидно, та, о которой Вы мне говорили; но почему-то из Лондона! Большая коробка, наполненная шоколадными конфетами в таком количестве, что, наверное, хватит до конца жизни. И конфеты настолько разнообразные, что часть их похитила себе моя сестра; у нас совершенно различные кулинарные вкусы. Итак, большое, большое Вам спасибо. Если бы человек жил одними конфетами, мне ни о чем бы не надо заботиться.

Но «пользуюсь случаем», чтобы Вам написать то, о чем должен был написать раньше. Не знаю, будет ли здесь издаваться газета; я плохо вижу ее возможность и шансы в настоящих условиях. В январе приедет А.Ф. (по крайне мере пока собирается); тогда поговорим конкретно. Но справа, не поднимая вопроса о газете, задумали другое. Издать Сборни к, не периодический, а единовременный, чтобы напомнить о себе, о своем *существовании* и, кстати, дать возможность высказаться тем, кто этой возможности не имеет. Его издает «Возрождение» как книгоиздательство; редактором его будет Тхоржевский, как его старый сотрудник. Сборник будет беспартийный, с широким фронтом, но, конечно, без уклона к советам. Обеспечены статьи: глава из посмертной книги Нольде «о различии русской и имперской идеи», самого Тхоржевского (о Полонском), Эльяшевича, Прокоповича и Бунина. Будут и другие *dii minores.* Покорная просьба к Вам дать что-нибудь. Я по их поручению зондирую почву, можно ли к Вам обратиться? От себя добавлю, что я очень был бы этому рад. Я не вижу для себя мотивов отказаться, тем более что они у меня просят нечто готовое, ненапечатанную речь, которую я говорил в качестве вступительного слова на заседании в память 800-летия Москвы{480}. Мне восстановить ее легко, а ее слышали и Эльяшевич, и Тхоржевский и просят. Но я чувствую себя очень неловко в компании, где я самый левый. Правда, там Прокопович,

но мне было бы гораздо уютнее, если бы были и Вы. Конечно, это не аргумент, я понимаю сам, но это объясняет мое посредничество. Тхоржевский — человек разумный и сам отлично понимает политическое положение и уклона не допустит. Но хотелось бы знать, как Вы к этому относитесь?

Кажется, будет статья Добужинского по случаю смерти Качалова. Но только «сборник» не периодический.

Вас. Маклаков

Машинопись. Подлинник.

BAR. 6. F. Maklakov V.A. to M.A. Aldanov, Paris and п. р., Sept. 1948 — March 1953.

М.А. Алданов — В.А. Маклакову, 12 октября 1948

16, av. g. Clemenceau, Nice

12 октября 1948

Дорогой Василий Алексеевич.

Очень рад тому, что выйдет сборник И.И. Тхоржевского, и желаю ему большого успеха. Я много слышал об этой Вашей речи и буду ждать ее с большим нетерпением. Сам я, однако, участвовать в сборнике не могу. Я очень уважаю Тхоржевского и ценю его талант. Но он консерватор, и сборник его, конечно, будет консервативен, а я давно, лет тридцать тому назад, решил, что буду участвовать только в умеренно-левых и антибольшевистских изданиях. Сборник будет удовлетворять второ му условию, но не первому. Вдобавок, у меня ничего подходящего нет. Я всецело ушел в свою французскую философскую книгу, первый том которой уже закончил. Помнится, я Вам о ней говорил. Так Бунин обещал участие? Я этим приятно удивлен, помня его ругательное письмо в редакцию о Тхоржевском, в свое время еще более меня удивившее. Иван Алексеевич — «человек настроения».

С Александром Федоровичем я обменялся дружески-иронические письмами. Он разошелся политически почти со всеми (кроме Зензинова) своими старыми друзьями. Я ему шутливо написал, что *новая* дружба Кравченко{483} и Далина{484}, наверное, его в этом утешит (знаю с давних пор, что они были его «бэт нуар»{485}). Он также шутливо ответил. Из его письма я не вынес впечатления, что он скоро приедет в Париж. Вдобавок, Атран, который хотел дать миллионы на газету под редакцией Керенского, пока признаков жизни не подает. Я не знаю даже, где он.

Удивлен тем, что посылка пришла к Вам только теперь. Я ее послал два месяца тому назад. Это американское общество, имеющее филиал в Англии, соблазняло в объявлениях тем, что посылки идут из Англии, и потому приходят быстро. Конфеты я

послал, зная, что Вы их любите (в Америке они плохие) и что в Париже все другое есть.

Кончина Качалова очень меня огорчила. Замечательный был артист. Кстати сказать, много лет тому назад я в Москве слышал, что всех московских и петербургских дам сводят с ума «два Василия»: Вы и он. Добужинский, наверное, напишет о нем интересно. Да и весь сборник, конечно, будет интересен.

Шлю Вам сердечный привет, такой же Марье Алексеевне.

Ваш М. Алданов

Пожалуйста, кланяйтесь Тхоржевскому — я, во всяком случае, очень благодарен за приглашение.

Машинопись. Подлинник.

HIA.2-14.

В.А. Маклаков — М.А. Алданову, 14 октября 1948

Париж, 14 Октября [1948{486}]

Дорогой Марк Александрович,

Я сообщил Ваш ответ Тхоржевскому. Он спросил Ваш адрес: значит, будет Вам сам писать, но я хочу тоже прибавить несколько слов. Для меня неотразимый аргумент, что у Вас ничего готового нет, и что Вы другим заняты. Но поскольку у Вас *есть* политический довод, мне хочется против него возразить.

Вы пишете, что сборник будет «консервативен». Я мог бы сказать, что этот термин неясен, и сейчас старомоден, что было бы правда; но, конечно, все-таки есть какие-то противоположные тенденции, и я сам хотел Вашего участия, чтобы не оказаться самым левым в сборнике. Поэтому этот довод я принимаю.

Но мне хотелось все-таки знать, в ком Вы видите залог консерватизма сборника? Есть, конечно, имена недопустимые, и в этом смысле достаточно красноречивы. Таких, насколько я знаю, в сборнике нет. Это не Тхоржевский, не Эльяшевич, не Нольде. И мне кажется, что у меня с Вами разные подходы к этому вопросу.

Главное препятствие это то, что сборник издает «Возрождение», что за спиной фигура Гукасова. Но мне представлялось скорее желательным, что весь этот аппарат «Возрождения» стал бы издавать сборник иного направления. Это было бы хорошим символом общественного оздоровления. Есть ли политический интерес после всего пережитого сводить счета за старое. Во время оккупации «Возрождение» нельзя было ни в чем упрекнуть; оно не запятнало себя коллаборацией и склонностью к Гитлеру. А их старый антагонизм с Милюковым сейчас потерял всякую актуальность.

На днях в «Нов. Рус. Слове» я прочел статью Аронсона о положении Франции; в ней есть ссылка на Вас, на Вашу характеристику Блюма, с Аронсоновской иронией относительно

тех, кто сейчас борется с правой опасностью{487}.

Та нетерпимость, кот. была раньше, сейчас едва ли нужна.

Это не затем, чтобы Вас убеждать, но мне кажется, что Вы неправильно оцениваете характер сборника. Едва ли он может противоречить тому, что Вы называете «умеренно левым направлением». Он именно таким и будет. И это надо поощрять, в интересах выправления людских мозгов. Я и сам не хотел бы участвовать в «консервативном» сборнике и сидеть за одним столом с «зубрами». Но их в сборнике нет. *Сам* я всегда был слишком «терпим», и мое имя не гарантия. Потому-то мне и хотелось видеть около себя более *требовательного* человека, чем я. Конечно, есть Прокопович; но мне жалко, что Вас не будет. Это только сожаление, а не «приставание» к Вам. И сожаление Вы мне все-таки простите.

Вы меня смущаете, выражая интерес к моей «Москве». Если она произвела некоторое впечатление, то *только* по «сравнению» и потому, что было неожиданно. Меня просили только председательствовать и при открытии заседания сказать несколько слов. На это я шел. Но мои «несколько слов» поставили на программу как самостоятельное выступление. Когда я это узнал и увидел, что для 800-летия Москвы читает Зайцев о Художественном Театре, Ушаков3 — об архитектуре, а затем только музыка, то я понял, что ограничиться этим было бы скандально. Я и говорил около получаса всем известные вещи. Успехом я обязан только заключительному каламбуру — дыбы и дыбу.

Но в отличие от Вас я хотел сборнику оказать посильную поддержку, чем только смог.

Вас. Маклаков

Вы мне ничего не говорили про Вашу философскую книгу. Не имею понятия и очень заинтересовался, какой проблеме она посвящена? Будет интересно с ней познакомиться. Но инстинктивно жалею, что Вы отвлекаетесь для этого от иного дела, в кот. Вы «unicum», m. e. от исторического романа, от воссоздания и зафиксирования надолго жизни, среды и людей. И это тогда, когда для поверхностных наблюдателей жизнь становится загадкой, а люди новой породой животных. Как полезно их осветить и сфотографировать. Но я так говорю, может быть, только потому, что не знаю темы Вашей книги.

Машинопись. Подлинник. BAR. 5–6.

notes

1

См.: *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // Новый журнал. Нью-Йорк. 1960. Кн. 60; *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; *он же.* Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *он же.* В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1 (19). С. 42–94; *он же.* Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383; *он же.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3-х т. / ред., вступ. ст. и комментарии О.В. Будницкого. Т. 1. Август 1919 сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001. С. 16–114; *он же.* Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179–240; О сословном и национальном вопросе в императорской России: Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметеву от 4 июля 1923 г. / вступ. ст., публ. и комм. О.В. Будницкого // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 275–297; В.А. Маклаков и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 203–232; В.А. Маклаков и В.В. Шульгин. Друзья-противники // Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / сост., вступ. ст., комментарии О.В. Будницкого. М., 2011. С. 5–42; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; и др.

Grabowska Y. The problem of historical destiny in the works of M. A. Aldanov. Toronto, 1969; *Lee C.N.* The novels of M.A. Aldanov. The Hague, Mouton, 1969; *Ли Н.Ч.* Марк Александрович Алданов: Жизнь и творчество // Русская ли тература в эмиграции: Сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. VIII. С. 95–104; *Щедрина Н.М.* Проблема поэтики исторического романа русского зарубежья (М. Алданов, В. Максимов, А. Солженицын). Уфа, 1993; *Макрушина И.В.* Романы М. Алданова: философия истории и поэтика. Уфа, 2004; *Шадурский ВВ.* Об изучении творчества Марка Алданова // Вестник Новгородского государственного университета. 2005. № 33. С. 72–76; *Рогачевская Е.* Марк Алданов в журнале «Современные записки»: финансовые и творческие аспекты сотрудничества // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 104–119. Творчеству Алданова был посвящен ряд диссертаций: *Матеева О.В.* Историческая проза Марка Алданова: Философия истории, типология характеров, жанровые формы. Дисс…. канд. филол. наук. М., 1999; *Рыжкова Н.С.* Концепция человека в «философии случая» Марка Алданова. Дисс…. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1999; *Лагашина О.* Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепций. Дисс, по гуманитарным наукам. Таллинн, 2009; и др. Наиболее полная, хотя не исчерпывающая, библиография произведений Алданова: *Cristesco D., Cristesco H.* Bibliographie des oeuvres de Marc Aldanov. Paris, 1976.

З

Алданов М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1991–1993; *он же.* Со чинения: в 6 кн. М.: Новости, 1994–1996; *он же.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2007.

4

Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 46 (предисловие А.В. Сыпченко).

5

См.: *Алданов МА.* Из воспоминаний секретаря одной делегации // Последние новости. 1930. 20 апреля. С. 2–3; 1930. 26 апреля. С. 2–3; 1930. 22 мая. С. 2–3.

6

Трудовая народно-социалистическая партия. С. 48, 430, 508–509.

Алданов М.А. К 80-летию В. А. Маклакова // *Маклаков В.А.* Речи. Париж, 1949. С. 12.

Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический сло варь. М., 2001. С. 1187–1193.

9

Jonston Robert H. «New Mecca, New Babylon»: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston and Montreal, 1988. P. 166, 222.

Седых А. Загадка В.А. Маклакова // Новое русское слово. 18 марта 1945. С. 2.

11

Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 331–333; *Любимов Л.* На чужбине. Ташкент, 1979. С. 215–218, 295–297.

12

Hoover Institution Archives (далее HIA), Stanford University. Maklakov Collection (далее Maklakov). Box 22. Folder 14 (далее первая цифра обознача ет номер коробки, вторая папки).

13

HIA. Maklakov. 22–16.

14

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 25 мая 1945 // Наст, изд., с. 105.

15

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 15 декабря 1944 // Наст. изд., с. 85; *Седых А.* Указ. соч.

16

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 25 мая 1945 // Наст. изд., с. 105.

17

Из письма посла СССР во Франции А.Е. Богомолова заместителю на родного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову, 4 апреля 1945 // Чему свидетели мы были…: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сб. документов в двух книгах. М., 1998. Кн. 2. С. 582.

18

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 30 января 1946 // Наст. изд., с. 161.

19

Там же.

Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, чело век. Париж, 1959. С. 222.

21

Берлин П.А. — Вишняку М.А., б/числа, 1945 // HIA. Mark Vishniak Collection. Box I-D.

22

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 25 мая 1945 // Наст. изд., с. 105.

23

HIA. Maklakov. 19–31.

Судьба П.Д. Долгорукова // Социалистический вестник. 1945. 10 ноя бря. № 19–20. С. 226.

25

Вольский Н.В. — Николаевскому Б.И., 20 июня 1959 // HIA. Boris Nico laevsky Collection. 508-2. Алданов делился нерадостными впечатлениями на одном из собраний кружка, в который входили, кроме него, Н.В. Вольский (Валентинов), Б.И. Николаевский, В.М. Зензинов, Г.П. Федотов, И.Г. Цере тели. Кружок собирался недолгое время в начале войны у И.И. Фондамин ского.

26

Гольденвейзер А.А. — Григоровичу-Барскому Д.Н., 5 марта 1943 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее BAR). Columbia University. Alexis Goldenweiser Collection. Box 8.

27

Алданов М.А. — Керенскому А.Ф., 1 декабря 1940 // BAR. Aldanov Col lection. Box 5.

28

Там же.

29

Там же.

30

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 18 апреля 1945 // Наст. изд., с. 95.

31

См. подробнее: *Будницкий О.В.* «Не погибать же всей зарубежной рус ской литературе»: к истории создания «Нового журнала» // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000. М., 2009. С. 132–147.

32

В английском переводе книга называлась «Пятая печать»: The Fifth Seal. Translated by Nicholas Wreden. New York: C Scribner's sons, 1943.

33

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 18 апреля 1945 // Наст. изд., с. 96.

Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 140–141.

35

Там же. С. 143.

36

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 20 июля 1945 // Наст. изд., с. 133.

37

Алданов М.А. — Вишняку М.В., 12 июля 1945 // HIA. Vishniak. 1-12.

38

Алданов М.А. — Керенскому А.Ф., 6 марта 1945 // BAR. Aldanov. Box 5.

39

Алданов М.А. — Керенскому А.Ф., 6 марта 1945 // BAR. Aldanov. Box 5.

Подробнее о визите, его причинах и обстоятельствах, так же как о «группе Маклакова» см.: *Будницкий О.В.* Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179–240.

41

Набоков В.В. — Зензинову В.М., 17.III.1945 // В.В. Набоков. Pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 78 (публикация Г.Б. Глушанок).

42

Вишняк М.В. — Николаевскому Б.И., 10 августа 1945 // HIA. Boris Ni colaevsky Collection. 506-35 (цит. по: *Будницкий О.В.* Попытка примирения. С. 235).

Маклаков В.А. Советская власть и эмиграция // Русские новости. 1945. 25 мая. С. 1, 4.

См. подробнее: *Будницкий О.* 1945 год и русская эмиграция: Из пере писки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243–311.

45

Маклаков и Алданов переписывались, разумеется, не только между собой. В фонде Маклакова переписка с различными деятелями русской эмиграции занимает 14 коробок из 36, в фонде Алданова 15 из 37. В обоих случаях это ценнейший источник по истории политической, культурной и интеллектуальной жизни эмиграции. Эпистолярное наследие обоих опубликовано лишь частично. См. «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина) // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / ред. — сост. О.В. Будницкий. — М.; Иерусалим: «Гешарим», 1999. С. 374–442; «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3-х т. / ред., вступ. ст. и комментарии О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001–2002; Политический роман в письмах: Из переписки А.В. Тырковой и В.А. Маклакова / публ. и вступит. ст. О.В. Будницкого // Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 302–320; Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина / публ. О.В. Будницкого // История и историки: Историографический ежегодник. М., 2007. С. 363–394; «Деникин, несомненно, либерал по природе». Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина / публ. О.В. Будницкого // История и историки: Историографический вестник. М., 2009. С. 361–370; *Будницкий О.В.* 1945 год и русская эмиграция: Из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243–311; Спор о России: В.А. Маклаков и В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 / сост., вступит, статья и примечания О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2012; *Будницкий О.В.* После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года // Родина. 2012. № 7. С. 17–22; «Права человека и империи»: Письма В.А. Маклакова к М.А. Алданову / публ. О.В. Будницкого // История и историки: Историографический вестник 2009–2010. М.: Институт российской истории РАН, 2012. С. 298–315; *Будницкий О.В.* «Предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лава-ля». Из переписки В.А. Маклакова и М.А. Алданова // Российская история. 2013. № 4. С. 39–59; «Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно»: В. А. Маклаков / публ., вступит, статья и примечания О. В. Будницкого // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 4. С. 111–242 (в печати);

переписка В.А. Маклакова и А.В. Тырковой частично опубликована Н.И. Канищевой: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012; Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / публ. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 258–287; 1965. № 81. — С. 110147; *Fedoulova R.* Lettres D'Ivan Bunin a Mark Aldanov // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1981. № 22. P. 471–488; 1982. № 23. P. 469–500; Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / публ. А. Звеерса // Новый журнал. 1983. № 150. С. 159–191; № 152. С. 153–191; № 153. С. 134–172; 1984. № 154. С. 97–108; № 155. С. 131–146; № 156. С. 141–163; «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Из переписки И.А. Бунина и М.А. Алданова / публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 115–156; «Они служили своим идеям, и служили им с честью…»: Из политической переписки М. Алданова / публ. А. Чернышева / Октябрь. 1996. № 6. С. 115–140; «Парижский философ из русских евреев». Письма М. Алданова А. Амфитеатрову / публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее. Вып. 22. СПб., 1997. С. 539–621; «Спасибо, что готовы поделиться сведениями»: Из переписки М.А. Алданова и Б.И. Николаевского / публ. О.В. Будницкого // Источник. 1997. № 2. С. 56–76; «…Интерес к Вам есть…» (Неосуществленные проекты поездки М.А. Алданова в Израиль и его издания на иврите) / публ. А.А. Чернышева, В. Хазана // Архив еврейской истории. М., 2011. Т. 6. С. 237–261.

46

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 22 мая 1937 // «Права человека и им перии»: Письма В.А. Маклакова к М.А. Алданову. С. 310–311.

47

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 12 февраля 1946 // Наст. изд., с. 165.

48

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 21 февраля 1946 // Наст. изд., с. 172.

49

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 18 октября 1945 // Наст. изд., с. 142.

50

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 25 января 1946 // Наст. изд., с. 159.

51

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 23 марта 1946 // Наст. изд., с. 177.

52

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 21 ноября 1949 // Наст. изд., с. 297.

53

См.: *Будницкий О.В.* «Предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лаваля». С. 39–59.

54

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 22 января 1957 // Наст. изд., с. 1063.

55

Маклаков В.А. -Алданову М.А., 13 января 1955 // Наст. изд., с. 900.

56

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 23 апреля 1950 // Наст. изд., с. 346.

57

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 22 апреля 1929 // Наст. изд., с. 49.

58

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 3 ноября 1956 // Наст. изд., с. 1048.

59

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 8 апреля 1953 // Наст. изд., с. 662.

60

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 31 января 1955 // Наст. изд., с. 912.

61

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 2 февраля 1955 // Наст. изд., с. 914.

62

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 31 января 1956 // Наст. изд., с. 971.

63

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 10 февраля 1956 // Наст. изд., с. 975.

64

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 31 марта 1956 // Наст. изд., с. 998.

65

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 23 января 1957 // Наст. изд., с. 1064.

66

Маклаков В.А. — Алданову М.А., не ранее 22 и не позднее 27 октября 1956 // Наст. изд., с. 1046.

67

Тыркова А.В. — Маклакову В.А., 8 декабря 1943 // HIA. Maklakov. 14–20.

Канищева Н.И. Введение // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 34.

Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. III: Россия в Америке. М., 2001. С. 225.

70

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 22 февраля 1952 // Наст. изд., с. 546.

71

Маклаков В.А. — Алданову М.А., 18 сентября 1954 // Наст. изд., с. 860.

Берберова Н.Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. И.

73

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 23 января 1957 // Наст. изд., с. 1064.

74

Алданов М.А. — Маклакову В.А., 19 июля 1951 // Наст. изд., с. 442.

75

Вероятно, речь идет об одном из текстов Маклакова, опубликованном в 38-й книге «Современных записок» за 1929 г. (номер поступил в продажу 24 марта): статье «Толстой — как мировое явление: (Речь, произнесенная в Праге 15 ноября 1928 г. на праздновании юбилея Л. Толстого)» (Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 224–245) или начале воспоминаний, печатавшихся под названием «Из прошлого» (Там же. С. 276–314). Отдельные фрагменты воспоминаний Маклакова сам автор и его современники в переписке обычно именовали статьями.

Observations (франц.) — замечания.

77

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель, министр внутренних дел (с апреля 1906), председатель Совета министров с сохранением должности министра внутренних (июнь 1906 — сентябрь 1911).

78

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), юрист и государственный деятель, обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг., проводник жест кого бюрократического контроля со стороны государства за деятельностью церкви.

79

Дурново Петр Николаевич (1845–1915), государственный деятель, в 1884–1893 — директор Департамента полиции, в 1905–1906 гг. — министр внутренних дел.

80

Витте Сергей Юльевич, граф (1905) (1849–1915), государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), в октябре 1905 — апреле 1906 г. — председатель Совета министров.

81

Речь идет о воспоминаниях Маклакова, публиковавшихся в «Совре менных записках» начиная с 38-й книги журнала за 1929 г. под названием «Из прошлого».

«Современные записки», общественно-политический и литературный журнал. Выходил в Париже с 1920 по 1940 г. Всего вышло 70 номеров. По дробнее о «Современных записках» см.: Вокруг редакционного архива «Со временных записок» (Париж, 1920–1940). Сб. статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2010. О взаимоотношениях Алданова и Маклакова с «Современными записками» см.: *Рогачевская Е.* Марк Алда нов в журнале «Современные записки»: финансовые и творческие аспекты сотрудничества // Вокруг редакционного архива «Современных записок». — С. 104–119; *Будницкий О.* В.А.Маклаков и журнал «Современные запи ски» // Там же. С. 203–232.

83

Фондаминский (Фундаминский) (парт. псевд. Бунаков) Илья Исидо рович (1880–1942), публицист, видный деятель партии эсеров, член ее ЦК. В 1917 г. — товарищ председателя Всероссийского Совета крестьянских де путатов, комиссар Черноморского флота, депутат Учредительного собрания от Черноморского флота. После разгона Учредительного собрания перешел на нелегальное положение, участвовал в деятельности антибольшевистско го «Союза Возрождения России». С 1919 г. в эмиграции в Париже. Один из основателей и редакторов журнала «Современные записки».

Маклаков имеет в виду письмо И.И. Фондаминского от 19 января 1931 г., а котором тот, в частности, писал: «Редакция просит меня известить Вас, что Ваша статья не пойдет в этом номере, и искренне извинить ее перед Вами за это. Произошло это случайно и непредвиденно. У нас накопилось много материала, который мы больше откладывать не могли. Неожиданно пришлось напечатать большой отрывок воспоминаний Александры Львов ны Толстой (мы обязаны закончить печатание в определенный срок); Ал данов тоже дал громадный отрывок, который мы отложить не могли, ибо обязаны в следующей книге закончить роман (по договору с издателем). Пришлось в последнюю минуту спешно сократить уже сверстанный номер. Пострадали Сирин (у которого сняли половину) и Вы. Сознаюсь откровен но, что сделали мы это потому, что Сирина и Вас печатаем без перерыва много книжек и давно не "обижали". Другие уже обижены до смерти» («Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет труд но»: В. А. Маклаков / публ., вступ. статья и примечания О. В. Будницкого // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. Т. 4. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 165). Речь идет о 45-й книге «Со временных записок», в которой начали печататься воспоминания дочери Л.Н.Толстого Александры Львовны Толстой (1884–1979) (Из воспомина ний // Современные записки. 1931. Кн. 45. С. 5–54) и был опубликован об ширный фрагмент романа М.А. Алданова «Бегство» (Современные записки. 1931. Кн. 45. С. 55–148).

85

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный деятель, министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов в 1902–1904 гг. Проводил крайне реакционную политику. Убит 15 июля 1904 г. членом Боевой организации партии социалистов-революционеров Е.С. Созоновым.

86

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк; признанный лидер партии кадетов, депутат III и IV Государственной думы. Министр иностран ных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьского переворота уехал на Дон. Автор декларации Добровольческой армии. Летом 1918 г. выступил за германскую ориентацию. Поскольку ЦК партии осудил его политику, сложил с себя обязанности его председателя. В октябре 1918 г. признал свою ошибку и вернулся к «союзнической» ориентации. С конца 1918 г. — в эмиграции, сначала в Румынии, затем в Лондоне. С 1920 г. жил в Париже. Лидер образованной по его инициативе Парижской демократиче ской группы Партии народной свободы (кадетов), затем Республиканско- демократического объединения (с 1924), редактор газеты «Последние ново сти» (1921–1940).

87

Кульман Николай Карлович (1871–1940), филолог, литературовед, общественный деятель. Преподавал русский язык и литературу в Импера торском Александровском лицее, Военно-юридической академии, Женском педагогическом институте, на Высших женских курсах. Профессор. Автор научных трудов по языкознанию и истории литературы. Был членом прав лений ряда промышленных предприятий в России. С 1919 г. в эмиграции в Константинополе, затем перебрался в Париж. Декан Русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны (с 1922). Член совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. Член правле ния Русской академической группы (с 1925), товарищ председателя группы (с 1930).

88

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), русский писатель, лауреат Нобе левской премии (1933).

89

Цетлина (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна (1882–1976), общественно-политический деятель, издатель, меценат. Жена Н.Д. Авксен тьева (в первом браке), М.О. Цетлина (во втором браке). Окончила Бернский университет, доктор философии. Член партии социалистов-революционеров, участвовала в революции 1905 г. В 1907 г. эмигрировала во Францию. Вер нулась в Россию в 1917 г. В 1919 г. через Константинополь уехала во Фран цию. Вместе с мужем издавала литературный журнал «Окно» (1923–1924), держала литературный салон. Член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В 1940 г. уехала в Лиссабон (Португалия), в 1942 г. перебралась в США, жила в Нью-Йорке.

90

Спесивцева Ольга Александровна (1895–1991), балерина. С 1913 по 1924 г. прима-балерина Мариинского театра, одновременно в некоторые се зоны танцевала в труппе Русского балета СП. Дягилева. В эмиграции жила во Франции. В 1924–1932 (с перерывами) ведущая солистка Grand Opéra.

91

Лифарь Сергей Михайлович (1905–1986), танцовщик, балетмейстер, педагог, мемуарист, деятель культуры, коллекционер. В эмиграции в Париже с 1923 г. Ведущий танцовщик Русского балета С.П.Дягилева (1923–1929). После смерти Дягилева выкупил его коллекцию, посвященную А.С. Пуш кину. Продолжал пополнять коллекцию, став обладателем крупнейшего за рубежом собрания «пушкинианы». Ведущий танцовщик, хореограф, балет мейстер Парижской оперы (1929–1944, 1947–1958, с 1962). Поставил более 200 балетных спектаклей. Входил в правление Российского музыкального общества за границей (с 1934), его вице-председатель (с 1952) и председа тель (1962–1967).

92

Кедровы — братья. Николай Николаевич (1871–1940), певец (бари тон), композитор. Был солистом Московской частной оперы СИ. Мамонто ва. Профессор С.-Петербургской консерватории. Руководитель придворной певческой капеллы. Основал в 1897 г. первый мужской вокальный квартет. С 1921 г. служил в Большом театре в Москве. Во Франции с 1923 г. Один из основателей Русской консерватории в Париже. Товарищ председателя правления консерватории, член совета Российского музыкального обще ства за границей. Выступал в составе С.-Петербургского вокального квар тета и как солист в концертных программах и благотворительных вечерах. Константин Николаевич (1876–1932), певец (бас). С 1910 г. пел в квартете брата, Н.Н. Кедрова. С 1923 г. в эмиграции во Франции. Принимал активное участие в культурной жизни русского Парижа. Выступал в концертах и бла готворительных вечерах в составе вокального квартета Н.Н. Кедрова и как солист.

93

Вечер в пользу И.А. Бунина состоялся 10 июня 1931 г. Краткую про грамму вечера см. в: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Т. 2. 1930–1934 / под ред. Л.А. Мнухина. ML, 1995. С. 200.

Маклакова Мария Алексеевна (1877 [по другим сведениям, 1879] — 1957), общественный деятель. Сестра В.А. Маклакова. Была близка к семье Л.Н. Толстого, часто бывала в Ясной Поляне. В Париж приехала вместе с братом в 1917 г. Председатель Комитета временной помощи русским во Франции. Одна из основательниц Русской гимназии в Париже в 1920 г. Пред седатель Попечительского совета гимназии. Председатель Общества просве щения беженцев из России (1921) и Общества помощи детям беженцев из России. Товарищ председателя Комитета общежитий для русских детей при Главном управлении Российского общества Красного Креста (РОКК). Член совета Российского музыкального общества за границей (1931–1934). Член правления Московского землячества (1935–1938). Организатор благотвори тельных концертов, балов, вербных базаров. Во время Второй мировой вой ны основала Общество помощи бедным русским.

95

Дон-Аминадо (лит. псевдоним, наст. имя Шполянский Аминад [Аминодав] Петрович [Пейсахович]) (1888–1957), писатель, поэт, сатирик. В 1920 г. эмигрировал через Константинополь во Францию. Жил в Париже. Сотрудник газеты «Последние новости» со дня ее основания. В 1920–1921 гг. редактировал журнал «Зеленая палочка». Один из инициаторов создания Союза русских писателей и журналистов в Париже, член его правления.

Почтовая карточка.

97

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), поэт, прозаик, рели гиозный философ, литературный критик, переводчик. С 1920 г. в эмиграции в Париже.

98

Манухин Иван Иванович (1882–1958), врач, доктор медицины; мемуа рист. Был лечащим врачом А.М. Горького, многих других видных деятелей эпохи, в том числе лидеров большевиков. В 1917 г. — врач при Чрезвычай ной следственной комиссии Временного правительства; после Октябрьского переворота продолжал выполнять функции врача при заключенных в Петро павловской крепости как представитель Политического Красного Креста, способствовал освобождению многих политзаключенных. С 1921 г. в эмигра ции в Париже. Имел частную практику. Лечил многих русских бесплатно, помогал неимущим. Член бюро Комитета помощи русским писателям и уче ным во Франции (с 1927). Член-учредитель Общества помощи русским сер дечным больным (1931). Автор многочисленных научных трудов, в том числе по иммунологии и инфекционной патологии. Разработал новые методы ле чения легочного туберкулеза и воспаления легких. Опубликовал ряд статей во французских научных изданиях, посвященных проблемам иммунологии, радиобиологии, эндокринологии. Сотрудничал в «Последних новостях».

99

Махонин Иван Иванович (1888–1973), инженер-конструктор, изобре татель. В годы Первой мировой войны основал собственное бюро изобрете ний. Занимался разработкой новых типов вооружения: реактивных снаря дов, бронебойных пуль, авиационных торпед и т. п. С 1921 г. в эмиграции во Франции. При государственной поддержке основал в Сен-Море (под Пари жем) завод по дистилляции бензина. Создал безопасное топливо для мото ров, использовавшееся для военно-морской техники и авиации. В 1929 г. раз работал проект самолета с изменяемым размахом крыла, в 1931 г. построил первый опытный образец своего самолета, работал и далее над его усовер шенствованием, но в серийное производство самолет так и не был запущен. В 1930 г. изобрел электромагнитную скрипку и виолончель, показательные концерты-демонстрации скрипки прошли в Париже в зале Плейель (Pleyel). Член Российского торгово-промышленного и финансового союза (с 1930).

100

Carte-lettre (франц.) — закрытая почтовая карточка.

101

Колокольцев (Колокольцов) Василий Григорьевич (1867[1866]-1934), земский, деятель, меценат. Председатель Волчанской уездной и Харьковской губернской земских управ. В период Гражданской войны состоял министром земледелия в правительстве генерала А.И. Деникина. В 1919 г. эмигрировал в Грецию, затем жил в Белграде, позднее перебрался во Францию. С 1925 г. работал на заводе «Рено» в Бийанкуре. Член Общества Тургеневской библиотеки (1930). Член правления Харьковского землячества, затем его почетный председатель. Судья масонской ложи «Северная Звезда». О чествовании Колокольцева в ознаменование 40-летия его служения земству в России, прошедшего под председательством В.А. Маклакова см.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Т. 2.1930–1934. С. 304.

102

Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975), публицист, мемуарист, общественно-политический деятель; эсер, секретарь Учредительного собрания. С 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1920 г. один из редакторов и секретарь редакции парижских «Современных записок». В 1940 г. уехал из Франции в США, в 1943–1946 гг. преподавал русский язык в Корнеллском и Колорадском (Боулдер) университетах, с 1946 г. — консультант по российским проблемам еженедельника «Тайм».

103

В ноябре 1932 г. при подготовке к юбилею журнала (по случаю выхода 50-го номера) было основано Общество друзей «Современных записок». В конце ноября — начале декабря состоялся ряд юбилейных мероприятий, включая банкеты. См. подробнее: Юбилей и вечера журнала «Современные записки» / сост. О. Коростелев // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / под ред. О. Ко-ростелева и М. Шрубы. М., 2010. С. 523–524.

104

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), русский оперный и камерный певец (бас). В эмиграции с 1922 г., с 1923 г. жил в Париже.

105

Почтовая карточка.

106

Злобин Владимир Ананьевич (1894–1967), поэт, литературный критик. Секретарь З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. Вместе с ними в 1920 г. эми грировал в Польшу, затем переехал во Францию. Учился на филологическом факультете Сорбонны. С 1927 г. секретарь литературного салона «Зеленая лампа». Сотрудничал в журнале «Звено». Один их редакторов парижского журнала «Новый корабль» (1927–1928). Член Объединения писателей и поэтов. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже.

107

Детердинги (Deterding) — Генри (1866–1939), голландский предпри нима тель, с 1902 г. генеральный директор нидерландской нефтедобывающей компании «Ройял Датч», в 1907–1936 гг. глава англо-голландской компании (второй в мире) «Ройял датч-Шелл», и его жена Лидия Павловна (урожд. Кудеярова, в первом браке Багратуни), княгиня Донская (1904–1980). Л.П. Детердинг жила в Париже, активно занималась благотворительностью. Оказывала финансовую помощь Версальскому дворцу и музею Почетного легиона. Поддерживала русские школы и гимназии, содействовала реставрации Св. — Александро-Невского собора и храма Знамения Божьей Матери в Париже, храма Во имя иконы Божьей Матери в Ментоне (деп. Приморские Альпы) и др. Была почетным попечителем Русской гимназии в Париже. Предоставила для этой гимназии свой особняк в Булонском лесу. Среди ее должностей по линии благотворительности — председатель Общества помощи детям русских эмигрантов во Франции. Член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935–1937). Почетный покровитель Комитета по сбору средств на ремонт Св. — Александро-Невского собора (1950-е). Попечитель храма Всех скорбящих Радости и Св. Николая Чудотворца в Ментоне. Оказывала помощь Союзу русских писателей и журналистов, Союзу офицеров бывших комбатантов французской армии, Сестричеству при Св. — Александро-Невском соборе и др. За постоянно оказываемую помощь инвалидам, больным и русским студентам награждена знаком отличия Красного Креста (1927). Награждена орденом Почетного легиона (1956). Вел. князь Кирилл Владимирович пожаловал ей титул княгини Донской, что вызвало неоднозначную реакцию в эмигрантской среде.

108

Миронов Мирон Петрович (1893–1935), журналист. Работал в московской газете «Русское слово», в С.-Петербурге в газете «День». В 1918–1919 гг. в Киеве редактор газеты «Наш путь». С 1920 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже. Работал в газете «Последние новости» со дня ее основания. Член правления Союза русских писателей и журналистов (с 1921), секретарь Союза (с 1923). В 1924 г. основал двухнедельный (с 1926 выходил еженедельно) журнал «Иллюстрированная Россия», пользовавшийся большой популярностью у эмигрантского читателя, до 1931 г. был его редактором.

109

Альперин Абрам Самойлович (1881–1968), юрист, присяжный поверенный, промышленник, общественный деятель; масон. Член партии народных социалистов. Основатель Ростовского купеческого банка. Заведовал табачными фабриками Асмолова и Кушнарева в Ростове-на-Дону. В период Гражданской войны оказывал материальную помощь донским казакам, затем Добровольческой армии; в 1918 г. был некоторое время начальником отдела пропаганды в казачьем партизанском отряде генерала Э. Семилетова. С 1920 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже. В 1921 г. входил в Российский общественный комитет помощи голодающим в России. Член-основатель и член комитета Лиги борьбы с антисемитизмом (1923). Основатель и один из директоров института «Биотерапия». С 1929 г. член Совета Российского земско-городского комитета (Земгор) в Париже, с 1928 г. председатель парижского Комитета и член Общества распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОРТ). С 1931 г. член ревизионной комиссии русского Политического Красного Креста в Париже, в 1935 г. его председатель. Один из инициаторов создания Кружка (Объединения) русско-еврейской интеллигенции, в 1937–1938 гг., 1946 г. член его правления, с 1947 г. руководитель Объединения. Член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935–1937). Член совета Российского музыкального общества за границей (1937). Во время Второй мировой войны руководил еврейским движением Сопротивления. Прошел концлагеря Компьен и Дранси. Организовал помощь российским заключенным в лагере Компьен. В 1946 г. принимал участие в создании Общества помощи русско-еврейской интеллигенции имени Я.Л. Тейтеля, с 1947 г. его председатель. Один из основателей, председатель Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией (1945). Почетный председатель Союза русских и литовских евреев. Входил в комитет Очага русских евреев. Многолетний член масонской ложи «Свободная Россия», почетный досточтимый мастер (с 1936) ложи «Северная Звезда». См. подробнее: *Серков А.М.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. С. 54–55; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 183–184; Российское зарубежье во Франции: Биографический словарь. М., 2008. Т. 1. С. 46–47.

110

Почтовая карточка.

111

Карабчевский Николай Платонович (1851–1925), адвокат, публицист, мемуарист. С конца 1890-х гг. — председатель совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты. Не входя в какую-либо партию, придерживался демократических взглядов. Защищал народников-пропагандистов в «процессе 193-х» (1877–1878), участвовал в «Мултанском деле» (1895–1896) и других знаменитых процессах, был, наряду с В.А. Маклаковым, одним из защитников М. Бейлиса (1913). После Февральской революции 1917 г. назначен председателем комиссии по расследованию германских зверств. Во время Октябрьской революции находился в Скандинавии; в Россию не вернулся — жил в Норвегии, Дании, затем перебрался в Италию. В 1921 г. вы пустил мемуары «Что глаза мои видели» (Берлин, т. 1–2), в которых назвал русскую интеллигенцию «залежалой тряпицей» и счел главной виновницей «еврейской революции»; развивал идею, что Россию спасет новый монарх («царь скрепляет все»). Стал официальным представителем претендента на всероссийский престол великого князя Кирилла Владимировича.

112

Имеется в виду газета «Сегодня» (Рига, 1919–1940), в которой регулярно печатался Алданов. Воспоминания Маклакова — имеется в виду «Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника)». Т. 1–3 (Париж: приложение к «Иллюстрированной России», 1936). В книгу вошли в несколько переработанном виде воспоминания Маклакова, публиковавшиеся в 1929–1936 гг. в «Современных записках» под названием «Из прошлого».

113

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в период Первой мировой войны — начальник штаба Юго-Западного фронта, с марта 1915 г. — Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с августа 1915 по март 1917 г. и в августе-сентябре 1917 г. — начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего, в марте-мае 1917 г. — Верховный Главнокомандующий. В ноябре 1917 г. прибыл на Дон; инициатор создания Добровольческой армии и ее Верховный руководитель.

114

На самом деле Алданову не было нужды спрашивать разрешения на воспроизведение этого разговора, ибо он был изложен Маклаковым в печати в предисловии к публикации по-французски избранных материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих, высших должностных лиц армии и флота. См.: La chute du régime Tsariste: Interrogatoires des ministres de la Cour Imperiale Russe. Preface de B. Maklakoff. Paris: Payot, 1927.

115

Пети (Petit) Эжен (Евгений Юльевич) (1871–1938), французский политический деятель, дипломат, работал в посольстве Франции в Петрогра де в 1917–1918; был руководителем канцелярии при президенте Франции А. Мильеране. Его жена Софья Григорьевна Пети (Petit, урожденная Балаховская) (1870–1966), уроженка Киева, выпускница Сорбонны, юрист, пер вая женщина, причисленная к сословию адвокатов во Франции.

116

Грузенберг Оскар Осипович (1866–1940), юрист, общественный деятель, сенатор (1917). Один из самых известных российских адвокатов. Специалист в области сенатских решений. Один из редакторов уголовного отдела в журнале «Право», заведовал отделом уголовного суда в «Журнале С.-Петербургского юридического общества». После Февральской революции был назначен сенатором, избран в Учредительное собрание. В период Гражданской войны — на юге (Киев, Одесса, Севастополь, в конце 1919 — начале 1920 — в Константинополе, затем в Батуме и Тифлисе). С 1921 г. в эмиграции, сначала в Берлине, затем в Париже, в 1922–1923 гг. вновь в Берлине, в 1923–1926 гг. в Ницце, затем уехал в Ригу. Редактор рижского журнала «Закон и суд» в 1929–1934 гг. В 1931 г. окончательно поселился в Ницце. Член Союза русских адвокатов за границей. Публиковал юридические статьи и очерки. Выпустил в Париже книгу воспоминаний «Вчера» (1938). Маклаков и Грузенберг входили в число защитников М. Бейлиса, обвинявшегося в совершении ритуального убийства, на знаменитом процессе в Киеве (1913). Маклаков состоял с Грузенбергом в многолетней переписке; считал его, однако, человеком самоуверенным и самовлюблен ным. О переписке Маклакова и Грузенберга см.: *Буднищкий О. В.* Адвокаты в изгнании: Из переписки Василия Маклакова и Оскара Грузенберга // Родина: российский исторический журнал. 2014. № 10. С. 138–141; № 11. С. 124–125.

117

Ларошфуко (La Rochefoucauld) Франсуа де, герцог (1613–1680), фран цузский писатель-моралист. Главное сочинение Ларошфуко — «Размышле ния, или Моральные изречения и максимы» (1665, русский перевод 1959).

118

«le refus des louanges est le un désir d'être loué deux fois» (франц.) — «по хвалу часто отклоняют для того, чтобы еще раз ее услышать» (Маклаков цитирует афоризм Ларошфуко с небольшой неточностью).

119

Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» (Молчание [лат.]) (1830).

120

Реклю (Reclus) Жан Жак Элизе (1830–1905), французский географ, социолог, политический деятель, один из теоретиков анархизма. Маклаков познакомился с Реклю летом 1890 г. в Швейцарии, куда ездил лечиться. См. подробнее об обстоятельствах знакомства и его разговорах с Реклю в: *Маклаков В.А.* Из прошлого. Нью-Йорк, 1954. С. 128–130.

121

Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель (1838–1882), французский по литический деятель, лидер республиканцев. В сентябре 1870 — феврале 1871 г. — министр внутренних дел в правительстве национальной обороны в период франко-прусской войны. В 1879–1881 гг. — председатель палаты де путатов, ноябре 1881 — январе 1882 г. — премьер-министр.

122

Не совсем точная цитата из речи Гамбетты на предвыборном собрании в Париже 12 августа 1881 г. On pourra tant que l'on voudra appliquer à cette politique une épithète malsonnante et même inintelligible, mais je dirai que je n'en connais pas d'autre, car c'est la politique de la raison, et j'ajouterai que c'est la politique du success (франц.) — Можно сколько угодно применять к этой политике неблагозвучный и даже непонятный эпитет (имеется в виду оппортунизм. — *О.Б.),* но я скажу, что не знаю другой, поскольку это политика раз ума и — добавлю — политика успеха.

123

Речь идет о книге Маклакова «Власть и общественность на закате ста рой России (Воспоминания современника)». Т. 1–3 (Париж, 1936).

124

Четырехвостка — всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право.

125

Описание обстоятельств переговоров с точки зрения постоянного оппонента Маклакова П.Н. Милюкова см. в: *Милюков П.Н.* Три попытки (К истории русского лже-конституционализма). Париж, 1921.

126

Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат, депутат IV Государственной думы, трудовик, затем эсер; министр юстиции в первом составе Временного правительства, военный и морской министр в мае- сентябре 1917 г., с 8 июля 1917 г. — министр-председатель, одновременно с 30 августа Верховный главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции, жил в Лондоне, Берлине, Париже. Редактор ежедневной, с 1928 г. еженедельной газеты «Дни» (1922–1933). Редактор журнала «Новая Россия» (1936–1940). В 1940 г. уехал в США.

127

Маклаков реагирует на рецензию А.Ф. Керенского на «Власть и обще ственность», опубликованную под названием «Незадача русского либера лизма» в «Современных записках». Керенский, в частности, писал: «Макла ков же, вспоминая теперь, через тридцать лет! — как в годы освободительного движения либеральная общественность беспомощно металась между двумя единственными "реальными силами" — властью и Ахеронтом, приходить к неожиданному выводу: конституция "пришла слишком рано". Уже потому не рано, что сам В.А. Маклаков убедительно доказывает, как эта пришедшая "слишком рано", осмеянная всеми левыми и ненавидимая правыми консти туция 1906 года, за самый короткий срок своего предвоенного существова ния (8 лет) совершенно преобразила Россию, перестроила и хозяйственный и политический быт Империи» (Современные записки. 1937. Кн. 63. С. 320).

128

Гаулейтер (гауляйтер) (нем. *Gauleiter)* — партийный функционер национал-социалистической партии Германии, возглавлявший партийную организацию гау, партийного округа, совпадавшего с избирательным округом при выборах в Рейхстаг. После прихода нацистов к власти большинство гаулейтеров были назначены также имперскими наместниками, сосредоточив в своих руках и партийную, и государственную власть.

129

Роман Алданова «Бегство» первоначально был опубликован в журнале «Современные записки» (1930. Кн. 43–44; 1931. Кн. 45–46), отдельным изданием вышел в Берлине в издательстве «Слово» в 1932 г.

130

Пэр-Лашэз (Пер-Лашез) (франц. *Père Lachaise,* буквально «отец Лашез»), кладбище в Париже.

131

К сожалению, где опубликована эта статья Алданова, установить не удалось. «Гасдрубал», в отличие от предыдущего письма, Алданов пишет через «с». «Голова Гасдрубала» упоминается Алдановым в его этюде «Эрих Людендорф» в следующем контексте (писатель излагает воспоминания генерала Людендорфа): «Русские большевики спасли немцев в 1917 году, но в 1918 они уже были совершенно не нужны. Тогда-то и следовало, забыв о благодарности, подальше выбросить вон выжатый и гниющий лимон. Если верить Людендорфу, он с самого начала понял опасность, которую представляет собой зараза разложения для Германии и, в частности, для немецких войск. В этом отношении потрясающее впечатление произвел на него, по его словам, рассказ генерала Скоропадского о развале русской армии в 1917 году. "Гетман рассказал мне, что он никогда не мог понять, каким образом вышел из повиновенья тот корпус, которым он командовал во время войны. Это было делом одной минуты. Простой рассказ его произвел на меня глубокое впечатление", — Ганнибал увидел отрубленную голову Гасдрубала» *(Алданов М.Л.* Два этюда: 1. Эрих Людендорф. 2. Жорж Клемансо // Современные записки. 1921. Кн. 5. С. 153–154). Отрубленная голова Гасдрубала, младшего брата прославленного карфагенского полководца Ганнибала, была подброшена ему римлянами. Это было предзнаменование его собственной гибели.

132

Демидов Игорь Платонович (1873–1946), юрист, земский деятель, журналист; член партии кадетов, входил в ее ЦК; депутат IV Государственной думы. После Февральской революции — комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве земледелия, затем комиссар Временно го правительства Юго-Западного фронта, занимал недолгое время пост товарища министра земледелия во Временном правительстве; после Октябрьской революции — один из организаторов Национального центра, руководил работой его отделения в Киеве до 1919 г. С 1920 г. в эмиграции во Франции, входил в группу П.Н. Милюкова. Один из организаторов Республиканско- демократического объединения, с 1925 г. товарищ председателя этого объединения. В 1924–1940 гг. помощник редактора газеты «Последние новости». Входил в состав Российского земско-городского комитета за границей и ряда других политических, культурных и церковных эмигрантских организаций. Член Союза русских писателей и журналистов. Масон.

133

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), общественно-поли тический деятель, член ЦК партии эсеров, публицист. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета. С сентября 1918 г. член Всероссийского временного правительства (Уфимской директории); в ноябре 1918 г. арестован колчаковцами и выслан в Китай. С января 1919 г. — в Париже; в 1919–1939 гг. жил в Париже, Берлине, Праге; в 1920–1922 — соредактор газеты, затем журнала «Воля России». Член Исполнительной комиссии парижского Совещания членов Всероссийского учредительного собрания. Член Союза русских писателей и журналистов в Германии, Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, Российского общества Лиги Наций. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже. С 1929 г. член Политического Красного Креста в Париже, позже один из его руководителей. Входил в круг сотрудников журнала А.Ф. Керенского «Новая Россия» (1936–1940). В период советско-финской войны 1939–1940 гг. ездил в Финляндию в качестве корреспондента, собрал материалы, в том числе письма, обнаруженные у убитых красноармейцев, которые легли в основу его книги «Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию» (N. Y., 1945). С 1940 г. — в Нью-Йорке. Редактор журнала «За свободу» (1941–1947). Мемуарист. Масон.

С.Г.Пети.

135

Почтовая карточка.

136

Un jour (франц.) — однажды, когда-нибудь.

137

Клемансо (Clemenceau) Жорж (1841–1929), французский политический и государственный деятель, в 1906–1909 и 1917–1920 гг. — премьер-министр (в 1917–1920 — одновременно военный министр). Имеется в виду декларация Клемансо, прочитанная в палате депутатов 20 ноября 1917 г., после назначения его премьер-министром 16 ноября 1917 г.

138

См.: Le Temps. 22 Novembre. P. 1–3. Речь Ж. Клемансо напечатана на первой странице газеты, дебаты — на с. 2–3.

139

Имеется в виду книга: *Henri Mordacq*. Le Ministère Clemenceau: Journal d'un Témoin. Novembre 1918 — juin 1919. Paris: Plon, 1931. Т. 1–4. Генерал Анри Мордак (Mordacq) (1868–1943) был начальником штаба Ж. Клемансо в период Первой мировой войны.

140

Марте (Martel) Жан, секретарь Ж. Клемансо. См.: Clemenceau: the events of his life as told by himself to his former secretary Jean Martel; translated by Milton Waldman. London: Longmans, Green, 1930.

141

Лебе (Lebey) Андре (1877–1938), французский писатель и политический деятель, социалист; член Палаты депутатов.

142

Тома (Thomas) Альбер (1878–1932), французский политический деятель, один из лидеров Объединенной социалистической партии, депутат парламента с 1910 г.; министр вооружений в 1916–1917 гг.; с 1920 г. председатель Международного бюро труда при Лиге Наций.

143

Титов Александр Андреевич (1878–1961), ученый-химик, предприниматель, политический и общественный деятель, меценат. Учился в Московском, Берлинском и Лейпцигском университетах, докторскую степень по химии получил в Лейпциге (1903). С 1905 г. приват-доцент Московского университета, возглавлял электрохимическую лабораторию. Один из основателей Народно-социалистической (трудовой) партии, организатор ее московской группы, в 1917–1918 гг. член ЦК партии. Член Главного комитета Всероссийского союза городов. В 1917 г. товарищ министра продовольствия и снабжения во Временном правительстве. В 1918 г. член Московского союза защиты Учредительного собрания и Союза возрождения. Член Русского политического совещания (1919) в Париже, делегат на переговорах с союзниками в Париже и Лондоне. В 1920 г. был объявлен большевиками врагом народа, лишен права въезда в Россию. В эмиграции жил в Париже. Основатель и директор фармацевтического предприятия «Биотерапия» в Париже. Автор многочисленных работ по химии. Один из основателей французской микробиологии. Преподавал на физико-математическом отделении Парижского университета (с 1921), читал лекции в Русском коммерческом институте. Член правления Русского академического союза во Франции. Основатель и пожизненный председатель Общества русских химиков. Председатель Московского землячества в Париже (1920). Член Русского эмигрантского комитета. В 1930-е — 1950-е гг. входил в Комитет по подготовке Дней русской культуры.

144

Варенн (Varenne) Александр (1870–1957), французский политический деятель и журналист. Социалист, член Палаты депутатов.

145

Речь А. Варенна была напечатана в этом номере газеты. См.: Le Temps. 22 Novembre. P. 2.

146

«Новая Россия», двухнедельный журнал, выходил в 1936–1940 в Париже под ред. А.Ф. Керенского.

147

По-видимому, речь идет об отношении к советско-финской войне 1939–1940 гг. Часть эмигрантов (в частности, главный редактор «Послед них новостей» П.Н. Милюков), придерживались «имперских» позиций, полагая, что большевики в конечном счете восстанавливают территориальную целостность Российской империи, другие считали, что нужно поддерживать силы, борющиеся с большевизмом, тем более что в поддержку Финляндии выступили западные демократии, прежде всего Франция и Великобритания. «Новая Россия» занимала непримиримо антибольшевистские позиции. См., напр.: Заявление, сделанное американской печати А.Ф. Керенским о нападении Сталина на Финляндию // Новая Россия. 1939. 20 дек. № 74–75. С. 1; *Волленберг Э.* Финляндская «ошибка» Сталина // Новая Россия. 1940. 20 января. № 76–77. С. 7–10; *Берлин П.* Финляндия и советская мифология // Там же. С. 10–12; Заявление «Новой России» по поводу заключения советско-финляндского мирного договора // Новая Россия. 1940. 22 марта. № 80–81. С. 1; *Федотов Г.* Доколе! // Там же. С. 5.

148

Почтовая карточка.

entweder — oder *(нем.)* — или — или.

150

Бриан (Briand) Аристид (1862–1932), французский государственный деятель. С 1880-х гг. участвовал в социалистическом движении. В 1902 г. избран в парламент. В 1906 г. вошел в буржуазное правительство, за что был исключен из Социалистической партии. Примкнул затем к группе «независимых социалистов» (с 1911 — Республиканская социалистическая партия). В 1909–1931 гг. одиннадцать раз занимал пост премьер-министра (в частности, в 1909–1911, 1913, 1915–1917, 1921 — январе 1922) и 17 раз — министра иностранных дел (в частности, в 1915–1917, 1921–1922, 1925–1931).

151

Каких-либо сведений о С.П. Матюшенко найти не удалось. Его брат — врач Борис Павлович Матюшенко (1883–1944) — был министром народного здравоохранения и попечительства в правительстве Украинской народной республики в 1918–1919 гг.

152

Речь идет о дебатах в Государственной думе по вопросу о военно-полевых судах 12–13 марта 1907 г. 12 марта с речью по этому вопросу выступил Маклаков. На следующий день П.А. Столыпин, выступая с ответным словом, среди прочего, сказал: «Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину» *(Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия… Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 74).

153

Винавер Максим Максимович (1862 или 1863–1926), юрист, депутат I Государственной думы, один из основателей и лидеров партии кадетов, сенатор (1917). В 1919 г. вошел в Краевое правительство в Крыму в качестве министра внешних сношений. С 1919 г. в эмиграции во Франции, жил в Пари же. Входил в исполнительный комитет частного Совещания членов Учреди тельного собрания (1921). Был председателем комитета Парижской группы кадетов, организатором Парижской демократической группы Партии на родной свободы. Участвовал в создании Республиканско-демократического объединения, Русского юридического института (факультета) при Сорбонне. Член Российского комитета земских и городских деятелей (с 1921). Член правления Союза русских писателей и журналистов (с 1921). Преподавал в Русском юридическом институте, читал курс гражданского права. Участвовал в издании газеты «Последние новости». Издатель и один из редакторов еженедельника «Еврейская трибуна» (1920–1924), один из основателей и со редактор газеты (с 1926 — журнал) «Звено» (1923–1926).

154

Пуанкаре (Poincaré) Раймон (1860–1934), французский политический и государственный деятель, умеренный республиканец; премьер-министр правительства Франции в 1912 — январе 1913 г., с января 1922 по май 1924 г. и в 1926–1929 гг., президент Французской республики в 1913–1920 гг.

155

Речь идет, очевидно, о 75-летнем юбилее Д.С. Мережковского (род. 2 [14] августа 1865).

156

Очевидно, имеется в виду начавшееся 10 мая 1940 г. стремительное наступление немецких войск.

157

В оригинале — на английском.

158

Панина Софья Владимировна, графиня (1871–1957), общественный и политический деятель; происходя из знатного и богатого рода (дед — граф В.Н. Панин, министр юстиции при Александре II), мать — из рода миллионе ров Мальцевых, отчим — И.И. Петрункевич, Панина тратила большие средства на благотворительность, от бесплатных столовых для бедных детей до Московского художественного театра. С мая 1917 г. — член ЦК партии кадетов; товарищ министра государственного призрения, затем товарищ министра народного просвещения во Временном правительстве. После Октябрьской революции входила в состав подпольного Временного правительства; 28 ноября 1917 г. арестована как член руководства партии кадетов, однако в декабре 1917 г. освобождена; в октябре 1918 г. бежала на Юг; член Национального центра. Гражданская жена Н.И. Астрова. С 1920 г. в эмиграции, сначала в Константинополе, затем жила преимущественно в Праге. В конце 1930-х гг. перебралась в Швейцарию, затем в США. Была близка к А.Л. Тол стой, принимала активное участие в работе Толстовского фонда.

159

Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951), по образованию юрист; поручик, служил в Добровольческой армии, затем в Вооруженных силах Юга России. В эмиграции с 1920 г. в Париже, журналист, сотрудник «Последних новостей»; с 1945 г. редактор газеты «Русские новости» (1945–1951).

160

Тер-Погосян (Тер-Погосьян) Михаил Матвеевич (1890–1967), помощник присяжного поверенного, журналист; эсер; в 1917 г. состоял в распоряжении военного министра (А.Ф. Керенского); участник Гражданской войны, воевал против большевиков на юге России, в Закавказье и Персии. С 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1925 г. в Париже. Сотрудник и редактор газеты «Дни» в 1923–1927 гг.; деятель парижского Земгора, в 1940-е гг. — член правления, вице-председатель общества «Быстрая помощь». Уполномоченный кинематографической компании «Arev», директор студии «St-Cloud Palace». Масон.

161

Национальный фонд — средства, оставшиеся в распоряжении российских послов и финансовых агентов за границей после краха Белого движения и использовавшиеся для нужд русской эмиграции, преимущественно во Франции. См. подробнее: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 321–367, 395–413.

162

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943), экономист, политический деятель; профессор политэкономии Политехнического и Технологического институтов в Петербурге. Член партии кадетов. В сентябре-октябре 1917 г. — министр финансов Временного правительства. В 1918–1920 гг. — министр финансов в правительствах А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Член Финансового совета при Совещании российских послов в Париже, председатель образованно го по решению Совещания Распорядительного комитета «для ближайшего рассмотрения ассигнований и других вопросов, связанных с управлением и хранением имущества». См. подробнее: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции (ук.).

163

Миллер Карл Карлович (1874–1943), финансист, дипломат; брат генерала Е.К. Миллера. Агент Министерства торговли и промышленности в Японии. В период Гражданской войны организовывал займы правительству А.В. Колчака в японских банках под залог золота. Один из финансовых агентов, на счета которого были переведены средства колчаковского правительства накануне его краха. В 1922 г. перебрался в Париж; занимался страховым делом. Был одним из хранителей остатков казенных денег, держал их в раз личных заграничных банках. Выдавал деньги на различные эмигрантские нужды по представлению Совета послов и по запросам некоторых других организаций. См. подробнее: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции (ук.).

164

Долгополов Николай Саввич (1880–1972), врач, депутат II Государственной думы. Министр здравоохранения в правительстве при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в декабре 1919 — марте 1920 г. С 1920 г. — в эмиграции в Париже, принимал деятельное участие в работе различных благотворительных учреждений. В описываемое время — председатель Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора) в Париже.

165

Зёрнова Софья Михайловна (1899–1972), общественный деятель; с 1921 г. — в эмиграции, сначала в Константинополе, в 1921–1925 гг. — в Бел граде, где окончила философский факультет университета, с 1925 г. — в Париже. Одна из основательниц Русского студенческого христианского движения за рубежом (РСХД), в 1926–1931 гг. — его секретарь. В 1925 г. создала Центр помощи русским эмигрантам в Париже, была до конца жизни его бес сменным генеральным секретарем.

166

Роговский Евгений Францевич (1888–1950), присяжный поверенный, эсер, депутат Учредительного собрания, в 1918 г. председатель Совета управляющих ведомствами («премьер-министр») и управляющий Ведомством государственной охраны Комуча (Комитет членов Учредительного собрания) в Самаре, товарищ председателя Государственного совещания в Уфе, в ноябре 1918 г. товарищ министра внутренних дел Временного Всероссийского правительства в Омске. Во время колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. арестован вместе с другими эсерами — членами коалиционного правительства (Н.Д. Авксентьевым и В.М. Зензиновым) и выслан за границу. В эмиграции в Париже, член правления, затем член исполнительного комитета Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Участник движения Сопротивления.

167

Элькин Борис Исаакович (1887–1972), присяжный поверенный, общественный деятель, публицист. Как и Алданов, уроженец Киева; окончил юридический факультет Петербургского университета, сотрудничал в журнале «Право». С 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1933 г. в Париже. Алданов и Элькин, возможно, были знакомы еще по Киеву и, несомненно, пересекались в берлинский период (1922–1924) жизни Алданова, так же как в парижский. В Берлине Элькин был членом правления и казначеем Комитета помощи русским литераторам и ученым, основателем и членом правления издательства «Слово». У него была сравнительно обширная адвокатская практика, вел он, среди прочего, литературные дела. В 1939 г. Элькин перебрался в Ирландию, затем обосновался в Англии. Жил в Эвешэме, близ Оксфорда. Элькин вел дела и был душеприказчиком А.И. Гучкова и П.Н. Милюкова, оказывал юридические услуги В.А. Маклакову. С этими (и многими другими) нотаблями русской эмиграции он состоял в дружеских отношениях. Элькин написал в своей жизни не одну тысячу писем. Его письма, как это нередко бывало у русских эмигрантов, часто напоминают трактаты, если не по объему, то по содержанию. В его архиве в Оксфорде хранятся сотни листов писем к нему Алданова, Л.О. Дан, А.А. Гольденвейзера, Б.К. Зайцева, Е.Д. Кусковой, Маклакова, Я.Б. Полонского, Е.В. Саблина и некоторых других. Письма самого Элькина, бывшего аккуратным корреспондентом, находятся, соответственно, в фондах Алданова в Бахметевском архиве, Маклакова в Архиве Гуверовского института в Стэнфорде и некоторых других архивохранилищах. Это один из вариантов эпистолярной летописи интеллектуальной и политической жизни русской эмиграции в 1930-1950-е гг. В 1944–1945 гг. Элькин стал как бы связующим звеном между русскими эмигрантами во Франции и США, отчасти по техническим причинам: почтовая связь между Англией и США работала лучше, чем между США и Францией; в свою очередь, известия из Парижа достигали Лондона (и, соответственно, Эвешэма) скорее, чем Нью-Йорка. Подробнее о Элькине и его архиве см.: *Степапский А.Д.* Россика в британских архивах // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 3–7; *Рогачевский А.* Борис Элькин и его оксфордский архив // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. V. Иерусалим, 1996. С. 222–243 (Рогачевским опубликовано по одному письму к Элькину Л.О. Дан, М.А. Алданова и А.А. Гольденвейзера); письма Я.Б. Полонского к Элькину опубликованы О.Р. Демидовой: «Крайне

тяжелые дни»: Письма из Франции // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 1. Иерусалим, 2001. С. 225–248; некоторые письма к Элькину Л.О. Дан опубликованы: *Будницкий О.* Завтра не имеет значения. Лидия Дан: Письма о Ленине // Колокол (Лондон). Июль-август 2002. № 3. С. 66–73. См. также: *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 393–395; *Будницкий О., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М., 2013 (ук.).

168

В оригинале — А. Тер-Погосян, что бесспорно является опечаткой.

169

Почтовая карточка. В оригинале — по-французски. Перевод Валери Познер (Париж). Приводим текст оригинала:

Bien cher ami, j'ai reçu aujourd'hui votre carte du 7 octobre, voici la rapidité de la correspondance. Enfin! Nous avons supporté le pire. Avec Londres ça ne va pas mieux; les lettres vont deux mois ou ne parviennent pas du tout. J'ai reçu un colis de Elkine par occasion; je ne vois pas si c'est votre envoi ou le sien. On a tant écrit sur mon compte dans vos journaux, que je reçois des approbations et des éloges.

Je n'ai pas voulu fuir, et j'ai refusé le camion qu'on a mis à ma disposition pour suivre les fonctionnaires [ici [нрзб]; je n'ai pas voulu déserter tant que les autres restaient. J'ai bien fait puisque ceux qui sont partis sont rentrés plus tard Mais tout ce qui en résulte, se développa de là au mieux sans aucun mérite ou effort de ma part.

Je n'ai pas voulu entrer en rapport avec les forces d'occupation; je les ai ignorées alors ils ont [nommé?] un autre à ma place, et puis m'ont enfermé à la Santé avec tous mes collaborateurs. Nous y sommes restés tous 2 1/2 mois et puis tous nos archives et [nos titres? нрзб] ont été volés.

Après leur départ je décide à ressusciter nos institutions, mais nous manquons d'argent. Nous avons même eu la naïveté de nous adresser à nos amis en Amérique. Je comprends maintenant que ce n'était pas possible et je regrette notre démarche, mais sans cet apport notre position est trop difficile après ces brigandages [?].

J'oublie de vous dire que votre sœur et son mari sont rentrés de Grenoble et sont à Paris. Je les ai vus. J'aurais bien voulu vous écrire davantage, mais avec le système des cartes postales, c'est impossible.

170

Год установлен по содержанию.

171

Речь идет об отъезде из Парижа на юг накануне вступления в город немецких войск в июне 1940 г.

Santé (Санте) — тюрьма в Париже.

173

Полонская (урожд. Ландау) Любовь Александровна (1893–1963), се стра М.А. Алданова, была замужем за публицистом и библиографом Яковом Борисовичем Полонским (1892–1951).

Элькина Анна Александровна, жена Б.И. Элькина.

175

Т. М. — Татьяна Марковна Ландау-Алданова (урожд. Зайцева) (1893–1968), жена М.А. Алданова. В первых трех фразах речь идет о реакции Б.И. и А.А. Элькиных на неприятный эпизод, приключившийся с Т.М. Ландау — в декабре 1944 г. она сломала лодыжку.

176

Зайцев Борис Константинович (1881–1972), русский писатель, с июня 1922 г. в эмиграции в Берлине, с декабря 1923 г. — в Париже.

177

«Новое русское слово» (в 1910 — августе 1920 г. выходила под названием «Русское слово»), ежедневная русскоязычная газета, выходила в Нью-Йорке.

178

Митрополит Евлогий и В.А. Маклаков посетили советского посла Богомолова // Новое русское слово. 1945. 7 марта. С. 1–2. Кобецкий Яков Яковлевич (1883–1946), журналист, в эмиграции с 1919 г., в довоенный период — редактор биржевого отдела «Последних новостей».

179

На самом деле визит состоялся 12 февраля 1945 г., в состав группы, по сетившей посольство, входило девять человек.

180

Богомолов Александр Ефремович (1900–1969), советский дипломат, чрезвычайный и полномочный посол. Полномочный представитель, Чрезвычайный и полномочный посол во Франции в 1940–1941, Полномочный представитель СССР при Французском комитете национального освобождения в 1943–1944, Чрезвычайный и полномочный посол во Франции в 1944–1950. Политика советской власти в отношении эмиграции несколько изменилась к концу войны: наряду с репрессиями в отношении тех, кто оказался на оккупированных Красной армией территориях и кого советская власть считала своим непримиримым противником, были предприняты шаги, направленные на разложение эмиграции «мирным путем», на создание возможности для возвращения эмигрантов на родину, разумеется, при условии безоговорочного признания ими советской власти. Изменение отношения к эмиграции выразилось в таких ранее невероятных вещах, как посещение советским послом эмигрантского театра. Со своей стороны, эмигранты с любопытством присматривались к советским представителям в Париже. Так, В.Н. Бунина делилась впечатлениями о советском после, которого увидела на спектакле в эмигрантском Русском театре: «Был на этом спектакле сам Богомолов, си дел в четвертом ряду. Я видела его издали, как он разговаривал с одной на шей общей знакомой. По внешности он мне понравился: высокий, в очках, лысеющей, с острым приятным лицом. Возмущался, по словам нашей знакомой, что русский язык очень в эмиграции загрязнен: "например, говорят «камионы» вместо грузовики!". Сказал, что купил книгу Бунина: "Вот у него язык не загрязнен…" Жена его хорошенькая, скорее похожа на эмигрантку, чем на советскую женщину. Темные волосы до плеч, правильные черты лица, стройная тонкая фигура» (В.Н. Бунина — Т.М. Ландау, 28 октября 1945 г. // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 381).

181

«Русский патриот»: Орган Союза русских патриотов во Франции. 1943 — 17 марта 1945 г. С 24 марта 1945 г. стал называться «Советский патри от». Нелегальный листок, затем легальная газета, издававшаяся в Париже. Газета антинацистской, просоветской направленности.

182

Коновалов Александр Иванович (1875–1948), крупный предприниматель, председатель правления Товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном». В 1905 г. — один из организаторов Торгово-промышленной партии; с 1907 г. издатель (совместно с П.П. и В.П. Рябушинскими) газеты «Утро России», пытавшейся играть роль рупора российской буржуазии. Один из основателей (1912) и лидеров партии прогрессистов. Депутат IV Государственной думы. Занимал посты министра торговли и промышленности (март-июль) и заместителя министра-председателя Временного правитель ства (сентябрь-октябрь 1917 г.). В июле 1917 г. вступил в партию кадетов, вошел в ее ЦК. С 1918 г. — в эмиграции в Париже. В 1921 г. вступил в Респу бликанско-демократическую группу П.Н. Милюкова. С 1924 — председатель Совета общественных организаций, объединившего левые круги эмиграции. В 1924–1940 гг. — председатель правления газеты «Последние новости». С июня 1941 г. — в Нью-Йорке.

183

Иньоре артикль Кобецки. Кан ву ресеврэ нотр леттр докюмаитэ, ву шанжерэ сертэнеман д-эмпрессион (франц.) — Не обращайте внимания на статью Кобецкого. Когда Вы получите наше подробное письмо, Ваше впечатление наверняка изменится.

184

Об А.С. Альперине см. прим. 5 к письму М.А. Алданова от 12.VI.34. В июне 1941 г. Альперин, как и многие бывшие подданные Российской империи, был заключен нацистами в концлагерь в Компьене, где товарищи по заключению выбрали его старостой. Затем Альперин был переведен в концлагерь Дранси, откуда освобожден в ноябре 1942 г. После освобождения — руководитель еврейского движения Сопротивления в оккупированной зоне Франции. Г.О. Газданов подчеркивал власть Альперина над людьми, объ ясняя ее «его несравненным обаянием и его исключительными душевными качествами». Именно исключительным обаянием Альперина он, может быть несколько наивно, объяснял то, что на Альперина никто не донес, когда тот, не скрываясь, ходил по Парижу в период облав на евреев *(Газданов Г.* Памяти Альперина / Русская мысль. 1968. 17 октября. С. 11).

185

Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950), историк, общественно-политический деятель. Член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, министр великорусских дел в правительстве Украинской народной республики (1917–1918), председатель киевского комитета «Союза возрождения России» (1918–1919). В эмиграции с 1920 г. сначала в Белграде, затем в Варшаве; сотрудничал с Б.В. Савинковым, в 1921 г. выслан из Польши, обосновался в Париже. Преподавал русскую историю и историю русского права в различных французских и эмигрантских высших учебных заведениях, был генеральным секретарем Русского академического союза во Франции; основал Русский педагогический союз во Франции, избирался его председателем, с 1933 г. — председатель правления Тургеневской библиотеки. 22 июня 1941 г. был арестован и интернирован в концлагере Компьен. После освобождения участвовал в движении Сопротивления, вступил в Союз русских патриотов, печатался в газете «Русский патриот». Алданов воспроизводит ошибочные сведения — Одинец в «группу Маклакова» не входил и в посольстве в этот день не был. См. подробнее: *Скоробогатов А.* Фонд историка Д.М. Одинца в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета // Ab Imperio. 2001. № 1–2; *Будницкий О.* К истории русской эмиграции во Франции: по поводу публикации в Al № 1–2/2001 // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 267–272.

186

Речь идет о статье П.Н. Милюкова «Правда большевизма» (впервые выдержки из нее под названием «Правда о большевизме» были опубликованы в газете «Русский патриот»). Статья Милюкова была ответом на ста тью его многолетнего сотрудника М.В. Вишняка «Правда антибольшевизма» (Новый журнал. 1943. № 2. С. 206–224). В своей статье Милюков указывал на некоторые достижения советской власти и отмечал дипломатические и военные заслуги советского руководства.

187

Федотов Георгий Петрович (1886–1951), историк, публицист, философ. Участвовал в социал-демократическом движении, однако затем от революционной деятельности отошел. В 1917–1924 гг. преподавал историю средних веков в Саратовском университете. С 1925 г. в эмиграции в Берлине, затем в Париже. В 1926–1940 гг. — профессор Православного богословского института в Париже. В 1931–1939 гг. редактировал журнал «Новый Град». Вскоре после оккупации Франции нацистами эмигрировал в США. С 1943 г. был профессором Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке.

188

В. Сирин — литературный псевдоним писателя Владимира Владимировича Набокова (1899–1977).

189

Набоков В.В. — Зензинову В.М., 17.Ш.1945 // В.В. Набоков. Pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 78. См. цитату во введении к настоящей публикации.

190

Литературный фонд — официальное название Фонд помощи русским писателям и ученым в изгнании (Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile), учрежден в Нью-Йорке в 1918 г., помогал писателям, деятелям науки и культуры ссудами (как правило, безвозвратными) и посылками.

191

Анна Григорьевна Зайцева, теща Алданова.

Бофрэр (бофрер, beau frère [франц.]) — брат жены.

193

Близкий друг Алданова русский писатель Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) и его жена Вера Николаевна Бунина (урожд. Муромцева) (1881–1961) в описываемое время жили в Грассе, на юге Франции.

194

Имеются в виду Б.К. Зайцев и его жена Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова) (1878–1965).

195

Цвибак (лит. псевд. Андрей Седых) Яков Моисеевич (1902–1994), пу блицист и мемуарист. В эмиграции с 1919 г. в Константинополе, с 1920 г. — в Париже, с 1942 г. — в Нью-Йорке. Сотрудник «Последних новостей», в США — «Нового русского слова», главным редактором которого стал в 1973 г.

196

Полонский Я. Сотрудники Гитлера. От собственного корреспондента «Нового русского слова» в Париже // Новое русское слово. 1945. 20 марта. С. 2. Статья Полонского была датирована январем 1945 г., в ней был приведен длинный список русских эмигрантов, запятнавших себя, по утверждению автора, сотрудничеством с нацистами. Полонским были названы среди прочих имена Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, И.Д. Сургучева, СМ. Лифаря, В.Н. Ильина, Н.Н. Берберовой-Макеевой и др.

197

Поляков Александр Абрамович (1879–1971), журналист. В эмиграции с 1920 г., с 1922 г. — в Париже, с 1942 г. — в США. Секретарь редакции, затем заместитель главного редактора газеты «Последние новости», сотрудник редакции газеты «Новое русское слово».

198

В торговле принадлежавшими евреям картинами Я.Б. Полонский в упомянутой выше статье (см. прим. 29) обвинял Николая Васильевича Макеева (1889–1975), художника и публициста, члена партии эсеров, депутата Учредительного собрания. Макеев был мужем Н.Н. Берберовой в 1936–1947 гг. В 1942 г. он открыл картинную галерею и, по утверждению Полонского, завел карточку, на которой значился как Nicolas von Makeev.

199

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), историк, публицист, член Трудовой народно-социалистической партии, товарищ председателя ЦК партии. Неоднократно подвергался арестам в Советской России, в 1922 г. выслан из страны. В эмиграции в Берлине, с 1926 г. в Париже.

200

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945), поэт, прозаик, литературный критик. В эмиграции в 1919–1020 гг. в Польше, с 1920 г. в Париже. Увлекалась, наряду со своим мужем Д.С. Мережковским итальянским фашизмом и его лидером (дуче) Б. Муссолини, при встрече с которым Мережковский сравнил дуче с Данте. Супруги приветствовали приход нацистов, полагая, что Гитлер сможет освободить Россию от большевизма.

201

Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950), прозаик; публиковался в на цистском «Парижском вестнике», а также в русскоязычных газетах, выходивших в Германии.

202

Берберова Нина Николаевна (1901–1993), прозаик, сотрудник газеты «Последние новости». В нацистских изданиях не печаталась, однако в частных разговорах и переписке высказывала симпатии к нацистам, звала уехавшего на юг Франции И.А. Бунина вернуться в оккупированный Париж. Эти письма, а также очевидное материальное благополучие Берберовой и ее мужа Н.В. Макеева, открывшего картинную галерею и торговавшего, по мнению многих эмигрантов, конфискованными у евреев картинами, создали ей репутацию коллаборационистки. См. подробнее: *Будницкий О.В.* «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 141–173. См. также: Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой (1927–1946)/ публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. М., 2010. С. 8–108. Автор вступительной статьи к этой публикации М. Шраер склонен, не во всех случаях обоснованно, защищать Берберову от возводимых на нее обвинений.

203

Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954), русский философ, религиозный мыслитель. С 1917 г. — профессор философии права Московского университета. В 1922 был выслан из Советской России. В эмиграции в Берлине, с 1923 г. в Париже. Сотрудничал в нацистских изданиях, уехал в Гер манию. Впоследствии (1946) поселился в Швейцарии, опасаясь предстать перед французским судом.

204

Поляков-Литовцев С. Муть и огонь // Новое русское слово. 1945. 22 марта. С. 3. Поляков-Литовцев (наст. фам. Поляков) Соломон Львович (1875–1945), журналист, драматург, публицист, мемуарист. В России служил корреспондентом газеты «Речь» в Государственной думе. С 1915 г. в Англии, корреспондент газеты «Русское слово». В Россию не вернулся, жил в Париже, Берлине, с 1921 г. — в Париже, где был сотрудником «Последних новостей», с 1940 г. — в Нью-Йорке.

205

М.О. Цетлина была одним из инициаторов и спонсором издания «Нового журнала», поначалу выполняла функции его администратора и секретаря. См. о ней прим. 4 к письму М.А. Алданова от U.V. 1931.

На самом деле Бунины вернулись в Париж 3 мая 1945 г.

Co. (обычно c/o) — для передачи (от англ. *care of).*

208

Элькин Александр Борисович (1909–2001), сын Б.И. Элькина.

209

Бромберг Яков Абрамович (1898–1948), историк-евразиец, автор работ по истории евреев.

210

Делевский Ю. - лит. псевдоним Якова Лазаревича Юделевского (1868–1957), эсера, публициста и ученого-геолога. Юделевского, закончившего юридический и физико-математический факультеты Петербургского университета, а также математический факультет Сорбонны и Горный институт в Париже, отличала широта познаний и интересов. Его перу принадлежали работы по философии, социологии, учебник грамматики испанского языка. Юделевский служил горным инженером во Франции, в Африке, в Аргентине, был руководителем геологоразведочных экспедиций во Франции, Испании, Тунисе, Алжире и др. странах, был почетным членом Астрономического общества Франции. Выпустил на французском языке более 20 книг, много печатался в русской эмигрантской печати; автор одной из первых книг, в которой исследовалось происхождение «Протоколов сионских мудрецов» — «"Протоколы сионских мудрецов" (История одного подлога)» (Берлин, 1923). В эмиграции во Франции (по «революционной линии») с 1900 г., с 1941 г. — в Нью-Йорке.

211

Карпович Михаил Михайлович (1888–1959), историк, публицист, профессор Гарвардского университета. Заграницу выехал в 1917 г. в качестве секретаря посла Временного правительства в США Б.А. Бахметева. С 1943 г. соредактор, в 1945–1959 гг. — главный редактор «Нового журнала». Краткую сводку публикаций о Карповиче, имя которого столь часто упоминается в переписке, см.: «Невзирая на Гитлера, отплываем из Нью-Йорка»: М.М. Карпович / публ., вступительная статья и примечания О.В. Будницкого // «Со временные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. Т. 4. М.: Но вое литературное обозрение, 2014. С. 11, прим. 2. См. также: *Перейра Н.О.Г.* Мысли и уроки Михаила Карповича // *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 7–23. См. также краткую библиографию в: *Перейра Н.О.Г.* Указ. соч. С. 7, прим. 3.

212

Цетлин (лит. псевд. — Амари) Михаил Осипович (1882–1945), поэт, прозаик, литературный критик, меценат. Член партии эсеров; в 1907–1917 гг. в эмиграции во Франции и Швейцарии. После Февральской революции вернулся в Россию. С 1919 г. в эмиграции в Париже, с 1940 г. — в Нью-Йорке. В 1920–1940 гг. — редактор отдела поэзии «Современных записок»; основатель, вместе с М.А. Алдановым, «Нового журнала» и его редактор в 1942–1945 гг.

213

Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970), социолог, правовед, публицист, общественный деятель. Преподавал в Санкт-Петербургском университете и Петроградском политехническом институте. В эмиграции с 1921 г. сначала в Финляндии, затем в Берлине, в 1923–1927 гг. в Праге, преподавал на Русском юридическом факультете. В 1927 г. переехал в Париж. Преподавал во Франко-русском институте, в Славянском институте Сорбонны. Сотрудничал в газете «Возрождение». В 1936 г. переехал в США, преподавал в Гарвардском университете, в 1940–1957 гг. профессор социологии Фордэмского университета (Нью-Йорк).

214

Адамович Георгий Викторович (1894–1972), литературный критик, поэт. В эмиграции с 1922 г. в Берлине, с 1923 г. — в Париже.

215

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), социал-демократ (мень шевик); депутат II Государственной думы; публицист. В 1917 г. один из руководителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; в мае-июле 1917 г. — министр почт и телеграфов Временного правительства. С 8 по 24 июля по совместительству министр внутренних дел. В начале 1918 г. уехал в Грузию. С 1921 г. в эмиграции в Париже, с 1940 г. — в Нью-Йорке.

216

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный философ; в 1922 г. выслан из Советской России, жил в Берлине (1922–1924), затем в Париже и Кламаре под Парижем.

217

Коновалова Анна Фердинандовна, жена А.И. Коновалова.

218

Скрибнер (Charles Scribner's Sons), одно из крупнейших и известнейших американских (Нью-Йорк) издательств (основано в 1846, первоначальное на звание Baker & Scribner); в издательстве Скрибнер выходили, в частности, книги Э. Хемингуэя, Ф. Скотта Фицджеральда, Т. Вулфа и др.

219

Голль (Gaulle) Шарль де (1890–1970), французский военный, политический и государственный деятель, генерал. В 1940 г. основал в Лондоне движение «Свободная Франция» (с 1942 — «Сражающаяся Франция»), отказавшись смириться с капитуляцией перед Германией. С 1941 г. — руководитель Французского национального комитета (с 1943 — Французский комитет национального освобождения). В 1944 — январе 1946 г. — глава Временного правительства Франции. Основатель и лидер партии «Объединение французского народа». Впоследствии премьер-министр (с 1958) и президент Франции (1959–1969).

220

Палевский (Palewski) Гастон (1901–1984), французский политический деятель, в описываемое время — политический представитель генерала Ш. де Голля по делам Востока.

221

Блюмель (Blumel) Андре (1893–1973), французский политический деятель, адвокат, журналист; в описываемое время заведующий секретариатом министра внутренних дел.

222

Николаевский Борис Иванович (1887–1966), социал-демократ, член ЦК партии меньшевиков, историк и архивист, публицист, автор многочисленных исследований по истории русского революционного движения. В 1922 г. выслан из Советской России, в 1922–1933 гг. — в Берлине, 1933–1940 гг. — в Париже, с 1940 г. — в Нью-Йорке.

223

Шварц (наст, фамилия — Моносзон) Соломон Меерович (1883–1973), общественный и политический деятель, публицист. Социал-демократ: большевик, с 1907 г. меньшевик. В 1922 г. выслан из Советской России. С 1922 г. в Берлине. Член Заграничной делегации РСДРП, сотрудник «Социалистического вестника». С 1933 г. во Франции, с 1940 г. в Нью-Йорке, с 1970 г. — в Израиле. Умер в Иерусалиме.

Карт д'идантите (carte d'identité) — эмигрантское удостоверение личности.

225

Сертифика д'идантите (certificat d'identité) — эмигрантское удостоверение о месте жительства.

226

Бонне (Bonnet) Анри (1888–1978), французский политик и дипломат; комиссар по вопросам информации во французском Комитете националь ного освобождения и Временном правительстве французской республики (1944); посол Франции в США в 1944–1954 гг.

227

Фальковский Евгений Адамович (1879–1951), присяжный поверен ный, адвокат; член партии народных социалистов. В эмиграции сначала в Константинополе, в 1922–1938 г. в Берлине, был главой Нансеновского офиса (Nansenamt). С 1938 г. в Париже, работал в Офисе по делам русских беженцев, возглавлявшемся Маклаковым.

228

Речь идет о попытках Элькина вернуть мебель, оставшуюся в его съемной квартире в Париже.

Поляков-Литовцев С.Л. Эмигранты в советском посольстве // Новое русское слово. 25 марта 1945. С. 3.

С.Л. Поляков-Литовцев среди прочего писал, что для «оборонцев» критика советского режима в годы войны была психологически невозможной, даже абсурдной.

231

Про дома суа (pro *domo sua* [лат.]) — в свою защиту.

232

Нольде Борис Эммануилович, барон (1876–1948), юрист, специалист в области международного права; член партии кадетов. В 1917 г. заместитель министра иностранных дел в первом составе Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции в Париже. Автор многочисленных исторических и историко-юридических работ.

233

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения. В эмиграции в 1920 г. в Англии, в 1920–1922 гг. — в Бельгии, в 1922–1924 гг. — в Венгрии, с 1926 г. во Франции, с 1945 г. в США.

234

Имеется в виду «Союз русских патриотов» (с марта 1945 — «Союз со ветских патриотов»), антинацистская организация, созданная группой рус ских эмигрантов в Париже 3 октября 1943 г. Союз занимал просоветскую позицию. После освобождения Франции деятельность Союза протекала в постоянном контакте с советским генеральным консульством, затем посоль ством в Париже. Впоследствии был переименован в Союз советских граждан. В конце 1947 г. деятельность организации была запрещена, в начале 1948 г. почти все руководители Союза были высланы в советскую зону оккупации Германии.

235

Саблин Евгений Васильевич (1875–1949), карьерный дипломат; с 1915 г. — первый секретарь российского посольства в Лондоне, поверенный в делах в 1919–1921 гг., до признания Англией СССР де факта в 1921 г. Удерживал за собой здание посольства до 1924 г. Являлся представителем русских эмигрантов в Англии; в 1924 г. приобрел в Кенсингтоне, посольском квартале Лондона, особняк, получивший название «Русского дома». «Русский дом» стал центром русской колонии. Саблин, также как и его жена Надежда Ивановна, состоял в многолетней переписке с В.А. Маклаковым. Под протоколом подразумевается запись речей, произнесенных во время визита 12 февраля 1945 г. советским послом и членами «группы Маклакова».

236

Новицкий Владимир Иосифович (1890–1968), финансист, в 1919 г. за меститель министра финансов в правительстве А.В. Колчака, с 1920 г. в Ва шингтоне, затем в Лондоне, с 1921 г. в Париже, с 1924 г. в Лондоне, где стал одним из директоров London & Eastern Trade Bank. В этом банке хранилась часть средств, находившихся в распоряжении Совета послов, председателем которого с 1932 г. был В.А. Маклаков. См. подробнее: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008 (ук.).

237

Речь идет о еженедельнике «Русские новости».

238

Речь идет о статье В.А. Маклакова «Советская власть и эмиграция».

239

Андерсон (Anderson) Пол (Павел Францевич) (1894–1985), общественный и религиозный деятель; американец по происхождению, посвятил большую часть своей жизни русским делам, в том числе помощи российским эмигрантам. Среди прочего организатор и многолетний глава русского издательства YMCA-Press, содействовал Русскому христианскому студенческому движению, был одним из основателей Свято-Сергиевского православного института в Париже.

240

«За свободу / Издание Нью-Йоркской группы партии социалистов-революционеров». Издание задумывалось как ежемесячный журнал, на самом деле с мая 1941 по июль 1947 г. вышло 18 номеров. Выходил в Нью-Йорке под редакцией В.М. Зензинова.

241

Социалистический вестник: Орган Заграничной делегации РСДРП (в 1921–1922; с 1922 Центральный орган РСДРП). Меньшевистский журнал, основанный в 1921 г. в Берлине Ю.О. Мартовым. Долгожитель эмигрантской журналистики, сменил за время существования три места издания: Берлин, 1921–1933. № 1-289/290; Париж, 1933–1940. № 291–462; Нью-Йорк, 1940–1963. № 463–783/784. В описываемое время журнал выходил под редакцией Р.А. Абрамовича и СМ. Шварца.

242

Маклаков В. Первая Государственная Дума (Воспоминания современ ника). — Париж, — 1939. В выходных данных издательство не указано. Таким образом, книга была набрана в 1939 г., отпечатана (по некоторым данным, в количестве 200 экз.) уже после оккупации нацистами Парижа, поступила в продажу после освобождения Франции. Это издание является библиографической редкостью. Издательство «Петрополис» начало свою деятельность в Петрограде в 1918 г.; в 1922 г. открыло отделение в Берлине, которое функционировало с 1924 г. как самостоятельное; в 1925 г. было открыто отделение издательства в Париже. После прихода нацистов к власти деятельность издательства продолжалась в Брюсселе и Париже.

243

Маклаков В.А. Советская власть и эмиграция // Русские новости. 1945. 25 мая. С. 1, 4. Под первым еженедельником подразумевается «Советский патриот».

244

Первая строка (с небольшой неточностью) стихотворения «Двух ста нов не боец, но только гость случайный» (1858) Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). Приведем это стихотворение, неоднократно цитировавшееся Маклаковым в качестве характеристики его политической и жизненной позиции, полностью:

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снесть,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

245

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), общественно-политический деятель, публицист, философ. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже, с 1921 г. в Софии, в 1922–1925 гг. в Праге, в 1925–1928 гг. в Париже, с 1928 г. в Югославии. В июле 1942 г. вернулся в Париж, умер 26 февраля 1944 г. В свое время Струве, наряду с Маклаковым, С.Н. Булгаковым и М.В. Челноковым, будучи депутатом II Государственной думы, входил в группу так называемых «черносотенных кадетов».

246

По-видимому, речь идет о следующей публикации: Меморандум по русскому вопросу // Новая Россия. 1940. 20 января. № 76–77. С. 2–5. В редакционном предисловии к публикации говорилось: «Печатаемый ниже документ является переводом с французского языка заключительной части записки, составленной известным русским политическим и общественным деятелем демократического направления для осведомления французских политических кругов с положением русского вопроса в настоящий момент» (Новая Россия. 1940. 20 января. № 76–77. С. 2). Возможно, ошибка памяти автора объясняется тем, что и «Дни» и «Новая Россия» редактировались А.Ф. Керенским и направление обоих органов было сходным.

247

Имеется в виду так называемый пакт Молотова — Риббентропа, под писанный 23 августа 1939 г.

248

Имеется в виду советско-финская война (ноябрь 1939 — март 1940), в которой Красная армия, несмотря на одержанную в конечном счете победу, понесла огромные потери в столкновении с противником, которого она многократно превосходила в живой силе и технике.

249

Горчаков Михаил Константинович, светлейший князь (1880–1961), внук канцлера А.М.Горчакова — камер-юнкер, коллекционер. С 1920 г. в эмиграции в Париже, деятель ряда монархических организаций; в 1926–1931 гг. финансировал и редактировал (совместно с Н.Е. Марковым 2-м) журнал «Двуглавый орел». В 1940 г. претендовал на роль «фюрера» русской эмиграции, учредил и стал председателем Комитета по организации представительства русской национальной эмиграции во Франции. Через несколько месяцев князь был немцами смещен.

250

Жеребков Юрий (Георгий) Сергеевич (1908 — после 1980), артист балета, в эмиграции в Югославии, затем в Германии, с 1940 г. во Франции. В 1942–1944 гг. начальник Управления делами русской эмиграции. В 1944 г. участвовал в организации власовского Комитета освобождения народов России (КОНР), начальник отдела внешних сношений КОНР. В 1945 г. арестован французскими властями, приговорен к пяти годам «национального бесчестия», в 1948 г. приговорен за пособничество нацистам в депортации русских евреев к пожизненным принудительным работам; видимо, впоследствии был амнистирован, эмигрировал в Испанию, жил в Мадриде.

251

«Парижский вестник», еженедельная русская нацистская газета, издававшаяся Управлением делами эмиграции во Франции с июня 1942 по август 1944 г. Редакторы П.Н. Богданович (№ 1-22), О.В. Пузино (№ 23–61), Богданович и Н.В.Пятницкий (№ 64–68), Н.В.Пятницкий (№ 69—112). Жеребков принимал, по его собственным словам, непосредственное участие в редактировании газеты (BAR, von Lampe Collection, Box 13, письмо Жеребкова к А.А. фон Лампе, б/д, очевидно, 1952).

252

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства». «Невозвращенец», будучи в заграничной командировке, остался во Франции (1926). Публиковался в «Парижском вестнике».

253

О «программе Маклакова» см.: *Будницкий О.З.* Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. I. С. 194–199.

254

Кривошеий Игорь Александрович (1897–1987), участник Первой ми ровой и Гражданской войн; в эмиграции с 1920 г., жил в Париже, где получил диплом инженера. В июне 1941 г. арестован, находился в лагере Компьен, че рез шесть недель освобожден. Участник движения Сопротивления, органи затор Комитета помощи русским заключенным лагеря Компьен. Принимал участие в спасении евреев от депортации в лагеря уничтожения. Скрывал и переправлял в Испанию сбитых над Францией британских и американских летчиков, собирал информацию для сторонников генерала де Голля. В июне 1944 г. арестован, подвергнут пыткам, приговорен к пожизненному заключе нию, которое отбывал в концлагерях Бухенвальд и Дахау. В 1945–1947 гг. — председатель Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления. Принял советское гражданство. В 1947 г. выслан из Фран ции в советскую оккупационную зону в Германии, оттуда репатриировался в СССР. В 1948–1949 гг. работал инженером в Ульяновске. В 1949 г. аресто ван, по обвинению в «сотрудничестве с мировой буржуазией» приговорен к 10 годам заключения; в 1954 г. освобожден. В 1974 г. вернулся во Францию.

255

На улице Гренелль находилось советское (ранее — российское) посольство.

256

Речь идет о визите генерала Ш. де Голля, в то время председателя вре менного правительства Франции, в Москву, завершившемся подписанием советско-французского договора о союзе и военной помощи. А.Е. Богомолов принимал активное участие в подготовке визита и сопровождал де Голля в поездке. Французская делегация вылетела из Парижа 24 ноября 1944 г., вернулась обратно 16 декабря. Подробнее о визите см.: Ш. де Голль. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М., 2004. С. 69–94.

257

Очевидно, речь идет о зале во Дворце Токио (Palais de Tokyo) в Париже.

Слова «не оставлять» затерты, очевидно, в текст первого экземпляра машинописи было внесено исправление.

259

Четверть века спустя протокол был опубликован. См.: Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. Кн. 100. С. 269–279.

260

Программа генерала А.И. Деникина (1872–1947) выражалась формулой «защита России и свержение большевизма».

261

На этом же листе рукою Алданова письмо к Б.И. Элькину: «Дорогой Борис Исаакович. Как мне ни совестно Вас утруждать, очень прошу доставить это письмо Василию Алексеевичу. Сердечно благодарю. Недавно подробно Вам написал. Примите и передайте Анне Александровне наш самый сердечный привет. Ваш МЛ».

262

Над первой строкой письма надпись рукою В.А. Маклакова: «Письмо Алданова — Титову. 11 июня 45 г.»

263

На самом деле визитеров было девять.

Бульверсе *{bouleversé,* франц.) — потрясен.

Индигнент *{indigné,* франц.) — возмущен.

266

Имеется в виду Объединение русской эмиграции для сближения с Со ветской Россией, основанное 24 марта 1945 г. членами условной «группы Маклакова». Председателем Объединения был избран А.С. Альперин, почетным председателем ВА. Маклаков.

267

Речь идет о докладе А.С. Альперина на учредительном собрании Объединения для сближения с Советской Россией.

268

Имеется в виду ответная речь В.А. Маклакова на выступление советско го посла А.Е. Богомолова во время встречи в посольстве 12 февраля 1945 г.

269

Маклаков В.А. Советская власть и эмиграция // Новое русское слово. 1945.10 июня. С. 2.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954), советский государствен ный деятель, в 1935–1939 гг. прокурор СССР, прославился своими обвини тельными речами на московских показательных процессах. В 1939–1944 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР, в 1940–1949 гг. заместитель министра иностранных дел СССР.

Алданов неверно определил автора цитаты, приведенной в редакционной врезке к статье Маклакова в качестве противовеса мнению старого либерала об антиномии интересов личности и государства: «Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов». На самом деле это фрагмент беседы И.В. Сталина с Гербертом Уэллсом 34 июля 1934 г. Понятно, что о преимуществах социализма говорил Сталин, а не автор «Войны миров».

271

Волков Николай Константинович (1875–1950), агроном, член партии кадетов; депутат III и IV Государственной думы, в период Первой мировой войны товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. Товарищ министра продовольствия Временного правительства, в 1918 г. один из руководителей Национального центра; с весны 1919 г. в Сибири, участвовал в работе Восточного отдела партии кадетов. С 1920 г. в эмиграции в Париже, ближайший помощник П.Н. Милюкова; один из основателей Республиканско-демократического объединения. С 1923 г. заведовал хозяйственной частью газеты «Последние новости», был директором-распорядителем одноименного издательства. В период Второй мировой войны сумел сохранить имущество газеты, которое после освобождения Парижа передал бывшим сотрудникам.

Михельсон Александр Михайлович (1883–1976), экономист, специалист в области финансового права; публицист. Приват-доцент Московского университета, профессор университета Лозанны. В 1915–1918 гг. жил в Берне, был специальным корреспондентом по вопросам экономики ряда российских газет. С 1918 г. на положении эмигранта, в 1919 г. перебрался в Париж. Экономический обозреватель газеты «Последние новости», вел раздел «Валютный рынок — Биржа». Преподавал в Русском институте права и экономики при Юридическом факультете Парижского университета, во Франко-русском институте социальных и политических наук, в Русском коммерческом институте. Член Совета Объединения деятелей русского финансового ведомства и ряда других русских общественных и научных обществ во Франции, член-корреспондент Русского экономического общества в Лондоне.

Имеется в виду статья П.Н. Милюкова «Правда большевизма».

274

Статья «Через три года» (опубликована в «Колоколе» 15 февраля 1858 г.), начинающаяся словами «Ты победил, галилеянин!» была написана А.И. Герценом вскоре после получения в Лондоне известий о рескриптах императора Александра II, знаменовавших начало подготовки крестьянской реформы. По христианскому преданию, «Ты победил, галилеянин!» — предсмертный возглас римского императора (331–363) Юлиана Отступника, об ращенный к Иисусу Христу.

275

Диктатор Италии, лидер фашистской партии Бенито Муссолини (1883–1945) в 1929 г. заключил соглашение (конкордат) с католической цер ковью, регулирующий ее положение и права в Италии; одновременно были заключены так называемые Латеранские соглашения в результате которых возникло государство Ватикан в его нынешнем виде. В рамках программы общественных работ Муссолини организовал осушение Понтийских болот (название болотистой местности в Лацио, юго-восточнее Рима); работы на чались в 1930 г., продолжались около 10 лет. Имя социалиста, призвавшего к примирению с Муссолини, установить не удалось.

В редакционном предисловии к статье Маклакова говорилось, что она «пропитана вся идеями политического индивидуализма и либерализма, поборником которых автор был с самых студенческих лет, за которые он сражался в России во время самодержавия и как член Государственной Думы, и которым он остается верен до конца».

«Между тем ставить сейчас проблему о взаимоотношениях личности и государства в духе идей политического либерализма 19-го века — это значит закрывать глаза на эволюцию современного государства. Жизнь ушла вперед и выдвинула новые формулы и решения. Самый вопрос осложнился. Наряду с проблемой защиты прав ЧЕЛОВЕКА, возникла проблема защиты прав уже не ЛИЧНОСТИ, а социальных и экономических ГРУПП. Самый вопрос о взаимоотношениях государства и личности стал ставиться не только как "антиномия" этих двух начал, но и в плоскости их солидарности и согласования их интересов».

В подтверждение своих слов редакция ссылалась на «официальную советскую доктрину», гласящую, что «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется и не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов» (Русские новости. — 1945. - 25 мая).

277

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933), экономист и публицист; активный участник освободительного движения, за принадлежность или содействие нелегальным организациям неоднократно арестовывался и высылался в 1880 — начале 1900-х гг. Сотрудничал в эсеровской печати; состоял некоторое время в «Союзе Освобождения». В 1906 г. стал одним из основателей партии народных социалистов. После февраля 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; в мае — августе 1917 г. — министр продовольствия Временного правительства. После Октябрьской революции и последовавшего через несколько месяцев разгрома ЦК партии народных социалистов перебрался на Юг. Участвовал в белом движении, печатался в различных периодических изданиях, выходивших на подконтрольных белым территориях. После разгрома белых работал статистиком *в* кооперации, затем в Центральном статистическом управлении Украины. В 1921 г. был обвинен в занижении нормы продналога и пере веден в Москву на должность научного сотрудника в Наркомзем. В 1922 г. арестован и после нескольких месяцев заключения в октябре того же года выслан за границу. В 1923 г. выпустил в Берлине брошюру «Почему я не эмигрировал?», в которой подчеркивал заслуги большевиков в восстановлении русской государственности. После трехлетнего пребывания в эмиграции Пешехонов дважды обращался в полпредства СССР с заявлением о желании вернуться в Россию, но получал отказ. С 1927 г. работал экономическим консультантом торгпредства СССР в Прибалтике. Умер в Риге, похоронен в Ленинграде. Таким образом, его возвращение на родину состоялось post mortem.

278

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), историк, публицист. Автор многочисленных работ по истории России и Украины в XVII–XVIII вв. Сотрудник (1893) и член редакции (с 1904) народнического журнала «Русское богатство». В 1906 г. один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. С марта 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, с мая 1917 г. — член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В 1917 г. избран председателем ЦК Трудовой народно-социалистической партии. В 1918 г. один из создателей и руководителей «Союза возрождения России». В 1920 г. арестован, осужден по делу «Тактического центра», в апреле 1921 г. освобожден. В 1922 г. выслан из Советской России. В эмиграции в Берлине, с 1924 г. в Праге, с 1928 г. профессор историко-филологического факультета Софийского университета.

279

Почтовая карточка.

280

Год установлен по почтовому штемпелю.

281

Публикуется часть письма, относящаяся к дискуссии об отношении к советской власти и о «визите» «группы Маклакова» в советское посольство.

По-видимому, речь идет о контактах с советскими представителями в Лондоне. Советские дипломаты в Великобритании, видимо, следовали той же линии, что и их коллеги в Париже. По словам Е.В. Саблина, он стал негласным советником советского представительства в Лондоне. У него раз в неделю бывал один из секретарей посольства *(Казнима О.* Русские в Англии: Из переписки Е.В. Саблина // Россика в США. М., 2001. С. 180). Нетрудно догадаться, по какому ведомству служил посетитель «белоэмигранта».

Маклаков В. Первая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, 1939.

284

Речь идет о статье: *Поляков-Литовцев С.Л.* Эмигранты в советском посольстве // Новое русское слово. 25 марта 1945.

285

Имеется в виду вторая (с 1939 г.) жена Керенского, австралийская журналистка Лидия (Нелл) Триттон (Lydia Ellen Tritton) (1899–1946).

286

Керенский собирался уехать вместе с тяжело больной женой на ее родину в Австралию.

287

Евлогий (в миру Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946), церковный и политический деятель. После окончания Духовной академии (1892) в Москве и пострижения в монахи (1895) занимал различные посты в церковной иерархии; архиепископ Волынский и Житомирский с 1914 г. Член II и III Государственной думы; от депутатства в IV Думе отказался. Член Св. Синода Русской православной церкви с декабря 1917 г. Оказавшись в Киеве, был арестован в декабре 1918 г. по распоряжению СВ. Петлюры и вывезен в Польшу, затем в Австрию и Румынию; освобожден через 9 месяцев по требованию стран Антанты; с сентября 1919 г. в расположении войск А.И. Деникина, работал в Высшем церковном управлении; в январе 1920 г. эмигрировал в Сербию. С 1921 г. в его ведение перешли по распоряжению патриарха Тихона православные приходы в Западной Европе; в 1922 г. возведен патриархом в сан митрополита. В 1921–1922 гг. в Берлине, с 1922 г. в Париже. Керенский, несомненно, имеет в виду следующий фрагмент интервью митрополита Евлогия газете «Русские новости»: «У меня была одна мечта. Помните, А.И. Куприн, которого я близко знал, сказал однажды: "Человек — хозяин своей жизни, но раб своей смерти. Человек должен умирать у могилы предков". Проникновенные, глубокие слова! Я мечтал на коленях доползти до родной земли, перекрестить ее, лечь и умереть. Да и кто же из честных, подлинно честных и истинно русских людей, уставших от здешней жизни, втайне думал по-другому?» (*Днепров Р.* Пасха Светлая. Беседа с митрополитом Евлогием // Русские новости. 18 мая 1945. С. 1–2).

288

Имеется в виду статья В.А. Маклакова «Советская власть и эмиграция» (Русские новости. 25 мая 1945. С. 1, 4). «Милюковской» Керенский называет эту газету, поскольку она претендовала на преемственность по отношению к самой популярной газете русского зарубежья, что выражалось и в сохранении части названия («Последние новости» — «Русские новости»), логотипа газеты, и в личном составе руководства нового издания (А.Ф. Ступницкий, Н.К. Волков). Под «непристойной выходкой» подразумевается редакцион ное предисловие к статье Маклакова.

289

Имеются в виду речи во время визита в посольство 12 февраля 1945 г. и речь А.С. Альперина на учредительном собрании Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией 24 марта 1945 г.

290

Имеется в виду всеподданнейший адрес Тверского губернского земства императору Николаю II по случаю вступления его на престол (1894). В адресе говорилось о необходимости введения народного представительства.

291

«Бессмысленные мечтания» — слова императора Николая II из его речи к представителям дворянства, земств и городов, произнесенной 17 января 1895 г. В этой речи император, среди прочего, сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Речь Николай II читал по записке, вложенной в круглую барашковую шапку, которую он держал в руках. От волнения царь вместо «несбыточными мечтаниями», как было в тексте написанной для него речи, прочел «бессмысленными мечтаниями» (Николай П. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 56–57). Фраза «бессмысленные мечтания» стала крылатой.

Черчилль (Churchill) Уинстон (1874–1965), премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг.

293

Один из вариантов перевода знаменитого афоризма французского политического мыслителя, историка и философа Алексиса де Токвиля (1805–1859) «худшие времена для дурного режима наступают тогда, когда он делает попытки исправиться» (*Токвиль А., де.* Старый порядок и революция. М., 1997. С. 14).

294

Кедров Михаил Александрович (1878–1945), вице-адмирал (1920); высшая должность в период Первой мировой войны — командующий минной дивизией Балтийского флота (1920). После Февральской революции — помощник морского министра, с июня 1917 г. уполномоченный морского министерства при Русском правительственном комитете в Лондоне. В октябре 1920 г. по приглашению П.Н. Врангеля возглавил Черноморский флот; один из руководителей подготовки и осуществления эвакуации войск Врангеля и гражданских беженцев из Крыма, привел эскадру в Константинополь, затем в Бизерту (Тунис). С 1921 г. в эмиграции в Париже, окончил Школу дорог и мостов, работал инженером; председатель Федерации русских инженеров в Париже. Принимал участие в работе Русского Общевоинского союза (РОВС), с 1930 г. второй заместитель председателя, после похищения председателя РОВС генерала Е.К. Миллера советскими агентами в 1937 г. исполнял недолгое время обязанности председателем этой организации, затем от политической деятельности отошел.

295

В годы Великой Отечественной войны вышел ряд апологетических произведений о грозном царе, инспирированных прямо или опосредованно И.В. Сталиным, как научных, так и художественных. Была дважды переиздана, с дополнениями в духе времени монография Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» (Ташкент, 1942; М.; Л., 1944), вышла монография И.И. Смирнова «Иван Грозный» (Л., 1944), в которой оправдывался опричный террор, 1-я книга исторического романа В.И. Костылева «Иван Грозный» (1943), 1-я серия фильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный» (вышла на экраны в январе 1945) и др.

296

Речь идет о полемике по вопросу о будущем государственном устройстве Франции. Общественное мнение и вслед за ним Временное правительство Франции склонялись в сторону созыва Учредительного собрания и проведения всенародного референдума. Вскоре Временным правительством (август 1945) были утверждены положения, согласно которым одновременно с проведением выборов в Учредительное собрание, призванным составить новую конституцию, должен был состояться референдум. Избирателям предлагалось ответить на два вопроса: 1) хотят ли они, чтобы была принята новая конституция или остались в силе конституционные законы 1875 г.; 2) будет ли проект конституции, принятый Учредительным собранием, окончательным или он должен быть утвержден следующим референдумом.

297

Публикуется часть письма, относящаяся к дискуссии об отношении к советской власти и о «визите» «группы Маклакова» в советское посольство.

298

Берлин Павел Абрамович (1877–1962), журналист, экономист, общественный деятель. Сотрудничал в газете «Жизнь». Редактор журнала «Новая жизнь» (до 1917). С 1922 г. в эмиграции в Берлине, с 1928 г. — в Париже. Сотрудничал в «Социалистическом вестнике» и газете «Новое русское слово». Член Объединения русско-еврейской интеллигенции (1938), Комитета им. Я.Л. Тейтеля(1946).

299

Катценяммер *(Katzenjammer;* нем.) — похмелье (букв, тоска кошачья).

Федотов Г. О любви к отечеству // За свободу. 1945. Июль. № 16. С. 12–17; *Вишняк М.* «Капитулянты, выжидающие, непримиримые» // Там же. С. 18–27. Авторы обеих статей призывали не строить иллюзий относительно эволюции советской власти и резко критиковали русских парижан, предпринявших попытку примирения с ней.

301

Петит истуар (франц.) — малая история, житейские подробности.

302

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939), князь, литературовед, литературный критик, публицист. Участник Первой мировой войны и Белого движения, в эмиграции с 1920 г. в Польше, затем в Афинах, с 1921 г. в Лондоне. Читал курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета. Издал несколько антологий русской поэзии и ряд книг и статей о русской литературе на английском языке. С 1922 г. участник евразийского движения, с конца 1920-х гг. перешел на марксистские позиции, в 1932 г. вступил в компартию Великобритании и в том же году уехал в СССР. В 1937 г. арестован и осужден на 8 лет заключения в лагере по подозрению в шпионаже, умер в лагере.

303

Речь идет об анкете «Эмиграция и советская власть», само появление которой было вызвано визитом «группы Маклакова» в советское посольство 12 февраля 1945 г. Отклики на визит начали публиковаться в кн. 10 за 1945 г. «Нового журнала» (с. 341–360, в оглавлении журнала ошибочно указана с. 241). В этом номере на анкету ответили Н.П. Вакар, М.В. Вишняк, Ю.П. Денике, СМ. Соловейчик.

304

Резон д'этр *(raison d'être,* франц.) — здесь: основание для существования.

305

Экс-ле-Бен (Aix-les-Bains), городок в департаменте Савойя, известный бальнеологический курорт.

306

Каплан Михаил Семенович (1894–1979), книготорговец, издатель. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. — солдат Русского экспедиционного корпуса, затем в Иностранном легионе во Франции. Был награжден Георгиевским крестом и медалью Русских добровольцев. После войны работал в Париже в издательстве «Я. Поволоцкий и К°». С 1929 г. глава издательства и книжного магазина «Дом книги»; сотрудничал с берлинским издательством «Петрополис». В 1930-е гг. издал серию «Русские поэты» (Г. Адамович, Г. Иванов, Н. Оцуп, Б. Поплавский, С. Прегелъ, М. Цетлин и др.), был издателем книг Г. Газданова, Л. Шестова, С. Лифаря, И. Бунина и др. Во время Второй мировой войны трижды арестовывался.

307

Зачеркнуто «прогрессивную».

308

Рубинштейн Яков Львович (1879–1963), адвокат; социал-демократ, примыкал к правому крылу меньшевиков; в 1917 г. председатель Харьковской городской думы. В эмиграции в Париже; член Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам заграницей; член Российского эмигрантского комитета и административного Совета Нансеновского комитета, с 1935 г. представитель эмиграции в совещательном комитете по беженцам при Лиге Наций в Женеве.

309

Прокопович-Кускова (урожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна (1869–1958), политический деятель, публицист. В 1890-е гг. — социал-демократ, одна из идеологов и лидеров «экономистов»; с начала 1900-х гг. участвовала в «освобожденческом» движении; на первом съезде партии кадетов в октябре 1905 г. была заочно избрана в ЦК, но войти в партию отказалась; выступала за блок всех левых сил, включая кадетов. Увлекалась кооперативным движением. В период Первой мировой войны — на «оборонческих» позициях; после Февральской революции поддерживала Временное правительство, выступала против большевиков. В годы Гражданской войны — «нинистка» (ни Ленин, ни Колчак). В 1921 г. одна из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим (Всероспомгола). После разгона комитета арестована и сослана на Север, затем в 1922 г. выслана вместе с мужем за границу. В эмиграции жила в Берлине (1922–1924), Праге (1924–1939), с 1939 г. — в Женеве.

310

Plon, французское книжное издательство, учрежденное в 1852 г. Получило название по имени своего основателя, Анри Плона (Henri Plon).

311

Год установлен по содержанию.

312

Понсо (Ponsot) Анри (1877–1963), французский дипломат и государственный деятель, в описываемое время работал в Верховном комиссариате по делам беженцев в Женеве.

313

Имеется в виду Андре Франсуа-Понсе (François-Poncet) (1887–1978), французский политический деятель и дипломат, посол в Германии (1931–1938), затем в Италии (1939–1940). В период оккупации Франции нациста ми был арестован гестапо и провел три года в заключении.

314

Гиббон (Gibbon) Эдуард (1737–1794), английский историк, автор эпо хальной для своего времени «Истории упадка и разрушения Римской им перии» (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, vols. 1–6, 1776–1788).

315

Хвощинская (в замужестве Зайончковская) (1822 [по другим данным] 1824–1889) Надежда Дмитриевна, русская писательница. Публиковалась преимущественно под псевдонимом В. Крестовский. Фразу, которую не со всем точно цитирует Алданов — в оригинале: «были времена хуже — подлее не бывало!» — произносит один из героев рассказа Хвощинской «Счастливые люди», впервые опубликованного в журнале «Отечественные записки» (1874, № 4).

316

Собственно, в поэме Н.А. Некрасова «Современники» (1875) эта ставшая знаменитой фраза дается как цитата, без упоминания первоисточника:

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

317

Аронсон Г. Либерализм и самодержавие (о новой книге В.А. Маклакова) // Новое русское слово. 1945. 6 августа. С. 2–3.

318

Гордон Борис Абрамович (1881–1952), предприниматель; по образованию инженер-технолог. Директор-распорядитель и директор правления крупных табачных фирм «Лаферм» и товарищества на паях «Колобов и Бобров», член правления Петроградского экспортно-импортного акционерного общества, директор Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), владелец и директор табачной фирмы В. Асмолова, директор печатного дела «А.М. Гор дон с сыном», владелец газеты «Приазовский край». В эмиграции в Париже; в 1931 г. выкупил у М.П. Миронова еженедельник «Иллюстрированная Россия» и стал издавать его с книжными приложениями, в том числе сочинениями русских классиков. В 1942 г., спасаясь от нацистов, перебрался в США.

319

К письму приложен фрагмент почтового конверта, на котором написано: "Aldanoff 68 East 86 Street".

320

Фамилия соредактора журнала М.О. Цетлина появилась на титульном листе кн. 11 (1945) «Нового журнала» в траурной рамке. См. в этом же номе ре: М.А. Алданов «Памяти М.О. Цетлина» (с. 341–344).

321

Мы уже потому «торопимся», что матери моей жены Зайцевой 75 лет, а няне Семеновой, живущей с нами полстолетия., 78 лет (примечание М.А. Алданова).

322

Kerensky on Australian Visit // New York Times. 1945. November 10. P. 2. На самом деле в краткой корреспонденции о прибытии Керенского в Австралию, о болезни его жены не говорилось. Керенский сообщил корреспонденту, что цель визита — посещение родственников жены.

323

Денике (наст. фамилия Осокин) Юрий Петрович (1887–1964), социолог, публицист. Социал-демократ, сначала большевик, затем (с 1906) меньшевик. В 1917 г. заместитель председателя Казанского совета рабочих депутатов. Профессор кафедры социологии и этнологии факультета общественных наук Московского университета (1921–1922). В 1922 г. получил работу в советском постпредстве в Берлине. В том же году перешел на положение эмигранта, став «невозвращенцем». Сотрудничал в «Социалистическом вестнике», составлял обзоры мировой политики. После прихода к власти нацистов в 1933 г. арестован, но вскоре освобожден; в том же году перебрался в Париж. С 1941 г. в США.

324

Роман М.А. Алданова «Истоки» начал публиковаться в 4-й кн. «Нового журнала». Продолжение последовало в кн. 6-11.

325

Год установлен по содержанию.

326

Ельяшевич (Эльяшевич) Василий Борисович (1875–1956), правовед и экономист; до революции — профессор гражданского права Политехнического института, Высших Бестужевских курсов, и экономического отделения Петроградского университета. После 1917 г. в эмиграции во Франции. Член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. С 1922 г. читал в Сорбонне курс русского гражданского права и курс торгового права.

327

Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи де Секонда, барон де Монтескьё (1689–1755), французский философ-просветитель, историк, писатель.

328

Имеется в виду Эммануэль-Жозеф Сийес (Sieyès) (1748–1836, Париж), известный как аббат Сийес, видный деятель эпохи Великой французской революции, публицист.

329

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. После взрыва 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце, осуществленного народовольцами, назначен главой вновь учрежденного чрезвычайного органа — Верховной распорядительной комиссии; с августа 1880 г., после роспуска Верховной распорядительной комиссии — министр внутренних дел. Был сторонником некоторых уступок обществу, привлечения его на сторону власти. Подготовил проект так называемой «Конституции», предусматривавший привлечение к законотворческой деятельности представителей крупных городов и земств путем разового созыва представительного органа с законосовещательными правами. Проект «Конституции» был предварительно одобрен императором Александром II несколько дней до гибели и должен был быть вынесен на обсуждение Совета министров 4 марта

г. Однако Александр II был убит народовольцами 1 марта 1881 г., вступивший на престол Александр III отклонил проект Лорис-Меликова и издал манифест о незыблемости самодержавия, и в конце апреля 1881 г. Лорис-Меликов подал в отставку, которая была принята.

330

Император Николай II вступил на престол 21 октября 1894 г., на следующий день после смерти отца, императора Александра III. Первым публич ным выступлением молодого царя стала речь, произнесенная им 17 января 1895 г. в Николаевском зале Зимнего дворца перед депутациями дворянства, земств и городов, прибывших «для выражения их величествам верноподданнических чувств и принесения поздравления с бракосочетанием». Среди прочего, император заявил, что будет твердо охранять начало самодержавия, а надежды на представительство назвал «бессмысленными мечтаниями». Этой речью император сразу же противопоставил себя той части российского общества, которое считало необходимым перемены. См. также прим. 7 к письму А.Ф. Керенского от 9 июля 1945 г.

331

Эмиграция и советская власть (окончание анкеты) // Новый журнал. 1945. Кн. 11. С. 350–374. В этом номере были напечатаны тексты А.И. Коновалова и СП. Мельгунова и обширное послесловие «От редакции» (с. 365–374).

332

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), политический деятель, экономист; с конца 1890-х гг. социал-демократ, один из лидеров «экономизма». Муж Е.Д. Кусковой. В 1904 г. вступил в Союз Освобождения; в 1905 г. избран в ЦК партии кадетов, но вскоре вышел из партии. Считал себя «вне фракционным социалистом». Видный деятель кооперативного движения. В июле-сентябре 1917 г. — министр торговли и промышленности Временного правительства, в сентябре-октябре — министр продовольствия. Министр-председатель подпольного Временного правительства до своего ареста 19 ноября 1917 г. Был вскоре освобожден. В 1921 г. вместе с Е.Д. Кусковой и Н.М. Кишкиным руководил Всероссийским комитетом помощи голодающим. Арестован после разгона Всероспомгола, сослан на Север, в 1922 г. вы слан за границу. Жил в Берлине (1922–1924), затем в Праге (1924–1939), где возглавлял «Экономический кабинет», с 1939 г. — в Женеве.

333

Ратнер Евсей Владимирович (1893 или 1895–1970), физик, журналист, литератор; член парижской группы партии кадетов; сотрудник «Последних новостей» с 1920 г. После Второй мировой войны — сотрудник газеты «Русские новости».

334

Штерн Сергей Федорович (1886–1947), общественный деятель, журналист; до революции был корреспондентом ряда российских газет в Париже; в России редактировал «Одесский листок», был издателем газе ты «Одесские новости». В эмиграции с 1919 г. в Париже; видный деятель российских общественных и благотворительных организаций, в том числе Земгора, в 1922–1923 гг. редактор еженедельника «Слово». Печатался в «Последних новостях». В годы Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления, занимался организацией помощи заключенным, спасением еврейских детей.

335

Год установлен по содержанию.

336

Nations unies, полностью Organisation des Nations unies (франц.), Организация Объединенных Наций (ООН). В данном случае, по-видимому, имеется в виду предполагавшийся перевод международных организаций, занимавшихся помощью беженцам, из Женевы в Нью-Йорк, где находилась штаб-квартира ООН.

«Истоки» начали печататься с 4-й книги «Нового журнала» (1943).

338

Роман М.А. Алданова «Ключ», посвященный кануну Февральской революции, был напечатан впервые в журнале «Современные записки» (1928, Кн. 35–36; 1929, Кн. 38–40). Отд. изд.: *Алданов М.* Ключ. Берлин: Слово, 1930.

339

Александр II (1818–1881), российский император в 1855–1881 гг.

340

Народовольцы — члены революционной народнической организации «Народная воля», образовавшейся в августе 1879 г. в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Народовольцы перешли к политической борьбе; одним из важнейших средств борьбы народовольцев против самодержавия стал террор. Они совершили несколько покушений на жизнь императора Александра II; после ряда неудач, покушение, осуществленное 1 марта 1881 г. в Петербурге, завершилось убийством царя. После цареубийства большая часть лидеров организации была арестована или вынуждена бежать за границу. К 1884 г. остатки народовольческой организации были ликвидированы полицией. Попытки возродить «Народную волю» в се редине — второй половине 1880-х гг. успехом не увенчались.

341

Бисмарк (Bismark) Отто, князь (1815–1890), политический деятель и дипломат; провел объединение Германии под главенством Пруссии; в 1871–1890 гг. — канцлер Германской империи.

342

Дизраэли (Disraeli) Бенджамин, граф Биконсфилд (Beaconsfield) (1804–1881), премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., лидер Консервативной партии; писатель.

343

Аронсон Г. Либерализм и самодержавие (о новой книге В.А. Маклакова) // Новое русское слово. 1945. 6 августа. С. 2–3. Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968), общественно-политический деятель, публицист, поэт. Член РСДРП (меньшевик), Бунда. Секретарь ОРТ (Общество ремесленного труда; полное первоначальное название — Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России), член Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). Неоднократно арестовывался ВЧК. В эмиграции с 1922 г. в Берлине. Сотрудничал в «Социалистическом вестнике». В 1926–1931 гг. — генеральный секретарь Центрального правления Всемирного союза ОРТ. С 1933 г. — в Париже, с 1940 г. — в Нью-Йорке.

См.: *Керенский А.Ф.* Незадача русского либерализма // Современные записки. 1937. Кн. 63. С. 383–390. Статья Керенского была написана по поводу книги В.А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой Рос сии» (Париж: Иллюстрированная Россия, 1936. Т. 1–3).

345

Тыркова (Тыркова-Вильямс, в первом браке Борман, во втором — Вильямс) Ариадна Владимировна (1869–1962), общественно-политический деятель; член ЦК партии кадетов с 1906 г.; публицист, прозаик, мемуарист. С весны 1918 г. — в Англии; весной 1919 г. вместе с мужем, корреспондентом английских газет Г. Вильямсом — при армии генерала А.И. Деникина; участвовала в работе отдела пропаганды. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, откуда вскоре перебралась в Англию. С 1939 г. во Франции, с 1951 г. — в США.

346

Переписку В.А. Маклакова и А.В. Тырковой, в том числе о второй Думе см. в: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012 (по оглавлению). Переписка, опубликованная в этом томе, неполна, т. к. не включает рукописные тексты Маклакова, составляющие существенную часть корреспонденции.

347

Риэнтри пермит (англ. *reentry permit)* — документ, удостоверяющий право на повторный въезд (возвращение) в США. Выдавался людям, получившим право на постоянное жительство, но не ставшим гражданами страны. Длительное отсутствие в США могло служить основанием для лишения статуса резидента (постоянного жителя) и, соответственно, аннулирования reentry permit.

348

Речь идет об уходе 20 января 1946 г. с поста председателя Временного правительства Французской республики генерала Шарля де Голля. Де Голль возглавлял правительство с июля 1944 г.

349

Роман М.А. Алданова «Начало конца» публиковался в журнале «Современные записки». 1936. Кн. 62; 1937. Кн. 63, 65; 1938. Кн. 66; 1939. Кн. 68, 69. 1940. Кн. 70. Отд. изд.: *Алданов М.* Начало конца. — Париж: Русские записки, — 1939. — Ч. 1. Роман посвящен эпохе 1930-х гг., периоду «начала конца» современного писателю мира, времени господства тоталитарных идеологий и режимов и вырождения демократий.

Вагнер (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор.

351

Гладстон (Gladstone) Уильям (1809–1898), британский политический деятель, лидер Либеральной партии с 1868 г., премьер-министр Великобритании в 1868–1874, 1880–1885, 1886 и 1892–1894 гг.

352

Маркс (Marx) Карл (1818–1883), немецкий философ, экономист, публицист. Основоположник «научного социализма».

353

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), деятель российского и европейского революционного движения, теоретик анархизма.

354

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), русский писатель, исторический романист и драматург. Участник Отечественной войны 1812 г.

355

Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte) (1769–1821), французский полководец и государственный деятель. Император Франции (1804–1814 и в марте-июне 1815).

356

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813), русский полководец, генерал-фельдмаршал (1812). Главнокомандующий русскими войсками в период войны с Наполеоном в 1812–1813 гг.

357

Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895), философ, публицист, друг и соавтор К. Маркса, основоположник, наряду с ним, «научного социализма» (марксизма).

358

Степняк-Кравчинский (наст, фамилия Кравчинский, псевдоним С. Степняк) Сергей Михайлович (1851–1895), революционер-народник, писатель, публицист; 4 августа 1878 г. в центре Петербурга средь бела дня ударом кинжала убил шефа жандармов генерал-адъютанта Н.В. Мезенцева и благополучно скрылся с места преступления. Среди книг Степняка-Кравчинского наибольшую известность получила «Подпольная Россия», содержавшая очерк народнического движения 1870-х гг., а также идеализированные «силуэты и профили» С.Л. Перовской, В.И. Засулич, П.А. Кропоткина и других революционеров. Первоначально книга была опубликована на итальянском языке (1881–1882), а затем переведена на основные европейские языки, в том числе на русский (1893).

359

Годунов Борис Федорович (1552 — 1605), русский царь в 1598–1605 гг. Был избран на царство Земским собором. Молва приписывала ему организацию убийства малолетнего царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного и потенциального претендента на царский престол. Лжедмитрий — очевидно, имеется в виду Лжедмитрий I (Дмитрий Самозванец), авантюрист, выдававший себя за чудесно спасшегося царевича Дмитрия. Был венчан на царство в июле 1605 г., однако уже в мае 1606 г. был свергнут с престола и убит в результате боярского заговора.

360

Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), русский военачальник, генерал от инфантерии.

361

Имеется в виду упоминающийся в «Истоках» Александр Аркадьевич Суворов (1804–1882), внук знаменитого полководца Александра Васильевича Суворова (1930–1800), российский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Санкт-Петербурга в 1861–1866 гг. Именно он 1 марта 1881 г. объявил собравшемуся у Зимнего дворца народу о смерти императора Александра II.

362

Желябов Андрей Иванович (1851–1881), революционер-народник, один из лидеров «Народной воли» и организаторов цареубийства 1 марта 1881 г.

363

Долгоруков Петр Дмитриевич, князь (1866–1951), один из основателей партии кадетов, член ее ЦК; депутат I Государственной думы, земский деятель. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Праге; был товарищем председателя, с 1927 г. — председателем Объединения русских организаций в Чехословакии. 9 июня 1945 г. арестован СМЕРШем 1-го Украинского фронта, обвинен в участии в антисоветских организациях и в сотрудничестве с фашистами (последнее обвинение было совершенно необоснованно) и депортирован в Москву. В 1946 г. был приговорен к пяти годам тюремного заключения, которые отбывал во Владимирской тюрьме. По истечении срока заключения освобожден не был, умер в тюрьме.

364

Солнцев Константин Иванович (1893–1961), подпоручик, филолог, историк русской культуры, литератор, общественный деятель. После 1917 г. эмигрировал в США, затем жил в Германии, с середины 1920-х гг. — во Франции. В течение 20 лет работал в Париже шофером такси. С 1948 г. — в США.

365

Моммзен (Mommsen) Теодор (1817–1903), немецкий историк, специалист по истории Древнего Рима и римского права. Автор «Истории Рима», за которую в 1902 г. был удостоен Нобелевской премии по литературе.

366

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), русский историк, профессор Московского университета.

367

П.Н. Милюков был учеником Ключевского, однако отношения учителя и ученика были непростыми. Так, Ключевский воспротивился тому, чтобы Милюкову за его выдающийся труд «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892), представленный в качестве магистерской диссертации, была сразу присуждена докторская степень.

Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), немецкий философ.

369

Речь идет о рецензии М.М. Карповича на «Первую Государственную Думу» В.А. Маклакова для «Нового журнала».

Тимашев Н.С. Мысли о России // Новый журнал. 1945. Кн. 10. С. 174–188; *он же.* Противоречия во внешней политике СССР // Новый журнал. 1945. Кн. U.С. 164–175.

Федотов Г.Л. Россия и свобода // Новый журнал. 1945. Кн. 10. С. 189–213; *он же.* Запад и СССР // Новый журнал. 1945. Кн. 11.С. 205–230.

372

Имеется в виду статья Г.П. Федотова «Pasionaria» (Новая Россия. 1936. № 14. 15 окт.). Пассионария (Pasionaria, Пламенная) — партийный псевдоним Долорес Ибаррури (Ibarruri) (1895–1989), деятельницы испанского и международного коммунистического движения. С 1930 г. она была членом ЦК, с 1932 г. членом Политбюро Коммунистической партии Испании (КПИ), в 1932–1942 гг. секретарем ЦК КПИ. Шесть раз подвергалась арестам и тюремному заключению. В 1936 г. избрана депутатом кортесов (испанский парламент), в 1937 г. — вице-председателем кортесов. Играла видную роль в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. В 1939–1979 гг. в эмиграции. В 1942–1959 гг. генеральный секретарь, с 1959 г. председатель КПИ. М.А. Алданов несколько вольно интерпретирует позицию Федотова относительно Долорес Ибаррури: Федотов называл ее ужасной женщиной, исполненной ненависти, но признавался, что она ему ближе, чем католик генерал Франко, творивший такое же черное дело, что и Пассионария, но от имени Креста и Церкви. По словам Федотова, дело «Пассионарии» обречено, но «быть с побежденными — это завет русской интеллигенции. Каковы бы ни были зверства испанских революционеров, последнее слово будет принадлежать контрреволюции. И если сейчас зверства обеих сторон как будто уравновешивают друг друга, победа генерала Франко резко наклоняет чашу весов. Мадрид потонет в крови, и эта кровь, как было с Парижской Коммуной, смоет все преступления побежденных» (цит. по: *Федотов Г.Л.* За щита России. Париж: YMCA-Press, 1988. С. 60). Статья Федотова вызвала возмущение в некоторых кругах русской эмиграции, в том числе многих его коллег по Свято-Сергиевскому Богословскому институту в Париже, а также митрополита Евлогия (Георгиевского).

Несомненно, Алданов имеет в виду следующий фрагмент статьи Федотова «Запад и СССР»: «На смену Гитлеру приходит Сталин, как Македонский Филипп после крушения спартанской гегемонии. Гитлер подготовил для него почву… Пора подумать о третьей возможности. Третья сила, которая могла бы, рассуждая теоретически, объединить Европу, это Британия. После кровавой тирании Германии и России, даже военное завоевание Англией было бы счастьем и подлинным освобождением» (Новый журнал. 1945. Кн. U.C. 224–225). Однако усмотреть в статье Федотова призыв к войне, как это делает Алданов, было трудно, ибо фразы, следующие за цитированными выше, звучали совсем не воинственно: «Но достаточно сделать такое предположение, чтобы понять его нелепость. Такая возможность противна всему характеру английской демократии. Англия могла некогда завоевывать территории дикие, или казавшиеся ей дикими. Но выступить в роли Наполеона, даже освободителя, было бы для нее моральным самоубийством. В этом и состоит благородная слабость демократий: для них закрыты многие пути и средства, которые естественны для фашизма» (Федотов Г.П. Указ. соч. С. 225).

Veuillez agréer (франц.) — пожалуйста, примите. Подразумевается, что Маклаков смотрит на передачу приветов как на формальность.

375

Анна Фердинандовна, вторая жена А.И. Коновалова, француженка по происхождению.

376

Новицкий Георгий Исакиевич (1889–1966), инженер-электрик, член партии кадетов. После большевистского переворота работал в Петроградском отделении «Национального центра». В конце 1918 г. вместе с П.Б. и Г.П. Струве переправился, при помощи А.А. Бормана (сына А.В. Тырковой-Вильямс) в Финляндию. Впоследствии совершил «поход» в Советскую Россию и обратно. С 1920-х гг. в эмиграции в Нью-Йорке. Прослужил 27 лет в компании «Ронсождейтэд Эдисон». Был видным деятелем ряда русских эмигрантских организаций в США, в том числе председателем Общества помощи русским детям за рубежом, Общества друзей русской культуры, Общества друзей Свято-Сергиевской академии в Париже. См. о нем: Новое русское слово. 1966. 15, 16, 18, 20 и 21 декабря; *Тимашев Н.С. Г.*И. Новицкий, каким я его знал // Новое русское слово. 1967. 6 января. С. 3; *Борман А.А.* С Г.И. Новицким пятьдесят лет назад // Новое русское слово. 1967. 29 октября. С. 2, 6.

377

Лазаревский Владимир Александрович (1897–1953), журналист, редактор, переводчик, общественный деятель. Сотрудничал в газете «Киевлянин». Участник Гражданской войны. С 1920 г. в эмиграции в Чехословакии, окончил в Праге Русский юридический факультет; затем перебрался в Париж. Выпускающий редактор парижской газеты «Возрождение». В 1946 — редактор непериодического сборника «Свободный голос» (№ 1–3). Последующие выпуски сборника выходили под индивидуальными названиями: см.: Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М., 1999. С. 182. В 1947 г. — основатель и первый редактор парижской газеты «Русская мысль».

378

Карташев Антон Владимирович (1875–1960), историк русской церкви и политический деятель; в 1906–1917 гг. — профессор Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге; с 1909 г. — председатель Религиозно-философского общества. С 1917 г. — член партии кадетов, входил в ее ЦК. С июля 1917 г. — обер-прокурор Святейшего Синода, после его упразднения в августе 1917 г. — министр исповеданий во Временном правительстве. С января 1919 г. — в Финляндии, где возглавил Русский Комитет (с мая — Политический центр), фактически занимавшийся политическим обеспечением армии Н.Н. Юденича. С 1920 г. — во Франции. В 1921 г. избран председателем Национального комитета. С 1925 г. — профессор Русского богословского института св. Сергия в Париже.

Лазаревский Вл. Прискорбная годовщина / Свободный голос. 1946. Сб. первый. Февраль. С. 8–10.

380

В «Свободном голосе» было опубликовано обращение генерала А.И. Деникина, озаглавленное «Ничто так повредить России не может, как оправдание большевицкого режима», начинавшееся фразой, выделенной автором: *«Ничто не изменилось в основных чертах психологии большевиков и в практике управления ими страной»* // Свободный голос. 1946. Сб. первый. Февраль. С. 11.

381

Имеется в виду после издания манифеста 17 октября 1905 г., в котором объявлялось о созыве законодательной Думы и провозглашались гражданские свободы.

382

Александр III (1845–1894), российский император в 1881–1894 гг.

Имеются в виду просоветски настроенные эмигранты, группировавшиеся вокруг газеты «Советский патриот».

384

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), многолетний лидер и крупнейший теоретик партии социалистов-революционеров; в 1917 г. министр земледелия во втором и третьем составах Временного правительства; 5 января 1918 г. был избран председателем разогнанного большевиками Учреди тельного собрания. С сентября 1920 г. — в эмиграции в Эстонии, Германии, затем Чехословакии; член Заграничной делегации ПСР, редактор партийного журнала «Революционная Россия». В 1938 г. перебрался в Париж, с 1941 г. — в США.

385

Зелюк Орест Григорьевич (1888–1951), журналист, издатель. Печатался в «Киевской мысли», «Одесских новостях», «Киевских ведомостях». В эмиграции с 1920 г., жил в Константинополе, затем — в Париже. Владел типографией «Франко-русская печать», выпускал газету «Последние новости». Во время Второй мировой войны жил в Марселе, занимался распространением во Франции иностранной прессы. Арестовывался гестапо, но избежал депортации.

386

Шуйский Василий Иванович (1553–1612), князь, боярин и воевода, русский царь в 1606–1610 гг.

387

Маркевич Болеслав Михайлович (1822–1884), русский писатель, публицист. Автор антинигилистических романов, в числе героев которых народовольцы (в частности, А. Желябов), изображенные разрушителями моральных и социальных устоев общества.

388

Маклаков цитирует слова летописца Пимена из трагедии А.С. Пушки на «Борис Годунов» (1825).

389

Имеется в виду государственный переворот 3 июня 1907 г., когда по на стоянию П.А. Столыпина императором Николаем II была распущена Вторая государственная дума и, вопреки действующему на тот момент законодательству, был принят новый избирательный закон.

390

Очевидно, Ольга Всеволодовна Юркевич (урожд. Крестовская, в первом браке Петровская) (1891–1976), дочь писателя В. Крестовского, во втором браке жена инженера-кораблестроителя В.И. Юркевича (1885–1964). Актриса, выступала в театре Ф. Корша. В период Первой мировой войны — сестра милосердия, в том числе во Франции и на Салоникском фронте. Георгиевский кавалер, была награждена также французскими и сербскими орденами. С 1920 г. в эмиграции, сначала на о. Лемнос, затем в Югославии, с начала 1920-х гг. в Париже. Работала медицинской сестрой. С 1939 г. — в США.

Маклаков В.А. Перед Второй Думой // Новый журнал. 1946. Кн. 12. С. 193–206; *Карпович М.М.* В.А. Маклаков. Первая Государственная Дума (воспоминания современника) // Там же. С. 302–305.

392

Речь идет об ответах И.В. Сталина на вопросы корреспондента «Ассошиэйтед Пресс» Э. Гильмора о международном положении от 22 марта 1946 г., выдержанных в миролюбивом тоне. См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 16. М., 1997. С. 32.

393

Эррио (Herriot) Эдуар (1872–1957), французский политический и государственный деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов; писатель, литературный и музыкальный критик, историк. С 1916 г. неоднократно входил в состав правительства, в том числе занимал пост премьер-министра. В 1919–1940 и 1946–1957 гг. член палаты депутатов, в 1925–1926 и 1936–1940 гг. ее председатель. В 1942 г. отправил маршалу Петэну письмо с протестом по поводу отмены конституционных свобод, после чего был подвергнут домашнему аресту. В августе 1944 г. отклонил предложение П. Лаваля возглавить «переходное» марионеточное правительство. После этого был передан вишистами нацистам и отправлен в Германию, где был интернирован. Освобожден Красной армией в апреле 1945 г. В 1947 — январе 1954 г. председатель Национального собрания, затем до конца жизни почетный председатель Национального собрания.

394

Инелижибелыюсть (от франц. *inéligibilité)* — лишение права избираться, как правило, связанное с совершением того или иного преступления; преступник становится inéligible — «неизбираемым».

Церетели И. Исторические задачи российской социал-демократии // Социалистический вестник. 1946. № 2 (282). С. 53–54.

396

Блюм (Blum) Леон (1872–1950), французский государственный и политический деятель, лидер Французской социалистической партии. В 1936–1937 гг. и недолгое время в 1938 г. — премьер-министр; в 1940 г. арестован по приказу правительства Виши, в 1942 г. предан показательному суду; в 1943 г. депортирован в Германию, помещен в концлагерь Бухенвальд; в 1945 г. освобожден союзными войсками. Входил в состав Временного правительства Французской республики, возглавляемое генералом Ш. де Голлем; декабре 1946 — январе 1947 г. вновь недолгое время возглавлял правительство.

397

Атлантическая хартия была принята 14 августа 1941 г. главами правительств США и Великобритании; 24 сентября к ней присоединились СССР и ряд других стран. Атлантическая хартия определяла принципы устройства мира после победы союзников во Второй мировой войне.

398

Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954), юрист, публицист; член партии кадетов; в марте-октябре 1917 г. городской голова Ростова-на-Дону, в конце 1919 — начале 1920 г. был недолгое время министром внутренних дел в правительстве при А.И. Деникине С 1920 г. в эмиграции в Париже. Член Российского земско-городского комитета (Земгор) (с 1921). В 1921 г. один из организаторов, затем (с 1924) генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов. С 1924 г. член Русского эмигрантского комитета.

399

Гершун Борис Львович (1870–1954), юрист, присяжный поверенный, общественный деятель; член Партии народной свободы (кадетов). В эмиграции в Берлине с 1918 г., в Париже с 1933 г. Председатель Союза русской присяжной адвокатуры в Германии и Берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей, член Союза русских евреев, германского от деления «Американского фонда помощи русским литераторам и ученым», Общества друзей русской печати и ряда других эмигрантских организаций. Инициатор и один из организаторов Съезда русских юристов за границей (1922). Председатель Очага русских евреев-беженцев в Париже (с 1940). Член правления Объединения русских адвокатов во Франции, с 1945 г. его председатель.

400

Год установлен по содержанию.

401

Вельмин Анатолий Петрович (1883–1977), юрист, литератор, журналист. Участник Первой мировой, войны, прапорщик. В эмиграции жил в Польше (с 1924). Варшавский корреспондент парижских «Последних новостей», представитель газеты в Польше до 1933 г. Председатель Русского попечительского комитета в Польше. В 1944 г. вывезен в Германию; с 1945 г. в Париже. Работал нотариусом. Избирался секретарем Союза русских писателей и журналистов (1950), в 1956–1957 гг. член его правления. Член Союза деятелей русского судебного ведомства и Общества охранения русских культурных ценностей. Постоянный сотрудник в Париже нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Представитель Русского архива при Колумбийском университете.

402

Бахметев Борис Александрович (1880–1951), инженер, ученый-гидравлик, предприниматель; социал-демократ (меньшевик), после 1907 г. от партийной деятельности отошел. В 1917–1922 гг. — российский посол в США; после отставки остался в США, основал компанию по производству спичек, на чем разбогател; в 1936 г. основал Гуманитарный фонд, оказывавший помощь русским эмигрантам. С 1931 г. — профессор Колумбийского университета. Обширную переписку Бахметева и В.А. Маклакова, также как более подробные сведения о Бахметеве см. в: «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3 т. / публ., вступительная статья и комментарии О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН и Hoover Institution Press, 2001–2002. См. также: *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев — посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134–166.

403

Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1950), юрист; член партии кадетов, в 1916 г. избран в ее ЦК. Депутат II–IV Государственной думы. После Февральской революции — комиссар в Министерстве юстиции, член Юридического совещания при Временном правительстве. После Октябрьской революции — в эмиграции; жил в Париже, оказывая активное содействие белому движению. Член Парижской группы партии кадетов. Был юрисконсультом ряда нефтяных компаний; член Совета Российского финансового и торгово — промышленного союза.

404

Дело по обвинению приказчика кирпичного завода в Киеве М.-М. Бей лиса в ритуальном убийстве. Слушалось в киевском суде в октябре 1913 г. В.А. Маклаков защищал Бейлиса вместе с О.О. Грузенбергом, А.С. Зарудиным, Н.П. Карабчевским и Д.Н. Григоровичем-Барским.

405

Кровопусков Константин Романович (1881–1958), социолог, экономист, общественный деятель. В период Первой мировой войны уполномоченный Союза городов. С 1919 г. в эмиграции в Константинополе, с 1920 г. в Марселе, с 1921 г. в Париже. С 1923 г. член Совета парижского Земгора. С 1924 г. входил в состав Русского эмигрантского комитета. Глава Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. Товарищ председателя правления Общества «Быстрая помощь» (1931–1945). Заместитель В.А. Маклакова по Офису по делам русских беженцев во Франции (1945–1951).

406

Чаплин Георгий Ермолаевич (1886–1950), капитан 1-го ранга (1919), один из лидеров контрреволюции на Севере России. В ночь на 2 августа 1918 г. возглавил в Архангельске антисоветский переворот. 6 сентября 1918 г. стал одним из руководителей нового переворота, в результате которого было отстранено от власти социалистическое антибольшевистское правительство (Верховное управление), его лидеры, в том числе председатель Верховного управления Северной области Н.В. Чайковский, арестованы и отправлены в Соловецкий монастырь. Однако по требованию представите лей Антанты власть Верховного управления была восстановлена, а Чаплин, в свою очередь, выслан в деревню. Принимал в дальнейшем активное участие в Гражданской войне. С 1920 г. в эмиграции в Великобритании. В период Второй мировой войны служил в британской армии в чине майора, принимал участие в высадке в Нормандии в июне 1944 г. Был весьма активен в эмигрантской политике, принимал участие в деятельности правых организаций.

407

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), революционер-народник, с 1904 г. — эсер, в годы Первой мировой войны — член ЦК Трудовой группы. Активный участник кооперативного движения. Противник Октябрьской революции. В августе 1918 — феврале 1920 г. — председатель и управляющий отделом иностранных дел правительства Северной области (Архангельск). В феврале-марте 1920 г. — член Южнорусского правительства при генерале А.И. Деникине. С января 1919 г. — член Русского политического совещания в Париже, затем член Русской политической делегации. С 1920 г. в эмиграции, сначала в Лондоне, затем в Париже.

408

Саблин Евгений Васильевич (1875–1949), карьерный дипломат; сразу после окончания Императорского Александровского лицея в 1898 г. причислен к Министерству иностранных дел. В 1899–1905 гг. состоял при российской миссии в Белграде (с 1903 — второй секретарь миссии), в 1905–1908 гг. — секретарь генерального консульства в Танжере (Марокко), в 1908–1915 гг. — пер вый секретарь миссии в Тегеране, с 1915 г. — первый секретарь посольства в Лондоне. После перевода посла К.Д. Набокова в Норвегию руководил посольством в качестве поверенного в делах; в дипломатическом листе значился как представитель бывшего Временного правительства (Representative of the late Provisional Government). Исполнял обязанности поверенного в делах в Англии в 1919–1921 гг., до признания Англией СССР де факто в 1921 г. Удерживал за собой здание посольства до 1924 г. Являлся представителем русских эмигрантов в Англии; в 1924 г. приобрел в Кенсингтоне, посольском квартале Лондона, особняк, получивший название «Русского дома». «Русский дом» стал центром русской колонии. Саблин, так же как и его жена Надежда Ивановна, состоял в многолетней переписке с В.А. Маклаковым.

409

Штрандтман Василий Николаевич (1877–1963), карьерный дипломат; в Министерстве иностранных дел с 1901 г.; с 1906 г. секретарь миссии в Дармштадте (Германия), в 1908 г. — секретарь дипломатического агентства в Софии, с 1909 г. — второй секретарь посольства в Константинополе, в 1910 г. прикомандирован к миссии в Цетинье (Черногория), в 1911–1915 гг. — секретарь миссии в Белграде, с 1915 г. — первый секретарь посольства в Риме, в 1917 г. советник миссии в Афинах. В апреле 1919 г. назначен правительством А.В. Колчака посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1920-1930-е гг. оставался в Белграде в качестве делегата Нансеновского комитета по делам беженцев, был начальником управления по делам российских эмигрантов, до 1934 г. уполномоченным Российского общества Красного Креста в Югославии. После окончания Второй мировой войны — в Германии, Швейцарии, затем в США.

410

Сергиевский Борис Васильевич (1888–1971), капитан, летчик-испытатель, инженер-конструктор, общественный деятель, меценат. Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. В эмиграции во Франции с 1919 г., с 1923 г. — в США. Работал пилотом-испытателем в фирмах И.И. Сикорского. Вместе с А.Л.Толстой основатель Толстовского фонда (1939), в течение многих лет вице-председатель и член совета директоров Фонда. Во время Второй мировой войны служил в армии США, участвовал в высадке в Нормандии. Председатель Союза русских военных летчиков за рубежом, председатель Союза Георгиевских кавалеров в США. Член Комитета русских американцев.

411

Штром (урожд. Богданян) Елена Николаевна (1901–1962), сотрудница Офиса по делам русских беженцев после Второй мировой войны. До войны работала в администрации газеты «Последние новости»; во время войны открыла дешевую столовую в Париже.

412

Второе бюро Генерального штаба — военная разведка Франции в 1871–1940 гг. Несмотря на то что Второе бюро было ликвидировано после капитуляции Франции, а французские разведывательные службы после освобождения носили другие названия, термин «второе бюро» по старой памяти еще долго был в употреблении.

413

Вероятно, имеется в виду французская военная разведка, которую в то время возглавлял Андре Серо (Sérot) (1896–1948).

Вейнбаум М. Новый Журнал — книга 12: публицистика и литература // Новое русское слово. 1946. 13 апреля. С. 3; *он же.* Режим трех дворцов // Новое русское слово. 1946. 17 апреля. С. 3.

415

Столкинд Абрам Яковлевич (1882–1964), юрист, журналист (в 1908 корреспондент «Русского слова» в Государственной думе), предприниматель, меценат. В эмиграции в США, вице-председатель, затем председатель Литературного фонда. После окончания Второй мировой войны перебрался во Францию, жил в Ницце.

416

Конституционный референдум во Франции проводился 5 мая 1946 г. для ратификации проекта конституции Четвертой республики, выдвинутого коммунистами, социалистами и христианскими демократам (накануне референдума последние отмежевались от проекта). Умеренные, Радикальная партия и Народное республиканское движение выступали против этого проекта конституции. Против принятия проекта проголосовало около 53 % принявших участие в референдуме.

417

Кериллис (de Kérillis) Анри де (1889–1958), французский политический, журналист, летчик. Участник Первой мировой войны. Правый националист, консервативный республиканец. В период Второй мировой войны в эмиграции в США. Занимался пропагандистской поддержкой движения Сопротивления. Сторонник генерала Ш. де Голля, однако в 1943 г. выступил против него, обвиняя генерала в монополизации власти. Остался в США, полагая, что Франция «порабощена новыми хозяевами».

Имеется в виду генерал Ш. де Голль.

419

На бланке Центрального офиса по делам русских беженцев.

420

На бланке напечатан 1945 год. На самом деле письмо, судя по содержанию, относится к 1946 г.

421

Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973), журналист, редактор, юрист. Уроженец Подольской губернии, эмигрировал в США в 1913. С 1922 по 1973 г. — главный редактор газеты «Новое русское слово». Многие годы был председателем Литературного фонда (Нью-Йорк); член Американской академии политических и общественных наук.

422

Статьи с таким названием нами не обнаружено. Вероятно, речь идет о статье М.Е. Вейнбаума «Режим трех дворцов» (Новое русское слово. 1946. 17 апреля. С. 3).

423

Гучков Александр Иванович (1862–1936), крупный промышленник; один из основателей и признанный лидер «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы, с марта 1910 по март 1911 г. — ее председатель. В годы Первой мировой войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Оказал финансовую поддержку Добровольческой армии на начальном этапе ее формирования. С 1919 г. — в эмиграции в Париже. В 1921–1923 гг. председатель Русского парламентского комитета. Член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза и некоторых других эмигрантских организаций.

C'est le moment ou jamais (франц.) — сейчас или никогда.

Имеется в виду генерал Ш. де Голль.

426

Mutatis mutandis (лат.) — здесь: с соответствующими поправками.

427

Монк (Monck) Джордж, 1-й герцог Альбемарль (1608–1670), английский полководец и адмирал, деятель английской революции, затем архитектор реставрации королевской власти в Англии в 1660 г.

428

Карл II Стюарт (Charles II, 1630–1685), король Англии и Шотландии с 1660 г.

429

Речь идет о референдуме 5 мая 1946 г. по проекту конституции, подготовленному Учредительным собранием, в котором преобладали представители левых партий. Большинством голосов (51,6 %) проект конституции был отклонен. 2 июня должны были состояться выборы во второе Учредительное собрание, чтобы разработать новый проект конституции Франции.

430

Гукасов (Гукасянц) Абрам Осипович (1872–1969), нефтепромышленник, общественный деятель, издатель. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве (1890), учился на физико-математическом факультете Новороссийского университета (Одесса), завершил образование в Лейпциге, где получил степени доктора естественных наук (геология) и доктора философии. С 1899 г. представлял в Европе деловые интересы своей семьи (добыча и переработка нефти), жил в Лондоне, впоследствии в Пари же; в 1907 г. основал в Лондоне судостроительное общество Baiting Trading Co. В 1924 г. основал в Париже компанию по строительству нефтеналивных судов Les Pétroles d'Outre-Mer; с 1925 г. занимался также строительным бизнесом. С 1926 г. председатель Российского центрального объединения (с 1937 — Российского национального объединения). Издатель газеты «Воз рождение» (1925–1940) и одноименного журнала (с 1949).

431

Тхоржевский Иван Иванович (1878–1951), поэт-переводчик, литературный критик и историк литературы. С 1901 г. начал службу чиновником канцелярии Комитета министров, был помощником начальника переселенческого управления, в 1913–1916 гг. — управляющий канцелярией Министерства земледелия; действительный статский советник, камергер. В 1918 г. — участник «Правого центра»; в 1919 г. нелегально перебрался в Финляндию; в 1920 г. приехал в Крым, где был начальником канцелярии правительства П.Н. Врангеля. В ноябре 1920 г. эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Париж. Член парижского Союза русских писателей и журналистов. Автор вызвавшей противоречивые отклики 2-томной «Русской литературы» (Париж, 1946); в 1949 г. — редактор журнала «Возрождение». Состоял в пере писке с Маклаковым. См. нашу публикацию «Соблазнитель генералов» (Родина: Российский исторический журнал. 1997. № 12. С. 59–62).

432

Таганцев Николай Николаевич (1873–1946), юрист, общественный и церковный деятель. Служил в Московском окружном суде, затем в С.-Петербурге. Товарищ председателя уголовного отделения Петроградского окружного суда. Сенатор при Временном правительстве, министр юстиции в правительстве генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции во Франции, с 1923 г. жил в Париже. Член Союза бывших деятелей русского судебного ведомства, в 1930-е гг. председатель правления Союза. Участвовал в работе Объединения русских адвокатов во Франции. С 1933 г. генеральный секретарь Русского эмигрантского комитета во Франции. Работал в Русском комитете объединенных организаций, с 1936 г. его генеральный секретарь.

433

«Северная Звезда» — масонская ложа, функционировала в Париже с 1924 по 1972 г. (с перерывом в 1940–1944).

434

Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». В Указе говорилось:

1. Установить, что лица, состоявшие к 7 ноября 1917 года подданными бывшей Российской империи, а также лица, состоявшие в советском гражданстве и утратившие это гражданство, а равно их дети, проживающие на территории Франции, могут восстановить гражданство СССР.

2. Лица, указанные в статье 1 настоящего Указа, изъявившие желание восстановить гражданство СССР, могут быть восстановлены в гражданстве СССР в том случае, если они в течение срока до 1 ноября 1946 года обратятся в Посольство СССР во Франции с соответствующими заявлениями, к которым должны быть приложены документы, удостоверяющие личность заявителя и его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству.

3. Ходатайства о восстановлении в советском гражданстве рассматриваются Посольством СССР во Франции. В случае признания представленных заявителем документов удовлетворяющими требованиям настоящего Указа, Посольство выдает заявителю советский вид на жительство.

4. Лица, не возбудившие в течение срока, установленного статьей 2 настоящего Указа, ходатайств о восстановлении гражданства СССР, могут быть приняты в гражданство СССР на общих основаниях.

435

На самом деле «Песнь торжествующей свиньи» (1880-е) — название сатирического стихотворения Анны Павловны Барыковой (1839–1893). На звание, очевидно, было навеяно притчей «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889), включен ной в его книгу «За рубежом» (1880–1881).

436

Бидо (Bidault) Жорж-Огюстен (1899–1983), французский политический и государственный деятель. С 1943 по август 1944 г. — председатель Национального совета Сопротивления, фактически руководил движением Сопротивления во Франции. Министр иностранных дел в правительстве генерала Ш. де Голля с августа 1944 г. Премьер-министр Франции с 23 июня по 28 ноября 1946 г. Впоследствии неоднократно занимал министерские посты; был премьер-министром в 1949–1950 гг.

437

Милюкова Антонина (Нина) Васильевна (урожд. Григорьева; в первом замужестве Лаврова), вдова П.Н. Милюкова.

438

Каган Абрам Саулович (1888–1983), юрист, издатель. Профессор и про ректор Петроградской сельскохозяйственной академии (1917–1922). Один из основателей издательства «Петрополис» в Петрограде (1919). В 1922 г. вы слан из Советской России, жил в Берлине. В Германии — соучредитель и руководитель берлинского филиала издательства «Петрополис» (1922–1930), выпускавшего русскую эмигрантскую литературу, владелец издательств «Гранит», «Обелиск» и «Парабола». В 1934 г. переехал в Брюссель, затем во Францию. С 1940 г. — в США, где возглавлял издательство International Universities Press.

Алданов М.А. Истоки // Новый журнал. 1946. Кн. 13. С. 53–112.

Приписка М. А. Маклаковой.

441

Атран Соломон Самойлович (Эфроим Зальман, 1885?-1952), социал-демократ, член Бунда, предприниматель, меценат. С 1925 г. в эмиграции в Берлине. Основатель компании Etam по производству чулок, миллионер. Занимался также недвижимостью. С 1940 г. в США. Известный филантроп, Атран среди прочего выплачивал пожизненную пенсию четырем русским писателям, среди которых были И.А. Бунин и Н.А. Тэффи.

Лидия (Нелл) Триттон, вторая жена А.Ф. Керенского.

443

Заголовок корреспонденции в «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» о секретных слушаниях по военному бюджету в Комитете по делам вооруженных сил Сената США в самом деле звучал чрезвычайно тревожно: «Брэдли уверяет, что угроза войны выросла за последние 90 дней» (Bradley Asserts War Peril Rose in Last 90 Days // New York Herald Tribune. 1948. April 26. P. 4). Учитывая то обстоятельство, что генерал Омар Брэдли (Bradley, 1893–1981) был в описываемое время начальником штаба армии США, заявление было достаточно авторитетным. Министр обороны Джеймс Форрестол (Forrestal, 1892–1949) заявил на слушаниях: «Со всей ответственностью говорю, что считаю каждый день решающим». Причем особых сомнений в том, кто будет противником, у членов сенатского комитета не было: «Все дискуссии в комитете велись с пониманием того, что Россия может стать противником в следующей войне». Выступая по радио, сенатор-демократ Миллард Тайдиигс (Tydnigs) открыто говорил: «В случае Третьей мировой войны мы не сможем бомбить российские города, используя существующий в настоящее время самолеты с баз на территории США, ибо Россия находится гораздо дальше Германии» (там же). Речь шла о финансировании разработок новых самолетов и создания баз в Европе. Надо, однако, делать скидку на то, что в период обсуждения военного бюджета разговоры о военной угрозе обычно приобретают несколько преувеличенный характер. Заметим, однако, что уже на следующий день Форрестол снизил тон, воз можно, в ответ на опасения некоторых сенаторов, что увеличение военных расходов может привести к инфляции. Он заявил, что не считает войну неизбежной: «Я не хочу, чтобы создалось впечатление, будто мы думаем, что война совсем близко. Однако я уверен, что мы находимся в состоянии напряженности, которое может затянуться на многие годы» (New York Times. 1948. April 27. P. 21).

Речь идет о статье «Еретические мысли».

445

Год установлен по содержанию.

Алданов М. Exterminator // Новое русское слово. 1948. 2–6 мая. В том же году рассказ вышел отдельным изданием под названием «Истребитель».

447

Персонаж рассказа М.А. Алданова «Экстерминатор».

448

Людовик (Louis) XIV (1638–1715), король Франции в 1643–1715 гг.

449

Речь идет о письме М.С. Цетлиной И.А. Бунину от 20 декабря 1947 г. в связи с выходом Бунина из парижского Союза русских писателей и журналистов И ноября 1947 г. Конфликт в Союзе русских писателей был связан с тем, что из Союза были исключены писатели, получившие советские паспорта (это стало возможным после выхода в свет Указа советского правительства от 14 июня 1946 г. о восстановлении гражданства СССР для бывших подданных Российской империи). В знак протеста с собрания Со юза русских писателей, принявшего поправку к уставу о том, что советские граждане не могут быть его членами, ушли 14 человек, включая В.Н. Бунину. Позднее еще несколько членов Союза прислали заявления о выходе, в том числе Бунин. Это стало причиной разрыва многолетних отношений Цетлиной и Бунина. Цетлина, в частности, писала: «Вы ушли в официальном порядке из Союза писателей с теми, кто взяли советские паспорта. Вы нанесли этим очень большой удар и вред всем, которые из двух существующих России признают только ту, которая в концентрационных лагерях, и не могут взять даже советского паспорта. Я должна уйти от Вас, чтобы чуть- чуть уменьшить Ваш удар. У Вас есть Ваш жизненный путь, который Вас к этому привел. Я Вам не судья. Я отрываюсь от Вас с очень глубокой для меня болью, и эта боль навсегда останется со мной…» *(Пархомовский М.А.* Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым: По матери алам архива М.С. Цетлиной // Евреи в культуре Русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары, эссе. Вып. 4. Иерусалим, 1994. С. 315). Бунина (и Алданова, который был в курсе дел близкого друга) особенно возмутило, что письмо было отправлено на адрес Б.К. Зайцева для пересылки Бунину, уехавшему в это время из Парижа, в незапечатанном конверте, что сделало этот текст всеобщим достоянием. Копия письма распространялась также среди эмигрантской общественности в Нью-Йорке. В ответном письме (от 1 января 1948) Бунин уверял, что он вышел из Союза в связи с тем, что много лет не принимал участия в его деятельности, однако тут же, противореча себе, писал: «Почему я не ушел из Союза уже давным-давно? Да просто по тому, что жизнь его текла прежде незаметно, мирно. Но вот начались какие- то бурные заседания его, какие-то распри, изменения устава, после чего начался уже его распад, превращение в кучку сотрудников "Русской мысли", среди которых блистает чуть не в каждом номере Шмелев, участник париж ских молебнов о

даровании победы Гитлеру…» (цит. по: Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1939–1948 / публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. СПб., 2001. С. 554). Подробнее об этом эпизоде, повлекшем, в числе прочего, уход Бунина и Алданова из «Нового журнала» см.: *Дубовиков А.Н.* Выход Бунина из парижского Союза писателей // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 390–407; Об отношениях Цетлиной и Буниных до разрыва, а также их переписку за 1940–1947 гг. см. в публикации Н. Винокур «Новое о Буниных» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 8. М., 1992. С. 282–328).

450

Полгода спустя Алданов писал М.С. Цетлиной, объясняя причину своего ухода из «Нового журнала»: «Позвольте Вам сказать (хотя это всем совершенно ясно и не может не быть ясно), что финансовые расчеты не имели и не имеют ни малейшего отношения ни к моему уходу из "Н. Журнала", ни к прекращению наших давних дружеских отношений…Единственной причиной было Ваше письмо к Бунину, — Вы это знаете…Бунин был вместе со мной инициатором "Нового Журнала"…Он был также и самым ценным и знаменитым из его сотрудников…Платили мы ему, по нашей бедности, гроши. Вы сочли возможным написать ему то письмо. Сочли возможным, даже не запросив его, в чем дело, почему он ушел из парижского Союза, — вещь совершенно неслыханная. Ваше действие после 30 лет дружбы. Это письмо Вы послали открытым по адресу Зайцева, под предлогом, что адреса Ивана Алексеевича в Жуан-ле-Пэн не знали (почта, однако, письма пересылает). Мой адрес Вы во всяком случае знали… Письмо Ваше было для Бунина оскорбительным. Оно было причиной его ухода из "Нового Журнала". Бунин тотчас объявил мне, что из "Нового Журнала" уходит. Таким образом, ушел и я. Я грубо солгал бы Вам, если бы сказал, что после такого Вашего действия в отношении моего лучшего друга Бунина (а косвенно и в отношении меня) наши с Вами отношения могли бы остаться хотя бы только близкими к прежним…» (М.А. Алданов — М.С. Цетлиной, 7.01.1949 // *Пархомовский М.А.* Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым: По материалам архива М.С. Цетлиной. С. 317–319).

451

Гуль Роман Борисович (1896–1986), писатель, политический деятель. Участник Первой мировой и Гражданской (в том числе 1-го Кубанского по хода Добровольческой армии) войн. С 1919 г. в эмиграции, до 1933 г. в Берлине, с 1933 по 1950 г. во Франции, с 1950 г. — в США. Автор многочисленных произведений на материале истории русской революции и Гражданской войны, жизни русской эмиграции, в том числе на основе личного опыта. Наиболее известное — «Ледяной поход (С Корниловым)» (1921). Входил в группу В.Б. Станкевича «Мир и труд», позже — сменовеховец. Секретарь редакции журнала «Новая русская книга» (Берлин), в 1923–1924 — редактор литературного приложения к газете «Накануне», действительный член берлинского Дома искусств. В 1933 г. был заключен нацистами в концлагерь, после освобождения уехал в Париж. В период нацистской оккупации пере брался на юг Франции, жил в деревне. В 1948 г. организовал в Париже политическую группу «Российское народное движение», издававшую журнал «Народная правда» под его же редакцией.

452

Речь идет о публикации воззвания инициативной группы Российского народного движения — «…За Россию, за свободу, за человека! От инициатив ной группы Российского народного движения» (Новое русское слово. 1948. 30 мая. С. 2).

453

Торез (Thorez) Морис (1900–1964), генеральный секретарь Французской коммунистической партии с 1930 г., в 1945–1946 гг. министр без портфеля, в 1946–1947 гг. — заместитель председателя Совета министров Франции.

Оппенгеймер (Oppenheimer) Роберт (1904–1967), американский физик, научный руководитель Манхэттенского проекта, в ходе которого было создано ядерное оружие; получил известность как «отец атомной бомбы».

455

Год установлен по содержанию.

456

На улице Пюто (rue Puteaux) в Париже заседала после войны масонская ложа «Лотос». Маклаков в эту ложу не входил, выступал в данном случае в качестве приглашенного докладчика.

457

Мандельштам Андрей Николаевич (1869–1949), юрист и дипломат, доктор международного права, ученый-ориенталист, действительный статский советник (1916). Длительное время служил в российском посольстве в Турции, высшая должность — 1-й драгоман; в 1914–1916 гг. — в центральном аппарате МИД, при Временном правительстве директор правового департамента МИД. В эмиграции — в Париже, советник министра иностранных дел правительств А.В. Колчака и А.И. Деникина, С.Д. Сазонова, затем старшего российского дипломатического представителя за границей М.Н. Гирса. Работал в отделе защиты русских граждан за границей при Исполнительной комиссии Совещания членов Учредительного собрания. Читал лекции в Институте международного права, на юридическом факультете Парижского университета. Выпустил ряд монографий на французском языке о судьбе Оттоманской империи и армянском вопросе. Публиковался во французской и русской эмигрантской периодике.

458

Барон Борис Эммануилович Нольде (1876–1948) скончался 28 (по другим данным, 27) мая 1948 г.

459

Мещерская (урожд. Струве) Вера Кирилловна, княгиня (1876–1949), фрейлина императорского двора, общественный деятель. Основатель (в 1927) и бессменный руководитель Русского дома в Сент-Жеивьев-де-Буа, член правления Российского общества Красного Креста и ряда других эмигрантских общественных и благотворительных организаций.

460

Конверт с адресом: Aldanov, 109 West 84 St., New York 24.

Базиль де (наст.: Василий Григорьевич Воскресенский) (1888–1951), полковник, импресарио. Участник Первой мировой и Гражданской войн, георгиевский кавалер. Командовал Каспийской флотилией (1918). В эмиграции в Париже. В 1923 г. создал театральную труппу, которая выступала в театре Belleville. В 1925 г. открыл совместно с А. Церетели и И. Зоном балетное предприятие «Цербазон». В 1932 г. основал вместе с Р. Блюмом Русский балет Монте-Карло, с 1936 по 1948 г. был его единственным руководителем. Возглавлял также труппы «Ballet russe de colonel de Basil» и «The Original ballet russe» (1939–1948), гастролировавшие в Великобритании, Латинской Америке, Австралии и др.

462

Titre de voyage (франц.) — документ, позволявший пересекать границу, выдавался главным образом апатридам (лицам без гражданства) и беженцам.

463

Ди-пи (DP, аббревиатура от displaced person) — перемещенное лицо, т. е. лицо, вынужденное оставить постоянное место жительства ввиду чрезвычайных обстоятельств (война, стихийное бедствие). Употребляется прежде все го по отношению к беженцам и вынужденным эмигрантам (в том числе по политическим мотивам) в период после окончания Второй мировой войны.

Датируется по содержанию.

465

Рогнедов Александр Павлович (?—1958), импресарио, театральный дея тель, литератор. Киевлянин. В эмиграции в Париже и в Италии. Возглавлял Русский театр миниатюр «Карусель». Опубликовал несколько книг, в том числе об Испании, составитель книги произведений авторов разных стран об Испании.

Франко (Franco) Франсиско (1892–1975), испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании. В 1936 г. возглавил военный мятеж против Испанской республики, опираясь на помощь, а затем и открытую интервенцию Германии и Италии. В 1939 г. после падения республики был провозглашен военной хунтой пожизненным главой («каудильо») испанского государства.

467

Речь идет о разворачивающемся «берлинском кризисе». Ему предшествовало объединение американской, британской и французской зон оккупации в так называемую Тризонию, а затем проведение там денежной реформы и введение новой валюты. В ответ СССР ввел блокаду Западного Берлина, находившегося под контролем союзников.

468

Масарик (Masaryk) Томаш (1850–1937), чешский философ и социолог, политический деятель. Первый президент Чехословацкой республики (1918–1935). Очевидно, что это «описка» Маклакова и на самом деле он, реагируя на недавние события, имел в виду Эдварда Бенеша (Benes) (1884–1948), президента Чехословакии в 1935–1948 гг. (в 1938–1945 — в изгнании). Во время политического кризиса в феврале 1948 г. Бенеш уступил давлению коммунистов во главе с премьер-министром Клементом Готвальдом, принял отставку министров трех демократических партий и согласился с изменения ми в правительстве, в результате которых власть в Чехословакии оказалась в руках Коммунистической партии. В мае 1948 г. Бенеш отказался подписать новую конституцию страны, разработанную коммунистами, а 7 июня подал в отставку.

«Истоки» вышли отдельным изданием первоначально в английском переводе под названием Before the Deluge («Перед потопом»). Книга вы шла в США в 1947 г., в следующем году последовало британское издание: *Aldanov M.* Before the Deluge. Translated from the Russian by Catherine Routsky. New York: Charles Scribner's Sons, 1947; То же. London: Jonathan Cape, 1948. В 1948 г. Книжное общество Англии избрало Before the Deluge лучшим романом месяца

470

На бланке Центрального офиса по делам русских беженцев.

Onus probandi (лат.) — бремя доказательства.

Каррель (Carrel) Арман (1800–1836), французский журналист, исто рик и публицист. Когда в 1823 г. французское правительство решило послать в Испанию войска для ликвидации достижений революции 1820–1823 гг. и восстановления неограниченной королевской власти, Каррель, служивший после учебы в военной школе Сен-Сир в армии, вышел в отставку и отправился в Испанию для участия в борьбе за свободу. Каррель вступил в отряд иностранных волонтеров и участвовал в военных действиях против французских войск. Каррель попал в плен и был предан военному суду, приговорившему его к смертной казни, однако приговор был отменен по формальным основаниям. Вторичное рассмотрение дела Карреля в другом военном суде окончилось его оправданием.

473

«Лига борьбы за народную свободу» была создана в Нью-Йорке тремя эмигрантскими группами социалистической ориентации — меньшевиками, эсерами (объединившимися вокруг «Социалистического вестника» в социалистическую фракцию) и остатков «Крестьянской России» (в нее входили уцелевшие члены американского и французского отделений). В Лигу вошли также некоторые эмигранты «второй волны» и советские перебежчики военного и послевоенного времени, не входившие в какие-либо группы А.Ф. Керенский, М.М. Карпович, Г.П. Федотов, художник М.В. Добужинский. Учредительное собрание Лиги состоялось 10 мая 1948 г. в Нью-Йорке на квартире Д.Ю. Далина, программа Лиги была сформулирована и напечатана к началу июня. На лидерство в Лиге претендовали А.Ф. Керенский и Б.И. Николаевский. См. подробнее: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд. СПб., 2008. С. 286–291.

Деа (Déat) Марсель (1894–1955), французский политический и государственный деятель. Участник Первой мировой войны. Член Социалистической партии Франции, член палаты депутатов с 1926 г. Недовольный политикой лидера партии Леона Блюма, в 1932 г. вышел из партии, в 1933 г. был среди основателей альтернативной социалистической партии. Восхищался национал-социализмом. Открыто выступал против вступления в войну с Германией из-за Польши. Активный сторонник сближения Франции и гитлеровской Германии. Остался в оккупированной зоне, организатор и лидер профашистской организации Народное национальное объединения. Министр труда в правительстве Виши в 1944 г. В июне 1945 г. заочно приговорен к смертной казни. Как выяснилось впоследствии, скрывался в Италии, где и умер.

475

Александров Георгий Федорович (1908–1961), советский философ, партийный деятель; академик АН СССР (1946). Был заведующим редакционно-издательским отделом Исполкома Коминтерна (1938–1939), начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (1940–1947). В описываемое время — директор Института философии АН СССР (1947–1954). Впоследствии — министр культуры СССР (1954–1955), был снят с должности в связи со скандалом по случаю обнаружения организованного Александровым и некоторыми другими номенклатурными и «творческими» работниками борделя. После чего был вновь направлен на научную работу.

476

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), советский писатель, публицист, поэт. Выполнял роль сталинского рупора за рубежом.

477

Заславский Давид Иосифович (Осипович) (1880–1965), советский публицист, литературовед, литературный критик, журналист. Несмотря на свое сомнительное с точки зрения большевистской ортодоксии прошлое (был меньшевиком, членом Бунда), стал сначала фельетонистом «Известий», затем членом редколлегии и видным публицистом «Правды», был принять в ВКП(б). Был активным участником разного рода идеологических кампаний.

478

На бланке Центрального офиса по делам русских беженцев.

479

Dii minores (лат.) — буквально: младшие боги; люди, занимающие второстепенное общественное положение. Латинский оборот вписан вместо зачеркнутого «дипийные».

480

Праздничное заседание с последующим концертом в ознаменование 800-летия Москвы было организовано Московским землячеством в Пари же. Оно состоялось 18 декабря 1947 г. в Salle d'Iéna. См.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1970 / под ред. Л.А. Мнухина. Т. 1 (5). 1940–1954. М., 2000. С. 232.

481

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), русский художник, художественный критик, мемуарист; член объединения «Мир искусства». С 1923 г. в эмиграции в Литве, преимущественно в Каунасе, в 1920- 1930-е гг. жил и работал также в Риге, Париже, Лондоне, с 1939 г. — в США.

482

Качалов (наст. фам. — Шверубович) Василий Иванович (1875–1948), русский и советский театральный актер, народный артист СССР (1936). Ведущий актер Московского Художественного театра.

483

Кравченко Виктор Андреевич (1905–1966), советский инженер- металлург, начальник трубопрокатного цеха на Никопольском комбинате. В 1942 г. назначен начальником Управления военного снабжения Совнаркома РСФСР. В июне 1943 г. выехал в США в составе закупочной комиссии; в апреле 1944 г. попросил политическое убежище в США. В 1946 г. выпустил книгу «Я выбрал свободу» (I Chose Freedom), в которой писал о сталинских лагерях, голоде 1932–1933 гг.

484

Далин (наст. фам. — Левин) Давид Юльевич (1889–1962), политический деятель (меньшевик), социолог, советолог, публицист. В 1921 г. выслан из России, поселился в Берлине. Действительный член Дома искусств, член редколлегии журнала «Социалистический вестник» (с 1923), совладелец издательства «Эпоха». С апреля 1923 г. — член Заграничной делегации РСДРП. В 1933 г. переехал в Польшу, в 1939 г. — в Париж. С 1940 г. жил в США.

485

Бэт нуар *{bête noire,* франц.) — страшилище, пугало, антипатия.

486

Год установлен по содержанию.

487

Аронсон Г. Кризис коалиции и французские социалисты // Новое русское слово. 1948. 9 сентября. С. 3. Аронсон, в частности, писал: «20 лет тому назад М.А. Алданов в очерке, посвященном характеристике Леона Блюма, ставил эту специфически-французскую проблему: кто опаснее — правые или левые? Что грозит гибелью демократии и социализму — опасность справа или слева? В разрезе французских событий тех лет (1927 г.). Алданов вскрыл существо этой контроверзы, когда не без сарказма писал о тактике французских социалистов: "Самое важное, разумеется, barrer la route a la reaction…